

Е. В. Вершинин

оеводское
управление в
Сибири
(XVII век)

Муниципальный учебно-методический центр
"Развивающее обучение"

Е. В. Вершинин

Воеводское
управление в
Сибири
(XVII век)

Екатеринбург
1998

Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVIIвек). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр "Развивающее обучение", 1998. 204 с.

Монография посвящена деятельности местного государственного аппарата власти в эпоху присоединения Сибири к Русскому государству (XVII в.). Премущественное внимание уделено воеводам – дворянам из европейской России, регулярно сменявшим друг друга в сибирских уездных центрах. На основе привлечения архивных источников рассматриваются принципы назначения на должность воеводы, государственное обеспечение воеводской администрации, анализируется содержание воеводских наказов, приводятся и уточняются сведения биографического характера. В "Приложении" дан уточненный по сравнению с предыдущими хронологический перечень воевод по 19 сибирским городам.

Книга рассчитана на научных работников, аспирантов и студентов.

Рецензенты: А.Т.Шашков, канд. ист. наук
Е.М.Главацкая, канд ист.наук

В 37 Е.В.Вершинин
Воеводское управление в Сибири (XVIIвек): Науч. издание/ Е.В.Вершинин. Художественное оформление Т.С.Вершининой. - Екатеринбург: МУМЦ "Развивающее обучение", 1998. - 204 с.: ил. - ISBN 5-8160-0004-7.

ISBN 5-8160-0004-7

© Вершинин Е.В., 1998
© Вершинина Т.С., художественное оформление, 1998

Введение	4
Глава I. Воеводский аппарат власти: традиции и новации административной практики	16
1. Состав сибирской администрации и принципы назначения на должность	16
2. Государственное обеспечение лиц воеводской администрации	42
3. "Кормленческие" черты воеводского управления	48
4. Взаимоотношения между лицами воеводского аппарата управления	55
Глава II. Воеводы у "земских и государевых дел"	65
1. Компетенция сибирских воевод по наказам	65
2. "Чтоб государеву делу было прибыльнее..."	82
3. Воеводский суд	104
Заключение	138
Приложения	148
Примечания	184
Список сокращений	203

ВВЕДЕНИЕ

В апреле 1613 г., когда кортеж избранного на престол Михаила Романова медленно продвигался к Москве, временное правительство во главе с кн. Ф.И.Мстиславским, тяготясь тяжким бременем власти, “докучало” царю запросами о неотложных делах. Среди прочего был запрос и такого рода: “Пишут, государь, к тебе ... к Москве из многих городов дворяне и дети боярские и всякие служилые и жилецкие люди, что у них в городех воевод нет, а без воевод городом быть немочно”. Время, действительно, было далеко не спокойное: центральные и северные районы страны все еще наводняли отряды “польских и литовских людей”, а также станицы русских “воровских” казаков, которые с равным усердием выжимали “корм” и с дворянских усадеб, и с крестьянских дворов. Московские бояре стали назначать воевод в уезды, но возникло неожиданное препятствие: “Мы, холопы твои, в города учали были воевод ... отпускать; и воеводы приходят к нам, а сказывают, что де во все города воевод ... отпускают от тебя, государя. И мы, холопы твои, в города воевод ... посылать без твоего государева указу не смеем”. Михаил Федорович в ответном послании разрешил боярам действовать самостоятельно, воевод “отпускать от себя”¹. Понятно, что новый царь сам еще никого не успел отправить на воеводство. Кандидаты на воеводские места, указывая на необходимость санкции государя, имели ввиду уже сложившийся порядок подобных назначений. Просто формулируемый вопрос (какие предшествующие цари “отпускали” дворян на городские воеводства?) оборачивается интересной и далеко не решенной проблемой генезиса воеводской формы управления в России.

Особенностью становления воеводской системы как местного звена управления являлся “эволюционный” характер этого процесса. Распространение воеводского управления никогда не было связано с какой-либо правительственной реформой, имеющей законодательное подтверждение. В свое время выдающийся отечественный историк А.А.Зимин отмечал, что во 2-й половине XVI в. “власть наместников-кормленщиков постепенно заменилась воеводским управлением” и “что ход этого процесса должен послужить предметом специального исследования”². При всем внимании, которое в последние десятилетия уделялось структурам власти и органам управления феодальной России, отмеченная А.А.Зиминим проблема не получила своего конкретно-исторического исследования. Подобная историографическая ситуация создает иллюзию “внезапности”

утверждения воеводского управления в начале XVII в. Лишь сравнительно недавно появились относящиеся к проблеме работы И.П.Ермолаева и А.П.Павлова.

И.П.Ермолаев первые опыты воеводского управления соотносит с организацией управления в Казанском крае после его завоевания. Ученый считает, что именно в Средней Поволжье “сформировалась система воеводского управления”, а в начале XVII в. она была введена на всей территории России³. Мнение И.П.Ермолаева находит солидную опору в историографической традиции, созданной еще учеными XIX в. — Б.Н.Чичериным, И.А.Андреевским, А.Д.Градовским. Появление института городских воевод-администраторов они связывали с территориальным расширением Русского государства во 2-й половине XVI в. и особыми задачами правительственной политики на окраинах. Воеводы посылались “на управление инородными племенами, где сбор податей не мог обойтись без военной руки”; “в Казани, Астрахани, Сибири после их покорения учреждены были воеводы”, так как там “нужна была крепкая власть”⁴. Таким образом, воеводы, соединявшие функции военной и гражданской власти, назначались сначала в пограничные города. Однако данные суждения не объясняют, почему в начале XVII в. воеводская власть становится основным звеном местного управления в рамках всей страны. Замечание И.А.Андреевского по этому поводу выглядит немного мистически: “Частная мера Ивана IV, назначавшего воевод в опасные места, возведена в общую меру, и местное управление России XVII в. является в виде воеводского управления”⁵. Из дореволюционных ученых наиболее глубокое объяснение причин распространения воеводской формы управления принадлежит М.М.Богословскому, но о нем, сознательно нарушая хронологию, хотелось бы сказать немного ниже.

Нельзя не согласиться с современным историком А.П.Павловым, который пишет: “Становление и утверждение воеводской системы было обусловлено всем ходом социально-политического развития страны в конце XVI — начале XVII в. ... Внешние же факторы не могли сами по себе привести к утверждению той или иной формы управления”⁶. В своем монографическом исследовании о времени правления и царствования Бориса Годунова А.П.Павлов уделит внимание и возникновению воеводского управления, в результате чего им сделаны следующие существенные выводы⁷. Начальный этап складывания системы воеводского управления относится к последней четверти XVI — началу XVII в. (до 1605 г.). Во время событий Смуты воеводская власть конституировалась в центре и на

севере страны, что лишь завершило оформление воеводской системы в общерусском масштабе. Внедрение самого приказного начала в местное управление опережало распространение понятия "воевода" со значением царского администратора, назначенного из Москвы. В последней четверти XVI в. в центральных и северных районах страны такие администраторы известны под терминами "судьи" и "приказные люди". А.П.Павлов совершенно прав, когда считает их "прообразом воеводского административного управления"; по существу это уже воеводская форма власти, в годы Смуты произошла лишь смена терминологии. (Так, в 1608–1609 гг. тремя уездами Перми Великой управляли Ф.П.Акинфов и подьячий Н.Романов. Земские власти Кайгородка и Соликамска официально обращались к ним как к "государевым приказным", а царские грамоты адресовались "воеводе" Акинфову⁸). А.П.Павлов не мог пройти мимо разнообразия форм местного управления, характерного для 2-й половины XVI в. Для 1570–80-х гг. он отметил оживление системы наместничеств-кормлений, официально отмененных земской реформой 1555/56 г. С другой стороны, на определенных территориях страны власть воевод и "приказных людей" ограничивалась органами выборного самоуправления, конституированными ранее той же земской реформой. Воеводская форма правления рассматривается А.П. Павловым как "более высокая степень централизации местного управления"; вместе с тем "воеводы действовали в условиях господства системы сословной монархии".

Очевидно, что генезис института городских воевод - достаточно сложная проблема, решение которой возможно только при специальном изучении всей пестрой картины форм местного управления 2-й половины XVI в. И если здесь я вынужденно и, может быть, несколько поверхностно обращаюсь к некоторым аспектам этой малоисследованной темы, то лишь затем, чтобы определить "исходные рубежи" своей работы.

Наиболее заметной вехой в истории местного управления XVI в. была земская реформа 1555/56 г. Отменяя институт кормленщиков, реформа решающим принципом местной организации власти делала самоуправление (но отнюдь не "вводила" его, поскольку общинное самоуправление древнее государственной публичной власти). Земская реформа имела две стороны: политическую и финансовую. Сложившиеся к середине XVI в. отношения между кормленщиками и массой населения не могли удовлетворять формирующийся в Москве аппарат централизованного управления: "... вниде в слух благочестивому царю, что многие града и волости пусты учинили

наместники и волостели изо многих лет презрев страх божий и государские уставы ... Также тех градов и волостей мужичья многие коварства содеяша и убийства их людем"⁹. Давно выяснено, что административные обязанности для кормленщиков "оказывались всего лишь придатком к основному - получению "присуда" и полагавшегося по "доходному списку" содержания"¹⁰. Собственно публично-правовые функции наместников в середине XVI в. сводились к вершению суда и сбору торговых и некоторых других пошлин. В 1-й половине XVI в. рядом с наместниками появляются городовые приказчики (исполнительные агенты центральной власти) и выборные губные старосты (после 1539 г.), к которым переходит сфера уголовного суда. Как ни странно, в литературе нет ясного мнения по вопросу, имели ли кормленщики отношение к сбору государственных налогов. Мне кажется, что нет. Если уставные грамоты наместничьего управления категорически запрещали наместникам и волостелям вмешиваться в сбор положенных им кормов, то тем более не логично было бы возлагать на них сбор намного больших по размерам "даней", "оброков" и т.д. За сбор и доставку налогов, а также выполнение натуральных повинностей отвечали "данчики" (специальные агенты великокняжеской власти), городовые приказчики и, наконец, само население через выборных лиц своего самоуправления. Не доверяя кормленщикам административно-финансовые функции, центральное правительство тем менее нуждалось в них как органах государственной власти на местах.

Если предыстория и сама реформа 1555/56 г. подверглись тщательному анализу в капитальном труде Н.Е.Носова¹¹, то степень ее дальнейшей реализации в разных областях государства далеко не ясна. Тем не менее отчетливо проступают первоначальные замыслы реформы. Выбранные на местах земские старосты являлись для утверждения в Москву, где им давались указы и уставные грамоты. Содержание наказов, к сожалению, неизвестно. Земские уставные грамоты, заменявшие уставные грамоты наместничьего управления, подробно фиксировали в общем-то только две стороны деятельности земских старост (= излюбленных голов), что и являлось новшеством реформы. Это - выполнение судебно-полицейских функций и сбор "кормленного окупа". Отменяя кормления, правительство должно было помнить, что они являлись формой натурального обеспечения (вознаграждения) княжеско-боярской знати и верхушки дворянства за ратную и иные службы. Отныне с населения "за наместничьи и волостелины доходы" собирались специальные оброчные деньги - "кормленный окуп", размеры которого для разных тер-

риторий устанавливались в индивидуальном порядке. Суммы "кормленого окупа", поступаая в Москву, явились прямой причиной возникновения финансовых четвертей-приказов.

Финансовый характер земской реформы особенно важен для нашей темы. Кормления как форма натурального обеспечения служилых людей "по отечеству" заменялись денежным жалованьем, выдававшимся теперь из сумм "кормленого окупа". Показательно, что денежное жалованье продолжало по-старому называться "кормлением": "Бояр же и вельмож и всех воинов устроил кормлением, праведными уроки, ему же достоит по отечеству и по родству, а городских в четвертый год, а иных в третьей год, денежным жалованьем"¹². Таким образом, земская реформа 1550-х гг. находилась в тесной связи с финансовой политикой правительства, направленной на обеспечение (пусть еще нерегулярное) службы значительной части представителей феодального класса. Появление, помимо раздачи поместий, другой формы обеспечения – денежного жалованья – отражало новую ступень в развитии государственного аппарата России, создавало условия большей зависимости служилых людей "по отечеству" от центральной власти. Это обстоятельство имело немаловажное значение и при возникновении института городских воевод, ибо одно из главных отличий последних от наместников как раз и состояло в том, что служба воевод оплачивалась в централизованном порядке: деньги им выдавались из московских четей-приказов.

Земская реформа задумывалась и начала воплощаться в относительно спокойный период развития русского общества (думаю, что геополитические последствия завоевания Казанского края были тогда еще совершенно не представимы). На реализацию и итоги реформы решающее деформирующее влияние оказали события и потрясения ближайших десятилетий: затяжная Ливонская война, кровавый опричный террор, невиданно быстрое территориальное расширение государства в восточном направлении, глубокий хозяйственный кризис 1570 – 80-х гг. Выражением последнего являлись "резкая убыль населения и громадное запустошение земель, которые, в свою очередь, повлекли за собой изменения во всей социально-экономической жизни страны, оказали влияние на все сферы общественной жизни"¹³. Сокращение работоспособного населения и сельскохозяйственной продукции вынуждали правительство увеличивать податной гнет (как и проводить меры закрепостительной политики в отношении частновладельческих крестьян). Именно в таких условиях сбор налогов, порученный выборным властям, мог

оказаться малоэффективным. И именно к 1570 – 90-м гг. относится появление "судей" и "приказных людей" в уездах Севера и Замосковного края, которые можно считать внутренними территориями государства¹⁴.

Здесь уместно вспомнить взгляды М.М.Богословского на утверждение воеводского управления, которое он относил к первым двум десятилетиям XVII в. Воеводы как сильная, в первую очередь военная, власть появились во время борьбы с многочисленными иноземными и своими "воровскими" отрядами: это "содействовало обращению института воеводской власти из окраинного в повсеместный и из чрезвычайного в обыкновенный". После избрания нового царя воевода прежде всего "оказался правительственным агентом по финансовому управлению". Ученый отметил рост налогообложения в первые годы царствования Михаила Федоровича, введение чрезвычайных экстренных налогов. Выборные земские власти (там, где они сохранялись в качестве единственных) "слишком близко стояли к обществу и слишком тесно были с ним связаны, чтобы действовать в интересах финансового управления в его новом масштабе". Сильная рука воеводы должна была "властно выколачивать недоимки из подведомственного ему населения"¹⁵.

Таким образом, события Смуты породили вторую "волну" неблагоприятных для земского самоуправления условий, окончательно определивших приоритет приказного воеводского управления¹⁶. Само же утверждение воеводской системы было не одновременным актом, а растянувшимся на десятилетия процессом, начало которого относится к 70 – 80-м гг. XVI в.

Первые десятилетия присоединения Сибири к Русскому государству оказались синхронны становлению воеводского управления в общероссийском масштабе. При всей специфике сибирских условий воеводская администрация за Уралом не являлась каким-то особым, колониальным аппаратом власти; она формировалась на тех же принципах и имела те же основные функции, что и в европейской России¹⁷. Это позволяет рассматривать ее как органичную часть всего воеводского управления XVII в.

***

Автор данной работы решил отказаться от более или менее обширного историографического раздела – хотя бы из опасения, что он может превысить любую из следующих глав. Разумеется, это ни в коем случае не означает игнорирования той значительной отечественной литературы последних двух столетий, в которой специ-

ально или косвенно трактуются вопросы воеводского управления XVII в. Здесь представляется целесообразным бросить лишь панорамный взгляд на развитие основных тенденций в изучении данной темы.

Историографическая традиция специального изучения местного управления XVII в. восходит к середине – второй половине XIX в. Примечательно, что одно из первых (если не первое!) монографических исследований по истории России XVII столетия – это труд Б.Н.Чичерина “Областные учреждения России в XVII веке” (1856 г.). Написанный в последние годы николаевского правления, он не мог быть опубликован при жизни царя-консерватора. Это было любопытное время, когда сугубо научные исторические диссертации и монографии вызвали неподдельный интерес у образованной публики и подозрительное отношение со стороны чиновников “от образования”. Последние оценили исследование Б.Н.Чичерина “как пасквиль и ругательство на древнюю Русь”, в котором “древняя администрация России представлена в слишком неприглядном виде”¹⁸. Основываясь на опубликованных к тому времени источниках, Б.Н.Чичерин рассмотрел воеводское управление, деятельность губных старост, разные виды служб “на вере” (таможенную, кабацкую и т.д.). Его работа наполнена множеством метких наблюдений и верных оценок; “сибирский” материал он не отделял от общероссийского. Б.Н.Чичерин не имел перед собой историографической традиции – тем ценнее предстает проделанное им исследование.

Вслед за Б.Н.Чичериным к характеристике воеводского управления обратились и другие историки “государственной школы” – И.А.Андреевский, А.Д.Градовский. Последний подробно разобрал общие принципы, на которых строилось воеводское управление; содержание воеводских наказов и основные функции приказного аппарата на местах¹⁹. Этих ученых, начиная с самого Б.Н.Чичерина, шокировал законодательный хаос, царивший в сфере местного управления. Б.Н.Чичерин: “В учреждениях XVII в. можно видеть следы всех прежних систем управления: жалованные грамоты и привилегии, кормы, частное поручительство, родственные отношения в службе напоминали средневековую жизнь; от системы XVI в. остались земские судейки, губные старосты и городовые приказчики, самостоятельно управлявшие отдельными округами. Все это перемешивалось без всякого порядка...”²⁰ А.Д.Градовский: “Слабое развитие понятий о местном управлении в тогданнее время лучше всего можно видеть на тех сторонах местного управления, которые в настоящее время составляют главную заботу правительства”²¹ (ученый имел ввиду гипертрофированное значение

фискальных функций воеводского аппарата, в ущерб удовлетворению потребностей местного общества). Со многими положениями, высказанными историками “государственной школы”, просто невозможно (и не нужно) спорить. Представляется, однако, что ориентация на более поздние “рациональные” образцы управления (дворянско-чиновничий бюрократический аппарат, в частности) породила существенный недостаток данных работ. Из них выпал вопрос о соответствии воеводского управления уровню социально-политического развития общества той эпохи, о связи разных форм местного управления с эволюцией государственно-политического строя России XVI-XVII вв.

Тем не менее к началу нашего столетия содержание воеводского управления и его взаимоотношения с другими формами местной власти казались настолько выясненными (блестящее подтверждение чему – соответствующие страницы курса “Русской истории” В.О.Ключевского²²), что в изучении этой темы оставалось или поставить точку или же... приступить к ее более глубокому рассмотрению в региональном аспекте, используя обширные архивы приказов и воеводских изб. Историки, естественно, избрали второй путь.

Начало изучения региональной истории местного управления XVII в. можно связать с именами М.М.Богословского (для Поморья), Н.Н.Оглоблина и С.В.Бахрушина (для Сибири). Принадлежащие им труды исследовательского и справочного характера давно стали “классическим” наследием отечественной историографии и не нуждаются в специальном представлении. Мне бы хотелось избегать весьма распространенной “историографической” схемы, согласно которой автор сначала хвалит, скажем, того же Сергея Владимировича Бахрушина – за усидчивость в архивах и постановку “некоторых” вопросов, – а затем с сожалением констатирует “ошибочность” его теоретических воззрений. Главное (для нашей темы) видится в том, что под пером данных исследователей местное управление из истории “учреждений” превратилось в историю конкретных людей, как представлявших эти учреждения, так и проходивших через них.

С яркими работами С.В.Бахрушина о воеводском управлении Тобольска, Якутска, Красноярска, Мангазеи (они созданы в 20 – 40-е гг.) в современной ему историографии трудно поставить что-либо рядом. Но и в дальнейшем “сибирская” разработка этой темы оказалась богаче, по сравнению со “старыми” центральными районами России. О воеводах и их управлении к западу от Урала за последние 50 лет написано одновременно и мало, и много. Мало – если иметь ввиду специальные работы, посвященные только местному

управлению. Много – если учесть, что практически любое исследование по социально-экономической проблематике XVII в. не может обойтись без “воеводских” сюжетов. В контексте фронтального изучения проявлений классовой борьбы высвечивались исключительно две стороны воеводского управления: административно-фискальная деятельность местного приказного аппарата и его злоупотребления. В конечном итоге воеводы XVII в. стали напоминать того почтальона-преступника из рассказа Г.К.Честертона, которого, вследствие обыденности и регулярности его присутствия, окружающие перестали замечать.

Очевидно, что была и другая причина, препятствовавшая выделению воеводского управления в качестве самостоятельного объекта исследования и в не меньшей степени обусловленная марксистскими методологическими подходами. Карьере служилого человека “по отечеству” в XVII в. (в том числе и пребывание в городских воеводах) невозможно рассматривать вне совокупности связей, в центре которых он находился. Подразумеваю генеалогические и родственные связи, местнические отношения, степень близости к царскому двору, выдвижение по личным заслугам, условия материального существования, наконец, жизненные коллизии личного свойства. Конечно, в конкретном исследовании выявить эти связи и обстоятельства чрезвычайно трудно. Но даже идеальное приближение ко всей этой “дворянской” тематике в советскую эпоху явно не поощрялось.

При отсутствии специальных работ тема воеводского управления “поддерживалась” формой небольших очерков в трудах обобщающего характера²³. Широкое распространение получил тезис о постепенном усилении власти воевод на местах в течение XVII в. как следствии целенаправленной правительственной политики, что, в свою очередь, отражало движение государственного аппарата в сторону абсолютизма. Однако безоговорочное признание данного положения невозможно без его подтверждения конкретно-историческими исследованиями; а в них-то как раз и ощущается недостаток. В последнее время, правда, в изучении местного управления XVII в. наметились позитивные сдвиги. Появилась монография И.П.Ермолаева, о которой уже говорилось выше. К сожалению, исследователь оказался в трудных условиях: архивы Казанского дворца по большей части сгорели в пожарах XVII – начала XVIII в. Думаю, что этим объясняется некоторая абстрактность и схематичность содержания монографии, отчасти напоминающей стиль историков “государственной школы”. Земские, губные и приказные органы уп-

равления в центральной части России стали (наконец-то!) предметом диссертации Е.А.Колесниковой²⁴; можно ожидать, что этот интересный материал будет опубликован.

Огромную помощь при изучении воеводского аппарата – от Кольского острога до Якутска – оказывает монография Н.Ф.Демидовой (думаю, со временем ее назовут “капитальной”)²⁵. Рассмотрев, в частности, принципы комплектования, содержание и обеспечение службы местных приказных штатов, Н.Ф.Демидова применила при этом региональный подход. Немалое место на страницах ее труда уделено приказным штатам воеводских изб Сибири. Ценной в этом же отношении является работа Г.А.Леонтьевой, основанная только на сибирских материалах²⁶.

Обратимся к собственно “сибирской” историографии интересующей нас темы “послебахрушинского” периода. Несмотря на ограничения, которые ставила перед учеными идеологическая заданность, последние 40 – 50 лет – время подлинного постижения многогранного процесса первоначального освоения Сибири. Оставляя в силе свое замечание о преимущественной оценке воеводского управления с “классовых позиций” (что присуще и работам сибиреведов), хочу высказать следующее соображение. Любой сибирский воевода оказывался перед широким кругом самых разнообразных регламентированных обязанностей и неожиданных задач, рождаемых условиями колонизации. Условия эти, вдобавок, менялись от одного уезда к другому. Занявшись темой местного управления, исследователь в идеале стремится к наиболее полному постижению той “очевидности”, которая была естественной обстановкой для его исторических персонажей. Другими словами, он на какое-то время совмещает свою позицию с позицией интересующих его людей. Вот это-то знание условий и места действия, если уж он решил заглянуть в воеводские избы Верхотурья, Мангазеи или Нерчинска (и не перепутать их!) невозможно представить без трудов нескольких поколений отечественных сибиреведов. В этом смысле данная работа так или иначе, в явном или неявном виде, опирается на монографии и статьи В.И.Шункова, А.П.Окладникова, В.Н.Шерстобоева, Б.О.Долгих, З.Я.Бояршиновой, В.А.Александрова, Н.Н.Покровского, А.А.Преображенского, М.И.Белова, Ф.Г.Сафронова, А.Н.Копылова, О.Н.Вилкова, П.Н.Павлова, Д.Я.Резуна, Н.Д.Зольникова, Г.А.Леонтьевой, Н.И.Никитина, А.А.Люцидарской, А.Т.Шашкова и некоторых других авторов.

Специально к воеводскому управлению Сибири в 60-х гг. обратился А.Н.Копылов²⁷. В целом эту попытку можно оценить как

вполне традиционную, не выходящую из круга вопросов, уже поставленных дореволюционной и советской историографией.

Качественно новый этап в изучении воеводской власти в Сибири связан с работами Н.Н.Покровского и В.А.Александрова²⁹. Вопреки устоявшемуся мнению о бесконтрольности и деспотичности воеводского аппарата за Уралом эти исследователи доказательно обосновали значительное участие сибирских мирских сообществ в делах местного управления (на этом аспекте книги В.А.Александрова и Н.Н.Покровского я намерен подробно остановиться в "Заключении"). Указанная монография содержит отдельную главу, посвященную воеводскому управлению. С одной стороны, она обобщила материал, накопленный со времен выхода работ А.Н.Копылова, с другой – обратилась к личностям воевод. В рамках последнего подхода возникли такие вопросы, как чиновный состав сибирской администрации, место сибирского воеводства в общей карьере служилого человека "по отечеству", степень осознанности "кадровой" политики центрального правительства при формировании управленческих кадров Сибири.

Логичным продолжением данной темы служит изучение воеводского управления в эпоху административных реформ Петра Первого, что нашло отражение в недавно опубликованном исследовании М.О.Акишина. Автор приводит интересный материал о судьбах сибирских правителей, которые успели побывать таковыми при двух разных административных системах. Весьма существенен его вывод о том, что в I-й четверти XVIII в. центральное правительство начинает активно привлекать в местный управленческий аппарат представителей сибирской служилой верхушки (на постоянные должности городских воевод и комендантов)²⁹. В целом монография М.О.Акишина, где не ставятся задачи рассмотрения исключительно местного управления, поднимает вопросы о степени реального соотношения административных новаций XVIII в. с устоявшейся управленческой практикой предыдущего столетия. В этом направлении, как представляется, можно проводить плодотворные исследования.

***

Данная работа основана на традиционном для XVII в. круге письменных источников, в основном делопроизводственных материалах. Естественно, если бы автор самостоятельно не обращался к материалам фондов Сибирского приказа и Верхотурской приказной избы РГАДА, то ее не было бы смысла публиковать.

Автор сознательно избегает "инвентарной" постановки исследовательских задач, считая, что они очевидны из названий глав и их разделов. И еще по одной причине, имеющей несколько личный характер. В основу данной работы положена диссертация на ту же тему, выполненная мной в конце 80-х гг. под руководством В.А.Александрова. В то время его совместная с Н.Ч.Покровским монография только писалась и готовилась к печати. Какое место занимала моя диссертация в этом обширном замысле (если вообще занимала), я так и не узнал. Но после выхода книги в свет я увидел, что тот "оригинальный материал" (выражение Вадима Александровича), который, может быть, присутствовал в диссертации, самим Вадимом Александровичем никак не был задействован. Я же, на фоне солидного труда двух маститых ученых, не решился тогда выступить с данной темой. И если сейчас я это делаю, то не потому, избави Бог, что собираюсь в чем-то оспорить учителя после его смерти (хотя некоторые возражения в "Заключении" есть), а потому, что пришел к выводу, что Вадим Александрович, может быть, специально оставил место для проявления моей "самостоятельности"...

Я постарался переделать текст диссертации, убрать "общие места" и учесть новейшие публикации, имеющие отношение к теме. Новым является параграф о воеводском суде. Я осознаю его недостаток – то, что он написан в основном по опубликованным источникам (от РГАДА меня отделяет 1700 км), и при благоприятных возможностях собираюсь вернуться к этой теме на "архивном" уровне. В целом же я по-прежнему считаю данный текст своего рода дополнением к соответствующим страницам книги В.А.Александрова и Н.Н.Покровского.

Скромной данью памяти Вадима Александровича Александрова и является эта работа.

***

Я благодарю рецензентов рукописи Анатолия Тимофеевича Шашкова и Елену Михайловну Главацкую за ценные замечания и советы, которые позволили внести в текст ряд уточнений и дополнений. Не могу не отметить любезности А.Т.Шашкова, который поделился итогами собственных разысканий и предоставил для хронологического перечня воевод отсутствовавшие в нем сведения о воеводской администрации Сургута, Березова и Пельма за конец XVI – начало XVII в.

ВОЕВОДСКИЙ АППАРАТ ВЛАСТИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРАКТИКИ

1. Состав сибирской администрации и принципы назначения на должность

Общая история заселения Сибири русскими и основания там городов и острогов изучена достаточно хорошо. По мере освоения сибирских просторов выделялись новые уездные центры, а всего в XVII в. статус таковых получили 20 городов и острогов (правда, Албазинский уезд существовал всего несколько лет – в 1682 – 1689 гг.). Уезды образовывали более крупные административно-территориальные единицы – разряды (самый первый из них – Тобольский – начал складываться уже в конце XVI в.). Возникновение Тобольского разряда (до 1629 г. единственного в Сибири), как и разрядов на южных границах европейской России, вызывалось необходимостью иметь единый центр, координирующий военные действия на порубежных территориях. Само обозначение “разряд” (Разрядный приказ в Москве ведал военной службой дворян) указывает прежде всего на военные полномочия администрации разрядного города, превосходившие полномочия подчиненных ей уездных воевод. Военные функции разрядной администрации дополнялись дипломатическими: в условиях отдаленности от центра она имела право самостоятельных сношений с южными кочевыми соседями России.

К 1677 г. в Сибири оформились 4 разряда – Тобольский, Томский, Ленский (с центром в Якутске) и Енисейский (см. Приложение 1). В конце столетия недолго, с 1687 по 1693 г., существовал Верхотурский разряд в составе Верхотурского, Туринского и Пелымского уездов. Причина указа (декабрь 1687 г.) о том, чтобы “Верхотурью быть особо розрядом, а к Тобольску не ведать”, объяснялась спецификой расположения самого города¹. С момента своего основания в 1598 г. Верхотурье служило “воротами” в Сибирь, где должно было строго проверяться имущество и деньги отправлявшихся к месту службы лиц воеводской администрации. Указ о создании нового разряда мотивировался тем, что прежде тобольские воеводы провозили с собой много разных запасов “сверх подорожных” (т.к. они знали, что верхотурский воевода находится в их ведомстве и

поэтому вряд ли осмелится вступить с ними в конфликт). Верхотурский разряд существовал при двух воеводах – Г.Ф.Нарышкине и сменившем с 1691 г. отца М.Г. Нарышкине. В 1693 г. Верхотурский разряд был ликвидирован, а все три города опять перешли в ведение Тобольска². Причина его упразднения неясна, хотя можно отметить следующую любопытную деталь. Верхотурье было разрядным городом только при воеводах Нарышкиных – родне царя Петра Алексеевича. В 1693 г. главным воеводой в Тобольск был назначен ближний стольник А.Ф. Нарышкин, в Верхотурье – думный дворянин И.Е.Цыклер. Не исключено, что амбиции царских родственников, не желавших принимать за равных верхотурских воевод, играли при ликвидации Верхотурского разряда большую роль, чем соображения деятелей Сибирского приказа о целесообразности существования новой административной единицы.

Собственно воеводский аппарат в Сибири XVII в., как и по всей России, был невелик. Администрация, приезжавшая из Москвы, состояла из воевод, дьяков или подьячих “с приписью” и письменных голов. Известен специальный указ 1627 г., который устанавливал штаты высшей администрации для существовавших тогда сибирских городов. С этого года перестал посылаться второй воевода в Верхотурье, Тюмень, Березов и Сургут. В Томске, Мангазее и на Таре оставалось по два воеводы, в других городах с самого начала было по одному. Приказной аппарат Тобольска должен был состоять из двух воевод, двух дьяков и четверых письменных голов³ (дальнейшие изменения в количественном составе воевод и дьяков сибирских городов отражены в Приложении 2). В некоторые уездные (не разрядные) центры в качестве товарища воеводы мог назначаться подьячий с приписью. Это назначение зависело как от ранга города (приказные дельцы XVII в. различали “большие, средние и меньшие” города), так и от каких-то временных соображений, часто нам неизвестных. Подьячий с приписью обязательно был в Верхотурье (стал назначаться между 1609 и 1616 гг.). В большинстве других сибирских городов воеводы опирались на складывающийся штат подьячих местных приказных изб.

Необходимо остановиться на вопросе о причинах назначения двух воевод в один город и о целесообразности этого порядка для местного управления. Первоначально, во второй половине XVI в., власть воевод одного города делилась даже чисто территориально при определенном главенстве первого воеводы: последний ведал собственно городом, его товарищ – острогом⁴. Это разделение сохранилось и в некоторых ранних наказах сибирским воеводам. Так,

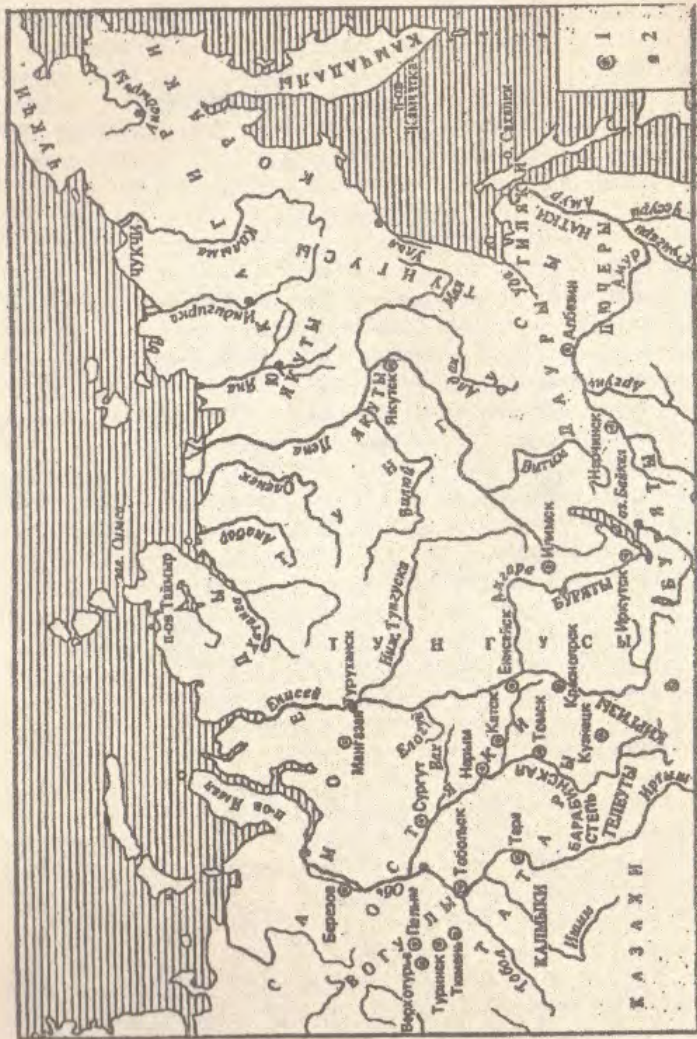

Рис. 1. Сибирь в XVII в.
1 — уездные центры; 2 — остроги, слободы, зимовья

в наказе 1597 г. на Тару воеводе С.В.Кузьмину и головам А.Воейкову и П.Пивову говорилось: "Воеводе Степану Васильевичу быть в городе, а головам Андрею и Петру быть в остроге, а стоять им на прежних воеводских дворах, а которым детям боярским и ратным людям у кого быти и тому послана с ними роспись... по тому их и ведати"⁵. Как видно, воевода и головы распоряжались даже отдельными отрядами служилых людей, что указывает на разделение их обязанностей прежде всего по военно-функциональному признаку.

В первые годы утверждения царской администрации в Сибири письменные головы являлись товарищами воевод (т.е. имели право на совместное с воеводой решение дел). В 1597 г. в Тобольске сидели воевода Е.В.Бутурлин и двое письменных голов. В сибирской "Книге записной" специально отмечено: "А в грамотах с Москвы писано к Ефиму Бутурлину с писмянными головами вместе"⁶. В том же источнике относительно верхотурских письменных голов начала XVII в. есть малопонятная фраза: "А писмянные головы писали"⁷. Н.Н.Оглоблин в конце XIX в. считал, что письменные головы играли при сибирских воеводах роль "чиновников особых поручений", обязанных представлять письменные отчеты о выполнении тех или иных дел⁸. Мне представляется иная, чем у Н.Н.Оглоблина, этимология словосочетания "письменный голова", указывающая на первоначальный военный характер этой должности, которая, несомненно, появилась ранее самого воеводского управления⁹. В приказной документации начала XVII в. верхотурские и пельмские письменные головы предстают как товарищи воевод, по сути как вторые воеводы. В некоторых документах они и называются воеводами, а не головами. Поэтому фразу летописи можно понять так: хотя товарищи воевод и имели чин письменных голов, но деловая корреспонденция должна была содержать их имена, что указывало на их реальный административный статус.

После Смутного времени и до конца века письменные головы входили в состав приезжей администрации разрядных городов. Можно согласиться с Н.Н.Оглоблиным, что при тобольских, томских, енисейских и якутских воеводах они состояли для выполнения временных поручений административного и военного характера. Наиболее часто они посылались на "упалые" воеводские места, исполняя эту должность до приезда новых воевод; назначались в качестве "сыщиков" расследовать деятельность лиц уездной администрации; управляли крупными острогами (особенно в Восточной Сибири); возглавляли военные экспедиции. Для некоторых из письменных голов служба в Сибири складывалась удачно, способствуя по-

вышению их чиновного статуса. Так, в 1680 г. в Енисейск в качестве письменного головы прибыл Л.К.Кислянский, а в 1684 г. он уже в чине стольника был назначен на воеводство в Иркутск. Видимо, Сибирь играла важную роль в карьере Л.М.Поскочина: в 1670 – 1672 гг. он был письменным головой в очередной смене тобольских воевод, в начале 80-х гг. в чине стряпчего составлял писцовые книги по Западной Сибири, а в 1689 – 1691 гг. (уже стольником) исполнял должность воеводы в Красноярске.

Современный исследователь местного управления XVII в. в Поволжье И.П.Ермолаев настаивает на коллегиальности воеводского управления как осознанном принципе¹⁰. Мне представляется, что коллегиальность как принцип управления – понятие историческое и что оно, также как и бюрократия, не может появиться раньше создания системы рациональной организации власти. Отметим, что для сибирской разрядной администрации применение “коллегиальности” в решении дел было ограниченным. Дела своего уезда, вопросы о посылке ратных людей и припасов в другие города разряда первый воевода и его товарищи должны были решать вместе. О всяких же других “государевых делах” уездная администрация запрашивала главного разрядного воеводу и ожидала распоряжений только от него¹¹.

Никакого регламентированного разграничения пределов власти для двух воевод, назначенных в уездный центр, мы не находим. Единственное рациональное объяснение их равноправия состоит в предположении, что правительство рассчитывало на взаимный контроль своих администраторов. Однако в условиях XVII в. данный порядок оказался далеко не эффективным на фоне реальных последствий такого управления. При одинаковом объеме полномочий воевод в силу вступали такие факторы, как местнические счета, родовитость, связи при дворе. История Сибири XVII в. знает немало примеров, когда “рознь” между двумя воеводами приводила к значительной дезорганизации местного управления.

Второй воевода исчезает из состава сибирской уездной администрации к середине XVII в. В разрядных городах второй воевода сохраняется до конца столетия, но с одной, отчетливо заметной, тенденцией. Все чаще официальными товарищами первых воевод назначаются их сыновья (подробнее об этом будет сказано ниже). Подобный прием, видимо, должен был снять возможную “рознь” среди административной верхушки. Два отмеченных факта выражали, на наш взгляд, тенденцию к утверждению принципа единоначалия в системе местного управления, хотя степень осознанности этой

тенденции центральным правительством не поддается выяснению.

Существование в воеводском управлении XVII в. двух равноправных администраторов объясняется, возможно, не столько реальными потребностями, сколько традицией местного управления в России. В первой половине XVI в. во многие города (особенно крупные) назначались по 2 наместника¹². Кормленщиков-волостелей, пожалованных одной волостью, также могло быть двое¹³. Бытовавшие традиции не ограничивались сферой только наместнического управления: например, в 20-е гг. XVI в. в Муроме местное управление осуществляли два городских приказчика¹⁴ (а в городских приказах Н.Е.Носов и А.А.Зимин видели непосредственных предшественников воевод).

В XVII в. эта традиция могла подкрепляться вполне реальными соображениями центральных властей. К середине столетия на территории страны насчитывалось около 250 уездов, тогда как дворян, желавших получить воеводскую должность, было несравненно больше. Назначая двух администраторов в один город, царское правительство имело возможность удовлетворить большее количество просьб о пожаловании воеводством.

То, что служилые люди по отечеству зачастую сами добывались места воеводы, оценивая его как награду за предыдущую военную службу, неоднократно отмечалось в литературе. Рассмотрев порядок назначения в воеводский аппарат сибирских городов.

Из общих принципов порядка назначения сразу же исключим ряд случаев, когда должность воеводы в далекой “государевой отчине” являлась формой почетной ссылки, своеобразным видом наказания. Такие случаи бесспорны, что для начала XVII в. отметил Исаак Масса: “Только знатные и родовитые люди, впадающие в немилость у великого князя, питают отвращение к этому имени (Сибири - Е.В.), т.к. иногда их посылают туда вместе с женами и детьми; им поручается там какая-либо правительственная должность до тех пор, пока не смягчится гнев царя, и тогда они снова возвращаются в Москву”¹⁵. В.И.Корецкий доказал, что несколько представителей рода Пушкиных оказались в начале XVII в. на сибирских воеводствах вследствие гонений Бориса Годунова на Романовых и их сторонников. В свою очередь, в 1605 г., после падения династии Годуновых, 4 представителя этой фамилии заняли воеводские места в Верхотурье, Тюмени, Туринске и Пелыме. По мнению С.Ф.Платонова, тобольский воевода в 1608 – 1612 гг. кн. И.М.Катырев-Ростовский (шурин будущего царя Михаила Романова) “был сослан Шуйским на воеводство”¹⁶.

Представляется, что назначения в Сибирь в качестве почетной ссылки характерны более для конца XVI – начала XVII в., эпохи сложной внутривластной борьбы в центре. Безусловно, и в дальнейшем некоторые лица, проигравшие в политической борьбе при дворе, ехали в Сибирь, не желая того¹⁷. Однако не представители высшей придворной аристократии составляли основную массу сибирских воевод. Бояре и окольные назначались обычно в разрядные центры, большая же часть воевод из Москвы состояла из стольников и дворян более низких чинов-рангов, для которых служба в качестве городского воеводы была и обычной, и желанной¹⁸.

Служилые люди по отчеству могли попасть на воеводское место двумя способами – получить назначение “сверху” или написать на него сами. Еще в середине XVII в. отмеченные два принципа имели для Сибирского приказа определенное различие. Это ясно из выписок, сделанных в Сибирском приказе по поводу выдачи денежного жалованья С.Е.Лутовинову, отпущенному в 1649 г. воеводой в Кетский острог. Добившись просимого воеводства, Лутовинов бил челом и о выдаче ему жалованья. Приказные дельцы, подняв документацию, выяснили, что “в прошлых годах до 155 году, которые воеводы и дьяки и письменные головы по государеву указу посылаемы были на ... службу в Сибирь... и им государево денежное жалованье давано на Москве на 2 годы оклады их сполна...” Однако в 1646/47 г. очередной смене сибирских воевод жалованье не было дано, “потому что они отпущены по челобитию по подписным челобитным”. Но до этого, как свидетельствовали документы, жалованье выдавалось всем лицам, отпущенным “по государеву указу и по подписным челобитным”¹⁹.

Таким образом, назначения происходили “по государеву указу” только и “по государеву указу и по подписной челобитной”. Колебания приказных дельцов в выдаче жалованья являются отражением общего взгляда современников на воевод как на преемников прежних кормленщиков: если воеводство – служба “у корыстных дел” и если место воеводы достигается в результате просьбы царю (“подписная челобитная”), то надо ли платить новоявленному администратору положенное окладное жалованье? Разобранный пример свидетельствует, как мне кажется, о том, что в приказной среде XVII в. были хорошо осведомлены об обычном порядке получения кормлений до их отмены в середине XVI в., чего нельзя сказать о современных историках. Вопрос о том, как наместники и волостели получали территории в кормления, в специальной литературе не рассматривался. Естественно, однако, предположить, что “бить че-

лом” о кормлениях представители господствующего класса имели еще больше оснований, чем добиваться воеводства. “Подписные челобитные” XVII в. о воеводствах, без сомнения, уходят корнями в эпоху наместнического управления. Имеется и конкретное подтверждение этому. В 1564 г. митрополичий сын боярский С.Стромиллов-Шолохов в ходе судебного процесса так объяснял, почему он некогда сидел в тюрьме: “Бил есмь челом царю государю и великому князю о кормленье, и докуки моей было государю много, и про то меня в опальную тюрьму не единожды посылавали - пять и шесть. Да таки есмь у государя кормленья добился”²⁰.

Количественное соотношение сибирских воевод, отпущенных по челобитным и назначенных по “государеву указу”, выявить трудно. В документах Сибирского приказа челобитные лиц, испрашивавших воеводские места, встречаются не часто. Причина этого, возможно, в том, что челобитные подавались в Разрядный приказ, от которого было необходимо согласие на отпуск служилого человека на воеводство, и могли не передаваться затем в соответствующий приказ (в нашем случае – Сибирский). Тем не менее из приведенной выписки следует, что только в один год были удовлетворены около 10 челобитных о воеводствах. Думается, не будет ошибкой считать “челобитчиками” всех средне- и мелкопоместных дворян, составлявших основной контингент сибирских воевод. Именно на этот слой дворянства указывают имеющиеся в распоряжении исследователей челобитные воевод С.Е. Лутовинова, А.А.Бунакова, М.О.Аничкова, И.Т.Веригина²¹. К этому списку можно добавить просьбу кн. А.В.Кропоткина (ноябрь 1648 г.) о назначении его воеводой в Сургут. В своей челобитной он писал, что служил Алексею Михайловичу и его отцу 15 лет, а в 1645/46 г. наряду “со своей братьей” участвовал в постройке белгородских оборонительных сооружений. И те дворяне, по словам Кропоткина, были пожалованы – отпущены по воеводствам. Кропоткин был хорошо осведомлен, что сургутский воевода кн. С.Г.Демский находился на службе третий год, и этим подкреплял свою просьбу²².

Упорно добивался воеводского места в Тюмени И.Т.Веригин, подавший челобитную в 1649 г. Из нее узнаем, что он 15 лет находился в плену в Литве, имел 4 сыновей, а поместье было за ним небольшое. “По государеву указу и по выбору” Веригин был участником Земского собора 1648 – 1649 гг., его подпись имеется на Соборном Уложении. Тогда же, в 1649 г. он был отпущен на воеводство в Тюмень. Веригин уехал к себе в поместье и стал готовиться к

отъезду, “одолжась великими долги”. Когда “мужики во Пскове заворовали” (восстание 1650 г.), он добровольно, “не по наряду”, явился в полк И.Я.Хованского и, видимо, находился там до конца восстания. За время его отсутствия в Москве назначение в Тюмень пытался “перехватить” кн. Е.Мышецкий, челобитье которого, забыв или потеряв Веригина из виду, также удовлетворили. Появившись в Москве, Веригин подал вторую челобитную, напоминая, что его отпустили раньше, чем Мышецкого. Справедливость была восстановлена, и он в 1652 г. отправился в Тюмень²³. Как видим, должность воеводы в Сибири становилась даже объектом спора среди претендентов.

Названные выше лица получили назначения именно туда, куда просились. На оборотной стороне челобитной обычно ставилась помета: “Государь пожаловал, будет два года минуло (службы прежнего воеводы – Е.В.), отпустить”.

Челобитные о службе в Сибири подавали и другие лица, принадлежащие к воеводскому аппарату управления. На места казачьих и стрелецких голов в сибирские города и остроги часто назначались дворяне из центра, правда, в иерархии служилых чинов-рангов занимавшие место ниже тех, кто мог претендовать на воеводскую должность. В 1662/63 г. был отпущен по челобитной в енисейские казачьи и стрелецкие головы “взыметин” Б.С.Несвитаев. Там он пробыл до 1668/69 г., когда его сменил А.И.Воеводин, также попавший в Сибирь по собственному желанию. Служба казачьим головами, впрочем, не принесла Несвитаеву ощутимых выгод. По ее окончании он отправил в Москву челобитную, в которой просил дать ему подводу для отъезда из Енисейска, т.к. он жил там “окабала свою голову”. В 1673 г. Несвитаев еще раз просится в Сибирь, но уже на место воеводы. Как это было принято, в челобитной он указал общий срок своей службы, кратко перечислил ратные заслуги и подчеркнул, что за “те службишки и за раны перед своею братьею ни в какой московский чин и на приказ нигде не пожалован”. В заключение Несвитаев испрашивал место воеводы в Иркутском, Братском и Балаганском острогах. В феврале 1673 г. он получил назначение в Сибирь, но не в том качестве, на которое рассчитывал, – казачьим и стрелецким головой в Баргузинский и Ангарский остроги, входившие в состав Енисейского уезда²⁴.

Можно отметить, что в Сибирском приказе охотно удовлетворяли челобитные служилых людей, уже побывавших в Сибири и изъявивших желание вновь туда отправиться. Более того, правительство стремится по окончании срока службы подыскать им другие

назначения в местном аппарате управления, не отпуская обратно за Урал. В 1661 г. на место головы в Баргузинский острог просился сын боярский В.Власьев (куда и был отправлен). Выясняется, что до этого, в 1650 г., он проводывал новые “землицы” в Восточной Сибири, а в 1655 г. занимал должность казачьего головы в Енисейске. Он не был местным сибирским сыном боярским; об этом свидетельствует то, что, получив назначение в 1661 г., Власьев просил дать ему подводы “под женишко и под людишка свои”, а также под съестные припасы²⁵.

В 1669 г. получили назначение в Сибирь казачьими и стрелецкими головами братья Лисовские: Самойло – в Баргузинский и Ангарский остроги, а Василий – в Тобольск. Шляхтичи по происхождению, они в 1654 г. вместе с матерью были захвачены в плен и увезены в Москву (Самойло было тогда 9 лет, Василию – 7). Со временем они оказались на службе в качестве приказных подьячих, однако в 1668 г. просили о переводе их в другой чин, поскольку “людям породным”, каковыми они себя считали, “в приказах в подьячих сидеть непристойно”. Братья были записаны по шилецкому списку и отправлены в Сибирь. В байкальских острогах Самойло Лисовский пробыл до 1673 г., когда его сменил упомянутый выше Несвитаев. Лисовскому было указано находиться в Енисейске, без определения на какую-либо должность. В 1675 г. он просил отпустить его в Москву, так как “будучи мне, холопу твоему, ни у какого дела, испроестись”. В Сибирском приказе решили по-другому: Самойло вновь был назначен головой в байкальские остроги на место Несвитаева, отбывшего там 2-летний срок²⁶.

В конце XVII в. в Восточной Сибири служил сын Самойлы – Степан Лисовский. Судя по всему, он являлся енисейским письменным головой при воеводе Б.Д.Глебове. С марта по 28 августа 1698 г. он исполнял должность воеводы в Красноярске, безуспешно пытаясь найти общий язык с восставшим против воеводской власти гарнизоном города. Не позднее декабря 1698 г. С.С.Лисовский занял место приказчика Братского острога; по известным нам документам он управлял им еще в июле 1702 г.²⁷ К этому отрезку времени относится опубликованный, но точно не датированный (указано только “9 февраля”) документ – частное письмо подьячего Сибирского приказа Петра Скурихина к Лисовскому в Братский острог. Из него следует, что в Москву “явился” человек Лисовского, вследствие чего брат Степана подал челобитную, чтобы тому “быть по-прежнему в Братском и платить откуп с того острожку и с пивной продажи по 107 руб. на год”. Одновременно казенные доходы в Брат-

ске пытался откупить некто Иван Микляев, но сторонникам Лисовского удалось "наддать" по сравнению с Микляевым 10 руб., и тот уступил. Тревогой за административную честность адресата проникнуты последние строки письма: "... и буде указ великого государя состоится, что тебе быть в Брацком, пожалуй, господа ради, живи смирно и всякие дела исправляй по указу великого государя"²⁸.

Вероятно, одной из основных причин того, что в Москве предпочитали обходиться теми кадрами, годными к управлению, которые на данный момент находились в Сибири, являлись соображения экономики: ведь проезд административных лиц из центра к месту назначения осуществлялся на казенных подводах и сопровождался выдачей денег на подъем. Однако и знание местных условий, приобретенный в Сибири опыт играли при этом не последнюю роль, что постепенно способствовало формированию более устойчивых кадров в местном управлении.

Интересна биография одного из сибирских администраторов второй половины XVII в. – А.А.Барнешлева. Собственно Андрей Барнешлев по происхождению был англичанином (в русской транскрипции XVII в. – Виллим Бярнзл, Барнсл.), который по крайней мере с середины 40-х гг. столетия оказался в России. Из его челобитной (1664 г.) известно, что на Москве в это время служили в стольниках и других чинах его "родители" (под ними могли пониматься близкие родственники старшего возраста) и "сродичи". В отличие от них Вильяму не повезло: в 1645/46 г. он просил разрешения выехать в Англию к отцу. Реакция властей была для Вильяма, возможно, неожиданный – он попал в тюрьму и в этом же 1646 г. был сослан в Енисейск²⁹. Вслед за ним отправилась грамота с предписанием поверстать сыльного в казачью службу, а в случае, если он примет православное крещение – в дети боярские. К 1664 г. Вильям давно уже был енисейским сыном боярским Андреем Барнешлевым, имея оклад в 23 руб. и 5 пуд. соли. Однако он просит увеличить его денежный и хлебный оклады, поскольку этого жалованья не хватало, чтобы "питаться" с женой, детьми и имевшимися у него "людишками". Любопытно обоснование Барнешлевым просьбы о повышении жалованья: за принятие православия, за сибирскую службу и за "иноземство". Впрочем, никаких особых заслуг Барнешлеву за почти 20-летнюю сибирскую службу выказать не удавалось. Он пишет, что ни разу "в дальнюю службу не был посылан", поэтому прибыль государю ему "учинить было негде". В Москве посчитали возможным простить давнюю "вину" Барнешлева (так и неизвестную нам) и удовлетворить просьбу о назначении его головой в Баргузинский

острог (1666 г.)³⁰. Известно, что в 1668 – 1669 гг. под руководством Барнешлева был остроен новый Иркутский острог (который, видимо, как более "молодой" подчинялся Баргузинскому)³¹. Это назначение явилось ступенью к дальнейшему продвижению Барнешлева: в 1675 – 1678 гг. он воеводствовал в Якутске. Умер Вильям Андрей, не выезжая из Сибири, в 1679 г.

Дьяки и подьячие с приписью, официально являвшиеся товарищами воевод и отвечавшие за делопроизводство местных приказных изб, были необходимейшим элементом воеводского аппарата. Именно их наличие, как и штата местных подьячих, придавало ему бюрократический, насколько это можно говорить для XVII в., характер. В специальных работах Г.А.Леонтьевой и Н.Ф.Демидовой подробно освещены такие вопросы, как формирование численности приказных кадров, характер приказной работы, складывание местных подьяческих фамилий³². В целом на протяжении XVII в. подьяческих кадров в Сибири не хватало, на что постоянно жаловались воеводы, вступавшие порой в борьбу друг с другом по поводу обеспечения подьячими своих приказных изб. Дворянская спесь, нередко проявлявшаяся со стороны воевод по отношению к их приказным помощникам, испытывала подчас чувствительные удары. Неграмотность или малограмотность воеводы при отсутствии приказного помощника означала неудачу административной службы первого. Так, томский воевода И.В.Бутурлин (1660-е гг.) отписывал в Москву, что он, в отличие от прежних воевод, "грамоте не много умеет... а в Томском, государь, воров и довточков много и нам, холопом твоим, в Томском без дьяка быть не уметь"³³.

Челобитные с просьбами о назначении, исходящие от дьяков – представителей высшего ранга в приказной прослойке, – нам не известны. Впрочем, никаких твердых выводов сделать из этого нельзя. Дьяки как приказная "аристократия", близкая ко двору, могли решать вопросы о желаемом месте в обход подачи челобитных, пользуясь родственными и иными связями. С другой стороны, большая финансовая ответственность, подкрепленная строгой отчетностью при очередной смене воеводской администрации, должна была составлять противовес корыстолюбивым устремлениям приказных дельцов: служба в Сибири могла закончиться долгим сыском, значительным штрафом или конфискацией имущества. Наконец, дьяков, несших одновременно службу по всем городам России, всегда было немного (2 – 3 десятка)³⁴. Зато места подьячих в сибирских съезжих избах достоверно были объектом притязаний московских подьячих. Возможно, это явление более характерно для первой по-

ловины столетия, до сложения местных подьяческих кадров. В нашем распоряжении имеется 4 челобитных московских подьячих за 20 – 30-е гг., в которых они проявили солидную осведомленность о возможных вакансиях в приказных избах Томска, Енисейска и Тюмени³⁵.

Формирование низшей администрации внутри уезда, т.е. назначение приказчиков крестьянских слобод, небольших острогов и зимовий принадлежало к компетенции воеводской власти. За назначение на должность приказчика воеводы, как правило, брали деньги, и попытки претендентов (ими являлись обычно сибирские дети боярские) обойти местную съезжую избу вызывали воеводский протест. Так, в 1656 г. тобольский воевода кн. Буйносов-Ростовский описывал в центр о бывшем приказчике Невьянской слободы некоем Андронике, который объявился в Тобольске с государевой грамотой о назначении его приказчиком в Киргинскую слободу. Выясняется, что, спеша за новым назначением, Андроник не сдал дела по Невьянской слободе своему преемнику: Заключение Буйносова-Ростовского вполне резонно: “А только, государь, и вперед в слободах будут прикащики с Москвы и вашему государеву делу будет большая поруха и в пашне их нерадением и недосмотром недопашка, в хлебе недород, потому что те прикащики житье свое в слободах не прочат, ходят за своими прибылями и крестьянам чинят обиды и насильство...”³⁶ Трудно сказать, насколько распространенной была подобная практика. Очевидно, что быстрее путь к желаемому месту заключался в собственноручной подаче челобитной в Москве; с другой стороны, такая инициатива могла обострить отношения будущего приказчика с местным воеводой. Скорее всего, некоторые дети боярские сибирских городов, используя служебные “посылки” в столицу, не упускали возможности похлопотать и о себе. Видимо, так поступил верхотурский сын боярский Андрей Буженинов, который летом 1646 г. просил отпустить его приказчиком в Невьянскую слободу, апеллируя к своим заслугам по службе и некомпетентности в управлении “пашней” последнего приказчика И.Бакшеева. Интересно, что Бакшеев являлся тюменским сыном боярским, но вследствие своей челобитной был назначен (декабрь 1644 г.) в слободу Верхотурского уезда. Вопрос Буженинова в Сибирском приказе также был решен положительно. Верхотурский воевода Б.С.Дворянинов получил распоряжение отправить Буженинова, дав ему наказную память, в Невьянскую слободу с 28 декабря 1646 г. (ровно через два года после назначения Бакшеева), а прежнего приказчика отослать снова в Тюмень. Воеводе предписывалось

информировать Сибирский приказ о точном выполнении данных распоряжений³⁷.

Смена высшего звена воеводской администрации происходила со строгого разрешения Москвы; обязательным условием службы воеводы и его товарищей было дождаться своих преемников и оформить передачу дел в виде многообразных документальных отчетностей. Было бы ошибкой полагать, что воеводская служба в Сибири вызывала у несших ее дворян только положительную реакцию. Какая-то часть “государевых слуг” (в первую очередь, представители придворной аристократии), безусловно, тяготилась пребыванием в Сибири. В сибирском летописании особо отмечены случаи преждевременных отъездов с воеводства (“не дождался перемены”) главных тобольских воевод, но с разрешения государя. Какие последствия мог вызвать самовольный отъезд с воеводства, показывает следующий пример.

В 1639 г. томская административная тройка – воеводы кн. И.И.Ромодановский, А.А.Бунаков и дьяк О.Трофимов – ожидали свою смену. Но в город приехали только второй воевода И.С.Кобыльский и дьяк Д.Жеребилов; первый воевода кн. И.И.Лобанов-Ростовский умер, не доехав до Томска, в Нарыме. Ромодановский сдал город Кобыльскому, оставил “своего” дьяка для долгой процедуры финансовой отчетности, а сам вместе с Бунаковым отправился в Москву. Появление там Ромодановского в январе 1640 г. в Сибирском приказе оценили как “вину” – он должен был ожидать нового главного воеводу, назначенного на место Лобанова-Ростовского. Чин стольника и ранг разрядного воеводы требовали решения самого царя. От имени Михаила Федоровича Ромодановскому был сделан выговор: “И он, князь Иван, спростовал: своим упрямством не дождался себе перемены, без государева указа оставя печать у Ивана Кобыльского и покинув город совсем... с товарищем своим приехал к Москве без отпуску, самовольством”. Первоначальное решение царя было – торопливого воеводу “воротить назад в Сибирь”, но затем Михаил Федорович “положил на милость” и ограничил наказание князя домашним арестом. В день Благовещения Пресвятой Богородицы (25 марта) Ромодановский был окончательно прощен и допущен к царской руке с напоминанием: “И он бы, князь Иван, вперед так не делал – без государева указа с его государевой службы не ездил и городов не метал”³⁸.

Подобную “простоту” вряд ли осмеливались проявлять воеводы рангом ниже. В неприятное положение попал верхотурский воевода И.Я.Колтовской, с нетерпением ожидавший в 1668 г. объяв-

ленной ему "перемены". Обоз с запасами нового воеводы П.Скура-това уже двинулся к Верхотурью (об этом сообщили "ездок с Руси"), и Колтовской, торопясь использовать зимний путь, "выслал все и запасенка и судишка и платышко за волок к Соле Камской, как ведетца, и животинишко всю побил, все разорил, чая твоей царской милости, перемены вскоре, не оставил ничего". Но Скуратов неожиданно получил новое назначение, а сидевшему на чемоданах Колтовскому оставалось только послать в Москву челобитную о своем незавидном положении³⁹. Известно, что к концу 1668 г. он наконец дождался смены.

В 1696 г. туринский воевода И.С.Морев уехал из острога, не полностью отчитавшись перед своим преемником. Сибирский приказ указал взять с Морева штраф в 200 руб., а на будущее установить пеню за самовольный отъезд с воеводства в размере 500 руб.⁴⁰

При существовавшей системе формирования воеводского аппарата, высший состав которого постоянно менялся, центральное правительство начинает в какой-то мере проводить отбор кандидатур, знакомых с местными условиями. Бывшие сибирские воеводы не терялись в Москве из виду и по мере необходимости привлекались Сибирским приказом к решению вопросов по управлению и освоению края. О необходимости постройки будущего Красноярского острога в Казанском дворце внимательно расспрашивали А.И.Хрипунова, енисейского воеводу в 1623 – 1625 гг., только что вернувшегося из Сибири. Он же был привлечен в 1627 г. для выполнения довольно неординарной задачи, напрямую связанной с его пребыванием в Енисейске. Из рассказов Хрипунова и енисейского стрельца Н.Андреева в Казанском дворце стало известно о существовании где-то на Ангаре, в землях князька Окуня, горы, из которой "идет серебро". Ни самого князька, ни его подданных Хрипунов не видел, зато видел в Енисейске ясачных людей, которые носили серебро на нагрудниках; это и было серебро из загадочных владений Окуня. В Казанском дворце к этим сведениям проявили большой интерес, возникла идея направить к "серебряной горе" военную экспедицию и поставить там острог. Возглавить поход и было предложено Хрипунову.

Интересна сама форма предложения, далекая от безапелляционного приказа и оставляющая даже место для определенного торга со стороны Хрипунова: "И боярин князь Дмитрий Мамстрюкович Черкаской да дьяки... Якову Хрипунову говорили, чтоб он тем государю послужил, ехал бы в Енисейский острог и до тех князцов, что живут у серебряной горы, дошел... и серебряной бы горы

воискался... и его, Якова, государь за то пожалует". Хрипунов немедленно подал челобитную, где перечислил свои заслуги как енисейского воеводы и напомнил, что он за принесенную казне прибыль "ничем государевым жалованьем не пожалован". Сделав такой намек, Хрипунов поспешил заявить, что "только государь велит его к той серебряной горе послати и он на ... службу готов". Перед руководством приказа он поставил условие: самому набрать отряд из енисейских казаков, а численность его довести до 150 чел.⁴¹ Этот поход состоялся в 1628 - 1630 гг., отряд Хрипунова вышел к верховьям Ангары, но главной цели - открытия месторождений серебра - не достиг. Сам Хрипунов умер во время похода в 1630 г.

В новейшей литературе уже отмечалось, что "Сибирский приказ явно не упускал возможности использовать "специалистов", имевших опыт управления в Сибири"⁴². Приведенный в работе В.А. Александрова и Н.Н.Покровского перечень лиц, побывавших на сибирских воеводствах по 2 – 3 раза, можно расширить. Кн. П.И. Пронский в 1629 - 1631 гг. был первым воеводой в Томске, в 1639 – 1643 гг. он занимал эту должность в Тобольске. Ф.Г.Шишкин с 1623 по 1648 г. трижды назначался воеводой в Сибирь. А.А.Бунаков в 1635 – 1639 гг. был вторым томским воеводой, а в 1648 г. просился в Красноярск. Е.И.Баскаков воеводствовал в Кузнецке (1623 – 1625 гг.) и Пелыме (1633 – 1635 гг.). М.С.Лодыженский, отличившись в 1647 – 1649 гг. в Березове, в 1653 г. прибыл в Якутск. Число подобных примеров со второй половины столетия увеличивается. Вряд ли случайно енисейские воеводы К.А.Яковлев (1666 – 1673 гг.) и М.В.Приклонский (1673 - 1677 гг.) оказались в 80-е гг. товарищами тобольских воевод, а бывший якутский воевода И.П.Борятинский в 1677 г. возглавил образовавшийся Енисейский разряд. Во всей этой практике можно видеть стихийно формировавшуюся тенденцию создания "специализированных" кадров по управлению Сибирью.

Со второй половины XVII в. Сибирский приказ все чаще практикует перемещения лиц воеводской администрации внутри Сибири, не выпуская их обратно за Урал. Стольник Ф.Г.Хрущев в 1668 г. ехал воеводой в Мангазею, где пробыл 4 месяца, после чего был перемещен в Верхотурье. Там он находился до 1676 г. с перерывом в несколько месяцев, когда временно воеводствовал в Тобольске. Нарымский воевода В.Б.Бухвостов в 1680 г. был переведен в Пелым, где пробыл еще 2 года. В конце XVII – начале XVIII в. фигуры воевод перемещались по Сибири как в шахматной игре, правила которой, однако, были известны только деятелям Сибирского приказа. В 1699 г. нарымский воевода Л.Я.Синявин был передвинут в

Кузнецк, затем по прошествии 5 лет оказался на воеводстве в Иркутске; преемником по Кузнецку стал его брат Б.Я. Синявин, присоединившийся в 1706 г. к Лариону Синявину в качестве второго иркутского воеводы. Мангазейские воеводы Ю.Ф. Шишкин с сыном Михаилом в 1700 г. поменялись местами с иркутским И.Ф. Николевым, а затем должны были сменить якутского воеводу Д.А. Траунихта. Енисейский воевода Б.Д. Глебов, еще в 1701 г. просивший о перемене, в 1706 г. наконец сделал шаг в направлении выезда из Сибири – стал воеводой в Верхотурье. Глебова, в свою очередь, сменил воевода из Нарыма И.М. Черкасов⁴³. Перечень этот можно продолжить.

Думается, было бы ошибкой оценивать подобные факты как окончательное решение центра создать постоянный контингент высшей администрации в Сибири. В тяжелых условиях первых лет Северной войны экономить приходилось все – и людские резервы, и финансовые средства, расходуемые обычно при очередной смене воеводской администрации. А обмен одних и тех же лиц между городами – это продолжение старого принципа: чтобы воеводы не заживались на одном месте более положенного срока (по указу 1695 г. – 4 – 6 лет). Кроме того, воеводы взаимно контролировали друг друга, т.к. именно при передаче города могли выявиться их должностные злоупотребления (еще Б.Н. Чичерин предполагал, что частые перемены воевод должны были “дополнить недостаток контроля со стороны центральной власти”⁴⁴). Впрочем, окончательно судить, во что вылилась стихийная тенденция формирования “специалистов” по управлению в Сибири, – исследователям Петровской эпохи.

Нельзя не учитывать, что данная тенденция находила частичную поддержку и со стороны объекта власти, т.е. самого населения. Различая “лихих” и “милостивых” воевод, мирские сообщества высказываются в пользу стабильности власти последних. Подача в XVII в. челобитных от населения с просьбами об оставлении воевод на “другую перемену” – явление общероссийского масштаба. Показательно заявление жителей Пскова, которые в 1699 г. просили оставить К.А. Нарышкина воеводой на новый срок, чтобы им, “богомольцам и холопам и сиротам твоим и людийшам и крестьяншкам нашим от частых переменных воевод в тягости не быть”⁴⁵. В 1644 г. сольвычегодский всеуездный мир просил об оставлении на воеводстве кн. М.А. Кольцова-Мосальского; по челобитью жителей был продлен срок воеводства Н.Тараканова (Белоозеро, 1678 г.) и С.А. Глебова (Тверь, 1695 г.)⁴⁶. Что касается Сибири, то для после-

дней четверти XVII в. известно несколько аналогичных челобитных от мирских организаций Тюмени, Туринска, Томска и Березова⁴⁷. Основанием такой просьбы служило то, что воевода “чинит приваль” казне и “тесноты и налог от него и приметок никаких нет”. Однако каждый подобный факт требует осторожного отношения. Так, в 1696 г. кунгурский воевода С. Сухотин догадался составить дожную “мирскую” челобитную о продлении своего воеводства с целью дезавуировать перед Новгородским приказом подлинные жалобы кунгурцев на его лихоимства⁴⁸. В 1698 г. расследовался аналогичный подлог со стороны верхотурского воеводы Д.П. Протасьева, мечтавшего остаться в должности “на третьей год”. Якобы общемирская челобитная была составлена на воеводском дворе, но необходимых подписей земских старост Протасьеву, несмотря на давление, собрать не удалось⁴⁹. Представляется, что челобитные населения повлияли на указы правительства 1695 г., касающиеся службы воевод в Сибири. Срок службы вместо 2 лет определяется в 4 – 6 лет; воеводы, принесшие правлением доход казне и избежавшие со стороны населения жалоб, имели возможность оставаться в должности далее⁵⁰.

Для сибирского населения XVII в. взрослый сын воеводы, официально или негласно входящий в местный аппарат управления, был типичной фигурой. Практика приезда с отцом-воеводой его сыновей прослеживается с самого начала освоения зауральских земель и идет, видимо, от более раннего времени. В 1599 г. в Верхотурье приехал кн. И.М. Вяземский с сыном Афанасием. Его товарищем по воеводству был голова Г.С. Салманов, однако и младший Вяземский состоял на какой-то “службе”. Когда его отец умер, Афанасий не смог самостоятельно уехать с Верхотурья и обратился в Москву с просьбой “велети его с нашей службы с Верхотурья отпустить и тело ему отца своего вывести”⁵¹.

Брать с собой сыновей, которые уже “поспели в государеву службу”, для сибирского воеводы не было делом сугубо личным. Так, сын упоминавшегося С.Е. Лутовинова после того, как его отца отпустили воеводой в Кетский острог, подал челобитную о разрешении отправиться вместе с ним. В ней Давыдко Лутовинов патетически писал, что отец его “одинок и безплоден и проводить его тою дальнею дорогою некому”. Сибирский приказ согласовал отпуск Д.С. Лутовинова с Разрядом и удовлетворил его просьбу. Ссылка на одиночество отца здесь по “дворянски” условна; т.к. с Лутовиновыми отправлялись в Сибирь 25 человек дворян⁵². Официально Давыдко, как и сыновья многих других воевод, не получил никакой

Рис.2. Портрет стольника
Г.П.Годунова, сына тобольского
воеводы П.И.Годунова. 1686 г.

конкретной должности. Тем не менее хорошо известно, что воеводские дети уже на месте включались в состав администрации (были приказчиками в острожках, возглавляли военные экспедиции и т.д.). Характерна челобитная стряпчего Б.А.Зубова, который в 1643 – 1648 гг. был с отцом на службе в Кузнецком остроге. Воевода Афанасий Зубов поставил сына во главе похода на телеутов, и спустя несколько лет (уже после смерти отца) Б.А.Зубов добивался в Москве пожалования за этот успешный рейд. Интересен тот факт, что на время службы в Сибири Б.А.Зубов был записан в рейтарский строй (в самой Сибири таких формирований еще не было)⁵³. Видимо, эта запись в Разряде фиксировала, что Зубов так или иначе находится на государственной службе, и годы, проведенные им в Сибири, зачитывались в общий “стаж” его служилой карьеры.

Сибирский приказ, очевидно, не случайно поддерживал подобную практику: сын мог “подстраховать” отца-воеводу в случае болезни или смерти последнего. Административная история Сибири XVII в. насчитывает десятки примеров, когда преемником умершего воеводы становился его сын (но не автоматически, а по специальному “государеву указу”). Наследование воеводской должности принадлежит к сфере проявления неписаного права, обычая, сложившегося в практике феодального властвования⁵⁴. Сословно-наследственное право на управленческую должность в XVII в. не вызывало сомнений ни у правящих феодальных верхов, ни у самого населения. Замещение отца сыном на месте воеводы стало настолько нормой, что сибирское население само прибегало к ней, не дожидаясь распоряжений из Москвы. Когда в 1680-х гг. в Мангазее умер воевода И.Ф.Полтев, то “по челобитью градских людей” городом управлял его сын Роман⁵⁵. Каким образом могло происходить подобное челобитье, показывает следующий пример.

В ноябре 1672 г. умер кузнецкий воевода Н.Б.Доможиров. После этого, по словам сына умершего - Логина, “приходили на воевоцкой двор ко мне... Кузнецкого острога дети боярские... и всяких чинов служилые люди и говорили... чтоб мне быть в Кузнецком остроге... в приказной избе вместо отца моего...”. Логин ответил, что без государева указа быть воеводой не смеет, и посоветовал служилым людям направить челобитную об этом в Тобольск. В конце декабря к Логину явился атаман конных казаков И.Бодарь, приглашая его от имени всех служилых людей в приказную избу. Последовав приглашению, мнительный Логин “стал на крыльце”, не заходя в избу. Здесь ему была подана челобитная на государево имя, в которой жители Кузнецка просили: о назначении воеводой Логина

Доможирова. “Словесно” служилые люди перечислили Логину бедствия, ожидающие острог, в котором нет воеводы: ухудшение обоняемости уезда в целом, уменьшение ясачного сбора, невозможность для жителей обращаться в суд. Служилые люди пригрозили жаловаться на “нерадене” Логина в случае, если ожидаемые от безвластия последствия станут реальностью. Логин, опасаясь “царского гнева и опалы”, челобитную отправил в Тобольск и принял дела, сообразуясь с наказом, выданным его отцу. Все это известно из отписки самого Л. Доможирова, поступившей в Москву в январе 1674 г. К этому времени ему все еще не было известно решение Сибирского приказа и, таким образом, около года он исполнял обязанности воеводы только по челобитной жителей Кузнецка⁵⁶.

В данном контексте можно еще раз вспомнить о хорошо известном в специальной литературе случае появления воеводы-младенца. Обстоятельства, сопровождавшие этот факт, таковы. Весной 1697 г. иркутские “всяких чинов люди”, натерпевшись от злоупотреблений воеводы А.Т.Савелова, “отказали” ему в должности. Поводом для решительного выступления против воеводы послужило прибытие в город вдовы и малолетнего сына несостоявшегося иркутского воеводы С.Полтева (последний должен был сменить Савелова, но умер в дороге). Иркутский служилый мир провозгласил воеводой младенца Николая Полтева, выбрав ему в товарищи местного авторитетного сына боярского И.Перфильева, который, естественно, и управлял городом до приезда нового воеводы И.Ф.Николева⁵⁷. Оповещенный об этих событиях Сибирский приказ признал и подтвердил административные новшества в Иркутске. Признал, надо думать, учитывая всю сложность взрывоопасной обстановки в Восточной Сибири на данный момент⁵⁸. Таким образом, механизм действовавшей традиции позволил сохранить достойное “лицо” обеим заинтересованным сторонам. Жители Иркутска формально апеллировали к устоявшейся норме административной практики; Сибирский приказ, поддерживая ее в принципе, в этом шекотливом случае сохранял формальный контроль над ситуацией. При всем желании отнестись с иронией к обоюдному лукавству иркутских жителей и московских приказных дельцов думается, что “формальность” взаимоотношений имела определенное важное значение и для тех, и для других (например, для квалификации “смещения” А.Т.Савелова и соответствующих ему мер наказания).

Во второй половине XVII в. все большее распространение получает практика назначения отца и сына в качестве официальных товарищей по воеводству. При отправке в 1655 г. А.Ф.Пашко-

ва в “новую Даурскую землю” (до этого он был воеводой в Енисейске) специальным указом из Москвы его товарищем был назначен сын Еремей. В Якутске в 1684 – 1687 гг. воеводствовали генерал М.О.Кровков и стольник А.М.Кровков, в 1694 – 1697 гг. – стольник М.Ф.Арсеньев и его сын Андрей. Начиная с 1690 г., у трех сменявшихся тобольских воевод в товарищах были сыновья. Данный порядок назначения можно прокомментировать так: утверждая принцип единоначалия в местном управлении, центральное правительство, отказываясь от одной традиции (2 со-администратора в одном городе), использовало другую (наследственное право на занятие должности).

Часто назначение в Сибирь представителя дворянской фамилии влекло за собой появление там в качестве воевод его родственников, прежде всего братьев. В 1644 г. умер в дороге томский воевода кн. Д.И.Щербатый; на вакантное место был назначен его брат О.И.Щербатый. В 1695 г. на место смещенного красноярцами А.И.Башковского Сибирский приказ прислал его брата Мирона (что отнюдь не говорит о гибкости мышления московских приказных). В последней трети столетия в Сибири воеводствовали ряд Гагариных и Дурново. Это лишь малая часть фактов, характеризующих патрилинейные связи высшей администрации Сибири. Намного сложнее выявить матрилинейные и матримониальные родственные связи, но, вне всяких сомнений, они играли не меньшую роль в развитии nepотизма в сфере управления. Прорастание родственных “кустов” в любых звеньях государственного управления – явление исторически универсальное и не требует, как мне кажется, глубокомысленных комментариев⁵⁹. Следует только отметить, что в качестве официальных товарищей родственники старшего поколения назначались крайне редко.

Помимо служилых людей по отчеству, приезжавших из центра, в состав воеводской администрации в течение всего XVII в. входила еще одна группа лиц – местные дети боярские. Они представляли сибирскую “служилую аристократию”, из них в основном рекрутировались начальные люди местных гарнизонов. В первой трети столетия, когда шло неуклонное освоение сибирских просторов, дети боярские, под началом которых совершались военные и разведывательные экспедиции, являлись зачастую первыми приказными людьми основанных ими острогов. Их назначение входило в компетенцию разрядного воеводы, который в таких случаях действовал по своему усмотрению. Основателем Томска (1604 г.) явился тобольский сын боярский Василий Тырков, который сначала и уп-

равлял новым острогом. В 1613 г. он вновь оказался в Томске. Ни в одном из списков Сибирского летописного свода этот факт не отмечен. О назначении В.Ф.Тыркова мы узнаем из челобитной (1670-е гг.), поданной его внуком: "Да в прошлом же... 121 году посылан был дед мой на вашу государеву службу из Тобольска в Томской город на воеводское Михайлово место Новосильцево, и... служил дед мой на воеводстве два годы"⁶⁰. Как видим, память об этой службе через 60 лет прочно сохранялась среди прямых потомков Василия, что говорит о ее важности и почетности для самих сибирских детей боярских.

В 1619 г. Енисейский острог ставили пельымский сын боярский П.Албычев и стрелецкий сотник Ч.Рукин, которые были назначены приказными людьми. До 1623 г., когда в Енисейск приехал первый воевода из Москвы, острогом управляли дети боярские из Тобольска. Как только становилось ясным важное стратегическое и географическое положение нового острога, туда начинают отправляться воеводы из Москвы; сам острог превращается в город - центр уезда. И в дальнейшем замещение сибирскими детьми боярскими воеводских должностей рассматривается как мера исключительно временная. Потребность в ней возникала только при определенных, хорошо известных обстоятельствах - смерти воеводы, его переводе в другой город или же при его смещении самим населением. Поскольку в Сибири XVII в. все эти обстоятельства не были редкостью, то временное поручение детям боярским воеводских функций было явлением обычным.

На "упалые" воеводские места присылались, как правило, дети боярские из разрядного города. Хотя в наказах разрядной администрации конкретно ничего не говорится об обязанности заменять при необходимости уездных воевод, это, несомненно, осуществлялось главным воеводой. Резерв для занятия воеводского места состоял не только из детей боярских. Не менее часто разрядные воеводы назначали на временные должности приехавших с ними письменных голов и своих родственников; похоже даже, что при возможности выбора таким кандидатурам отдавалось предпочтение перед сибирскими служилыми. Так, после отказа в 1654 г. тюменскому воеводе И.Т.Веригину тобольский воевода кн. В.И.Хилков прислал на его место письменного голову Н.И.Елдезина. Тому тюменские служилые люди тоже отказали в должности, и Хилков заменил его своим "сродничем" И.Полуектовым. Когда в эти же годы в Нарыме умер А.П.Баскаков, томский воевода Н.О.Нащокин поручил управление острогом своему племяннику.

Естественно, далеко не все из сибирских детей боярских могли назначаться на "упалые" места. При этом учитывался их опыт в "проведывании новых земель", исполнении обязанностей приказчика в небольших острогах и слободах. Многолетняя служба в Сибири, авторитет среди местного населения также имели немалое значение. Таким авторитетом пользовался уже упоминавшийся сын боярский И.Перфильев, который был хорошо известен в Сибирском приказе; одно время он даже замещал разрядного воеводу: "А в прошлом 196 г. по указу великого государя велено енисейскому сыну боярскому Ивану Перфирьеву у... воеводы Григория Новосильцова Енисейск принять... и быть до приезда князя Якова Вяземского"⁶¹. Подобным авторитетом обладали далеко не все из детей боярских, которым пришлось занимать воеводское место. В 1692 г. по челобитной туринских жителей верхотурский воевода М.Г.Нарышкин сместил Б.А.Челищеву и назначил на его место верхотурского сына боярского Ивана Томилова. Однако, приехав в Туринск и приступив к исполнению обязанностей, тот встретил сопротивление со стороны служилых людей: "и туринские де стрельцы... пятидесятник Афонька Башмаков с товарищи ему, Ивану Томилову, были послушны до тех мест, как был на Верхотурье ближней стольник и воевода Михаил Григорьевич". После отъезда последнего стрельцы словесно "всячески безчестили" Томилова⁶².

Как уже говорилось, разрядный воевода сам выбирал кандидатуру для временного замещения вакантного места. Сибирский приказ лишь иногда вносил коррективы в сложившуюся практику. Так, когда в 1700 г. состоялся обмен воевод Иркутска и Мангазеи, последовал указ (неясно, мангазейскому воеводе Ю.Шишкову или тобольским властям): "Мангазейский город до ево Иванова (И.Ф. Николева - Е.В.) приезде отдать мангазейским детям боярским или кого с такое дело в Мангазее станет, лутчим правдивым людем трем человеком..."⁶³ Сами сибирские дети боярские, занявшие место воеводы, не могли рассчитывать на утверждение их в этом качестве Москвой и на равноправное отношение со стороны других воевод. В 1686 г. енисейский воевода С.А.Собакин сместил вышедшего из повиновения красноярского Г.И.Шишкова и отправил на его место сына боярского И.Погирского. Однако Шишков не подчинился указу, дела Погирскому не сдал и заявил, что передаст Красноярск только новому воеводе, назначенному из Москвы⁶⁴.

Воеводская должность по понятиям XVII в. была слишком "честна" для сибирских служилых по отчеству; зато в низших звеньях местного аппарата власти они использовались активно. Доби-

ваясь в 1673 г. отпуска на воеводство в Иркутский, Братский и Балаганский остроги, Б. Несвитаев писал: "А ныне, государь, в тех острошках отпускались из Енисейска из детей боярских и из служивых людей"⁶⁵. Правда, в "байкальские острожки" назначения были не на должность воеводы, а в казацки и стрелецкие головы. Сибирские дети боярские сами могли добиваться таких назначений через Москву. В 1662 г. в Ангарский и Баргузинский остроги просился енисейский сын боярский П. Самойлов. Его челобитная была удовлетворена; в посланной енисейскому воеводе грамоте говорилось, чтобы он отпустил Самойлова и дал ему от себя наказ, "примерясь к прежним наказам"⁶⁶. Если наказы начинали выдаваться из Москвы, то это означало повышение статуса места назначения в административно-территориальной структуре Сибири. Некоторое время "начальные люди" в один и тот же острог могли отпускаться и сибирской администрацией, и из Москвы. Упомянутому выше С. Ливсовскому наказы выдавались в Москве, и при его вторичном назначении в 1675 г. енисейским воеводам было указано "ныне и впредь его, Самойло, не ведать и без государева указа его... не перемывать"⁶⁷.

Случай, когда дети боярские назначались воеводами на полный срок, весьма редки. Д. Я. Резуном выяснена биография смоленского дворянина Я. О. Тухачевского, сосланного в Сибирь в чине сына боярского и за долгие годы выслужившего места сначала тарского, а затем мангазейского воеводы⁶⁸. Среди сибирских служилых, назначаемых воеводами, выделяются представители фамилий Аршинских, Толбузиных и Шульгиных. Родоначальник многочисленного клана Аршинских "литвин" из-под Орши Павел служил в Сибири уже в конце XVI в.⁶⁹ Дети боярские Б. Толбузин и Я. Шульгин известны в 20-е гг. XVII в. как приказчики крестьянских слобод Верхотурского и Тобольского уездов, а их прямые потомки во второй половине столетия воеводствовали в Березове, Тюмени и забайкальских острогах. В 1660 г. тобольский воевода кн. И. А. Хилков получил распоряжение послать "в новую даурскую землю на Афанасьево место Пашкова тобольского сына боярского добра, кого б с государева дела стало и кому б сибирская служба была за обычай". Хилков выбрал Л. Б. Толбузина. Заслуги семьи Толбузиных увенчались награждением представителя 3-го поколения фамилии - Алексея Ларионовича. В 1683 г. Сибирский приказ велел "за многие службы дела и отца и брата его и за его службы написать в Сибири в Тобольску по выбору (служилые люди "по выбору" составляли верхушку провинциального дворянства - Е. В.), а оклад ему учинить

поместной 350 четей, денег 14 рублей, да ему ж учинить за его службы придачи 100 четей, денег 6 рублей..."⁷⁰ Как известно, А. Л. Толбузин погиб в 1686 г. при героической обороне Албазинского острога от маньчжурских войск.

Скорее всего, родоначальники сибирских Толбузиных и Шульгиных оказались за Уралом не по своей воле. Измельчавший к XVII в. дворянский род Толбузиных вел свое происхождение от смоленских князей⁷¹, что, возможно, выделяло его в глазах приезжих дворян-воевод из худородной среды местных детей боярских. Что касалось Шульгиных, то в них заманчиво предположить потомков дьяка Никанора Шульгина - слишком самостоятельного представителя Казани, сосланного в 1613 г. в Сибирь⁷². Служил же, например, в Тобольске в чине сына боярского другой представитель "крапивного семейства" - бывший дьяк М. Тюхин, входивший в 1618 - 1620 гг. в состав посольства к персидскому шаху, обвиненный затем в измене и после пыток тоже сосланный в Сибирь (в 1633 г. он временно воеводствовал в Туринске).

Сибирские дети боярские были слишком худородны, чтобы правительство позволило им влиться в ряды дворянства, из которых обычно рекрутировались лица воеводской администрации. Зачастую в местные дети боярские верстались служилые по прибору или выходцы из тяглых слоев населения⁷³. Этого чина можно было достичь и путем прямого обмана (так, спустя 15 лет воевода Н. И. Елдезин обнаружил, что тюменский сын боярский С. Рескин был поверстан в 1640 г. "не по государеву указу", а записан в дети боярские его зятем, подъячим местной приказной избы Е. Ивановым⁷⁴). Общность служебных обязанностей и хозяйственных занятий сближала детей боярских с массой рядового служилого люда. Их экономическое положение не настолько отличалось от положения казаков и стрельцов, чтобы они не разделяли общие сословные интересы сибирских служилых людей. Наоборот, дети боярские обычно возглавляли борьбу за эти интересы в частых столкновениях с администрацией и другими сословными группами. Войдя в конфликт со служилыми людьми, Н. И. Елдезин в 1654 г. отписывал в Москву: "Да и преже сего, государь, на Тюмени они же дети боярские и служилые люди воеводу Бориса Нащокина грабили, на князя Федора Коркодинова и на князя Ивана Львова и на Ивана Пушкина и на Ивана Тургенева доводили и воровское челобитье заводили, которые введовы им в их воровстве не потакали"⁷⁵.

Социальная "ненадежность" сибирских детей боярских не позволяла правительству формировать из них кадры высшего звена

местного аппарата власти; проводниками и выразителями интересов феодального государства на местах могли быть только люди, сами прочно входящие в состав привилегированного правящего класса. Поскольку гражданская служба в XVII в. еще далеко не выделилась в особую отрасль государственной службы, занятие воеводской должности требовало соотношения с военно-служилым чином кандидата на эту должность, и здесь сибирские дети боярские не выдерживали сравнения с лицами, входившими в состав Государева двора, с дворянами, чьим служебным назначением ведал центральный Разрядный приказ.

2. Государственное обеспечение лиц воеводской администрации

Подчеркивая кормленческие черты, которые сохраняла в XVII в. воеводская система управления, исследователи почти ничего не говорили об обеспечении воеводской службы – в первую очередь, денежным жалованьем. Сама должность воеводы в том или ином городе никак не была связана с определенными размерами жалованья: в XVII в. оно устанавливалось не для должностей, а выплачивалось в размере того оклада, который был назначен служилому дворянину. Таким образом, занимая различные места в структуре государственно-административного управления и в войске, служилый человек получал одно и то же (окладное) жалованье.

Порядок выплаты денежного жалованья отчасти указан Г. Котошихиным: “Когда кому бывает служба посольская и воинская и иные посылки, и им (дворянам всех чинов – *Е.В.*) жалованье дается по окладам их: а когда служеб и посылок не бывает, им жалованья годового не дается, а живут с поместий своих и с вотчин”⁷⁶. Жалованье выдавалось лицам, назначенным на те или иные должности, на два, реже на три года вперед (Котошихин, говоря о посольской службе, называет два года). Для воеводского персонала, отправляющегося в Сибирь, этот порядок уже прочно существовал в начале XVII в. В 1603 г. Н.М.Пушкину и И.Ф.Лихареву “для сибирской службы” было дано жалованье на два года (соответственно по 40 и 25 руб.)⁷⁷. Принцип выплаты жалованья лицам, отправляющимся на воеводство, почти не знал исключений при любых обстоятельствах (как мы помним, для Н.М.Пушкина назначение в Тобольск было связано с общей опалой на род Пушкиных). В 1612 г. вторым воеводой в Тобольск был послан Н.М.Плещеев (тот самый, который в 1605 г. по заданию Лжедмитрия I “возмушал” столицу против

42

Годуновых). Назначение он получил из Ярославля от земского правительства, а жалованье ему было указано выдать в Перми Великой. Денежный оклад Плещеева был довольно высок – 90 руб., и к его получению он относился далеко не равнодушно. Уже по окончании срока воеводства он добивался выплаты жалованья за три года (на пути в Сибирь он получил только 45 руб.), указывая при этом, что “помейстица” у него нет ни одной чети⁷⁸.

Обычно жалованье выдавалось в Москве перед отправлением к месту назначения, но бывали и исключения (особенно в эпоху Смуты). В 1609 г. верхотурский воевода С.С.Годунов ходатайствовал перед Москвой о выдаче ему жалованья на месте. Второму воеводе И.М.Плещееву было указано дать Годунову деньги из местных доходов, правда, в урезанном виде⁷⁹. В конце 1612 г. земское правительство во главе с князьями Трубецким и Пожарским назначило воеводой в Пелым А.Ф.Годунова, указав получить ему окладное жалованье по дороге, в Тотье и Устюге. Однако там ему денег не дали, о чем он и бил челом. Земское правительство в январе 1613 г. направило распоряжение верхотурскому воеводе выдать Годунову жалованье на 1612/13 г. (70 руб.) и записать это в расходные книги⁸⁰.

Денежное жалованье заранее выдавалось и другим лицам воеводской администрации, назначенным из Москвы, – казачьим и стрелецким головам, дьякам, подьячим. Отправленному в 1632 г. в Томск дьяку А.Строеву велено было дать его четвертное жалованье “по окладу сполна”. Известному нам Самойле Лисовскому перед отъездом на Байкал выдали 40 руб. (за два года). К денежному жалованью мог прибавляться и натуральный его вид – хлебное жалованье. Оно выдавалось тем лицам, у кого не было поместий и вотчин. Если дворяне, получившие воеводское место, имели, как правило, поместье и вотчины, то у голов и подьячих их часто не было. Б.С.Несвитаев, отправленный головой в “байкальские острожки”, получил жалованье за два года (по 15 руб.); кроме того, в Енисейске ему должны были дать по 15 четвертей ржи и овса⁸¹.

В 1632 г. в Томск на службу был послан подьячий Поместного приказа Д.Огарков. Денежное жалованье он получил за два года (по 30 руб.), в случае его задержки в Томске дальнейшая выдача денег предписывалась на месте, “а хлебного жалованья давать не велено для того, что за ним поместье и вотчины есть”. Огарков сменил в Томске подьячего И.Селетцына, который получал и денежное, и хлебное жалованье. Любопытен пример экономии государева жалованья, проявленный Казанским дворцом в отношении верхотурс-

кого подьячего с приписью В.Шестакова. Осенью 1631 г. он был послан на место умершего подьячего Н.Матюшкина. Последнему перед отъездом было выдано из Казанского дворца жалование за два года, но на службе он успел пробыть всего около года. Верхотурскому воеводе Ф.Н.Бояшеву указывалось выдать Шестакову жалование (30 руб.) за один год, т.к. за текущий год (а он только начался 1 сентября) деньги уже были даны некстати умершему Матюшкину. Впрочем, хлебное жалование милостиво разрешалось дать за два года⁸².

Места подьячего в сибирском городе, как и места воеводы, можно было добиться челобитной. Именно так попал в Томск сменивший Огаркова Ф.Редров. Интересно, что при таких назначениях добросовестность намерений челобитчика вызвала сомнения. При выдаче жалования Редрову в Москве с нескольких лиц была взята поручная запись, гарантирующая, что он действительно отправится в Томск. Поручную запись дали в 1635 г. несколько московских подьячих на И.Каменева в том, что последний изъявил желание поехать в Енисейск и получил 12 руб. в качестве жалования⁸³.

Назначение и на административные должности, и в экстренные временные комиссии объединялись общим понятием "сибирской службы", которая обеспечивалась одинаково. В 1620 г. А.И.Зубову, которому было поручено расследовать злоупотребления воевод, выдали "для сибирского сыского дела оклад сполна вперед на 129 год 47 рублей"⁸⁴.

Административная служба в Сибири влекла за собой для лиц, отправлявшихся туда, определенные льготы в отношении податей и судебных дел. Когда в 1633 г. в Томск был назначен кн. Егупов-Черкасский, то государь "для сибирские службы с поместий ево и с вотчин никаких податей имать не велел". Впрочем, похоже, что здесь мы имеем дело не с общим правилом, а с индивидуальным случаем: Егупов-Черкасский долгое время входил в состав Государева двора и был лично известен царю. Обычной была судебная льгота, по которой, пока дворянин-землевладелец находился на службе в Сибири, на его крестьян и дворовых "не велено давать суда и управы, oprичь татыбы и разбоя с поличным". Эта привилегия распространялась и на приказных людей, имевших земли с крестьянами⁸⁵. В первой половине XVII в. сибирские воеводы и приказные люди перед отъездом из Москвы сами подавали челобитные с просьбой об отсрочке явки в суд до своего возвращения. Эта распространенная практика нашла законодательное оформление в Соборном Уложении 1649 г. Была составлена "новая статья", по которой для сибир-

ских, астраханских, терских воевод и приказных суд откладывался до тех пор, пока им "служба минется"⁸⁶.

Кроме денежного жалования в размере оклада представителям сибирской воеводской администрации давались еще деньги "на подъем". Котошихин писал, что тем, кто участвует в посольствах, даются деньги, "чем поднятца на службу, против окладу одного году"⁸⁷. Для лиц, отправляющихся в Сибирь, подъемные деньги намного превышали их оклады. Сумма подъемных денег не зависела от размера оклада того или иного лица; при ее выдаче учитывались, видимо, дальность проезда к месту назначения и административная должность. Окладное жалование и подъемные деньги для служилых дворян и приказных сливались в одно понятие "жалования", поэтому в источниках они иногда не разделены. В 1638 г. при отправке в Сибирь первой якутской администрации было дано следующее жалование: главному воеводе П.П.Головину – 700 руб., его товарищу М.Б.Глебову – 500, дьяку Е.В.Филатову – 400 руб. Их оклады соответственно равнялись 30, 40 и 60 руб. Учитывая разницу в окладах, можно отметить, что первый воевода получил денег на подъем намного больше, чем его товарищи. Следующим после них якутским воеводам В.Н.Пушкину и Д.А.Францбекову было также дано по 700 руб. и, кроме того, уже в Сибири по 200 четей хлеба и по 200 ведер вина "безденежно"⁸⁸. Твердой правовой основы административно-управленческой деятельности в XVII в. не было, что отразилось на способах выдачи и размерах жалования. Сменивший Францбекова И.П.Акинфов с обидой писал, что ему при отъезде дано было всего 200 руб.; Б.С.Несвитасев жаловался: "А на подъем мне... против моей братьи твоего государева денежного жалования ничего не дано"⁸⁹.

Отправляясь в Сибирь, лица воеводской администрации вели с собой значительное количество всяких запасов. Это количество строго регламентировалось Сибирским приказом и не менее строго должно было проверяться при проезде через Верхотурье. Обычный набор продуктов и вещей, который воеводы вели с собой, весьма подробно описан С.В.Бахрушиным⁹⁰. Запас продуктов, сукна, одежды, бытовой утвари и т.п. брали с тем, чтобы его хватило на срок службы воеводе с семьей и сопровождавшим его несколькими десятком дворовых людей (хотя хлеба обычно не хватало, его приходилось покупать в Сибири). Наличных денег разрешалось провозить с собой "большим" тобольским и томским воеводам по 500 руб., их товарищам, дьякам и воеводам других городов – по 300 руб. Провоз запасов к месту назначения не считался личным делом воеводы,

под них давались казенные подводы (от 12 в “ближние сибирские города” до 30 в Якутск⁹¹). Запасы готовились новоявленным администратором в своем поместье. Подготовка запасов рассматривалась дворянами настолько тесно связанной с будущей службой, что, например, А.А.Племянников (Енисейск, 1633 - 1635 гг.) просил дать подводы для проезда из Москвы до Ярославского и Нижегородского уездов, где находились его поместья, и использовать их для сборов⁹². Сами сборы требовали значительных расходов, которых выданное жалованье и подъемные деньги могли не покрывать.

Воевода XVII в., едущий к месту назначения с длинным поездом собственных припасов, существенно отличается от администратора-кормленщика XVI в. Устраняя в середине XVI в. население от непосредственного натурального содержания аппарата власти на местах, центральное правительство брало его обеспечение на себя. При таком взгляде на администратора XVII в. особенно отчетливо выступает тот факт, что и денежное жалованье, и поместье (в форме реализованных с него продуктов) являлись двумя дополняющими друг друга видами обеспечения государственной службы дворян и приказных людей.

На вопрос о соотношении денежного жалованья и доходов с поместья в обеспечении этой службы ответить непросто. Еще В.О. Ключевский отметил, что “поместное землевладение, усиленно развивавшееся со времени отмены кормлений, становилось главным средством содержания служилого класса”, а денежные оклады выступали “мобилизационным подспорьем”⁹³. В XVII в. управленческий аппарат содержаться полностью за счет государственных доходов не мог, и это обстоятельство создавало из феодалов-землевладельцев тот единственный контингент, из которого формировались административные кадры высшего и среднего звена; оно же препятствовало образованию мобильного чиновничества; постоянно находящегося на государственной службе. Безземельной группой в государственном аппарате управления была некоторая часть дьяков и большая часть подьячих. В литературе отмечалось, что в XVII в. для всех групп приказных людей денежное жалованье начинает играть все большую роль в обеспечении службы⁹⁴. Это же явление характерно для мелко- и среднепоместного дворянства. Как мы видели, многие представители сибирской администрации, отправляясь на службу, настойчиво добиваются выплаты денежного жалованья.

Говоря о выплате жалованья при назначении на должности, можно отметить один интересный факт. В XVII в. лицам воеводской администрации деньги выдавались из четвертных приказов, а сами

они носили название четвертного жалованья (отправлявшиеся в Сибирь получали деньги в основном из Устюжской, Галицкой и Костромской четвертей)⁹⁵. Как показал еще С.Ф.Платонов, возникновение приказов-четвертей связано с реформой 1555/56 г., отменившей систему кормлений; они возникли как финансовые учреждения, собирающие с населения “кормленный окуп” и распределяющие его в виде денежного жалованья среди определенной категории служилых людей⁹⁶. Сам кормленный окуп в летописном изложении реформы назван “оброком”⁹⁷. Н.Е.Носов предположил, что в состав будущих “четвертчиков” – служилых дворян, имеющих право на получение денежного жалованья из четей, – вошли лишь те представители господствующего класса, кто ранее имел право на получение кормлений⁹⁸.

Для XVII в. четко сохраняется разделение служилых людей на “четвертчиков” и на “емлющих жалованье с городом”. Смысл такого деления, как писал В.Н.Сторожев, “остается не выясненным”. Ученый отметил несколько особенностей для тех, кто получал четвертное жалованье: 1) весь состав четвертчиков расписывался между четями независимо от приписки четвертчика по службе к тому или иному городу; 2) допущенные в четь получали нередко меньший оклад по сравнению с теми, кто был поверстан с городом (“значит, четвертное денежное жалованье представляло какой-то интерес”); 3) жалованье четвертчиков носило название “оброка”⁹⁹. Получать жалованье из четверти мог далеко не каждый дворянин и сын боярский, в источниках XVII в. говорится о четвертчиках, что они “пущены в четь”¹⁰⁰. Л.М.Сухотин отмечал, что “получение жалованья из Чети было привилегией высших разрядов служилых людей... Из массы дворян провинциальных и детей боярских... в Четь пускались лишь избранные, по отчеству и по родству или в награду”¹⁰¹. Учитывая происхождение четей-приказов и четвертчиков, мы можем вполне понять, почему в XVII в. гражданская служба обесценивалась из этих учреждений. Мы вправе предположить, что основной состав четвертчиков XVII в. был обусловлен генеалогической преемственностью и что сама приписка по денежному жалованью к четям означала для дворян возможность назначения на административные должности. В новых условиях XVII в. круг лиц, имевших право на занятие таких должностей, неизбежно расширялся; в таком случае становится понятным и само выражение “пущен в четь”, и выгоды этого “допуска” для служилого человека. Конечно, эти предположения требуют тщательной проверки, но, как кажется, здесь мы видим смешение старого, традиционного с новым; с одной стороны,

право на участие в управлении обеспечивалось генеалогическими связями с четвертьчиками середины XVI в. (=бывшими кормленщиками), с другой – назначения на воеводскую должность для менее родовитых дворян можно было добиться и личными заслугами, а “допуск” в четь означал лишь дань устоявшейся традиции.

3. “Кормленческие” черты воеводского управления

Характерной чертой государственно-административного аппарата России XVII в. являлось “кормление от дел”. Н.Ф.Демидовой выяснено значение такого рода доходов (“почестей” и “поминков”, получаемых от населения) в обеспечении приказных людей. Она же обратила внимание на то, что право на получение этих доходов для дьяков и подьячих на протяжении всего столетия признавалось правительством¹⁰², хотя в конечном счете практика “кормления от дел” противоречила интересам и правительства, и населения. “Кормление от дел” применительно к приказным людям местного аппарата власти “в известной мере являлось пережитком старых порядков”¹⁰³. Мнение о том, что сама воеводская должность сохранила черты старого наместнического управления, высказывали многие исследователи. Кратко его сформулировал М.М.Богословский: “Воевода повсеместно в течение всего XVII века сохраняет черты старинного кормленщика...”¹⁰⁴

Несмотря на официальные запрещения воеводам “кормить-ся”, современникам были отлично известны реальные выгоды этой должности. Здесь их мнение было единодушным. На Земском соборе 1642 г. представители дворян, написанных по московскому списку, предлагали собирать деньги (в помощь донским казакам) с “пожалованных людей, за которыми поместий и вотчин много; а у иных и не у слуг за окладами много лишняя земли, да они же ездят по воеводствам, и бедным людям с такими пожалованными людьми не стянуты...” Городовые дворяне и дети боярские также говорили о тех, кто “будучи в твоих государевых городех у твоих... дел, отяжелели и обогатели большим богатством”. Представители гостей и торговых людей на этом же соборе жаловались, что “в городех всякие люди обнищали и оскудали до конца от твоих государевых воевод...”¹⁰⁵ Г.Котошихин писал, что в результате протекции царицы и царевен не особо богатых дворян (чином не выше стольника) “отпускают по воеводствам, и те люди воеводствами побогатеют”¹⁰⁶. В царском указе 1695 г., регламентирующем порядок служ-

бы сибирских воевод, отмечено, что они “себе в такие малые годы великие прожитки и богатство наживают”¹⁰⁷.

В XVII в. быть правителем на местах означало находиться “у корыстовных дел”. В течение всего столетия правительство старалось сломать старую традицию “кормиться от дел”. Выдача жалованья, денег на подъем, натуральные припасы, которые везли с собой воеводы, – все это должно было оградить население от поборов представителей администрации. Однако такие поборы существовали, и об этом яснее всего говорят те повторяющиеся запреты правительства, направленные против кормленческой практики, которые входили во все воеводские указы. Около 1620 г. последовал царский указ, который был разослан во все города воеводам и приказным людям: под угрозой опалы и двойного возмещения убытков им предписывалось “посулов и поминков ни от каких дел, и кормов посадков и уездов на себя” не брать и не заставлять население выполнять работы для своего хозяйства¹⁰⁸. Б.Н.Чичерин считал, что сбор кормов в пользу воевод в XVII в. мог существовать в одной местности и запрещаться в другой¹⁰⁹. Скорее всего, политика правительства в этом отношении была единой: собирать кормы с населения запрещалось повсеместно. Взимание администрацией натуральных и денежных поборов шло в обход существовавшего тогда законодательства. Изучая взаимоотношения мирских организаций и царской администрации на русском Севере, это хорошо подметил М.М.Богословский, который писал: “Содержание воеводы в глазах мира – покоящаяся на обычном праве повинность”¹¹⁰.

Незаконную деятельность, направленную на обогащение приказной администрации, условно можно разделить на две части: одна была связана с традициями “кормления” за счет населения; другая представляла разнообразный набор спекуляций, взяток и прямого насилия, конкретные формы которых варьировались от района к району. Традиции кормления особенно живучи были в поморских уездах, где основная часть населения состояла из черносошного крестьянства. Бывший законный, но не фиксированный “въезжий корм” наместников (“кто что принесет”), оставив за собой прежнее название, превратился в одну из самых доходных статей воеводских поборов к западу от Урала. Более того, логика корыстолюбия подсказала потомкам наместников, что деньги можно требовать и “на отъезд”. Суммы “въезжего” и “отъезжего” кормов достигали внушительных размеров (300 – 500 руб.)¹¹¹. Другие виды кормленческих поборов состояли из “праздничных денег” и “вседневных харчей”. Доставкой последних (а в их число, помимо продуктов, входило

ли дрова, сено и т.д.) занимались в районах Поморья органы волостного и всеуездного самоуправления. Трансформированная кормленческая традиция видна в сроках подношения воеводе "праздничных денег"; они приурочивались к Рождеству, Пасхе и Петрову дню, т.е. к тем срокам, когда ранее (в первой половине XVI в.) население платило установленный корм наместникам.

Возможно, что "праздничные деньги" собирались и с крестьян зауральских уездов. Так, в июне 1689 г. приказчику Аятской слободы была прислана из Верхотурья память, где говорилось о получении с крестьян данной слободы 2 руб. на Петров день и напоминалось, что на Пасху подношения не было. Приказчик должен был те "праздничные великоденские деньги на старосте с крестьяны доплатить тотчас" и выслать их верхотурскому воеводе Г.Ф.Нарышкину¹¹². Относительно сбора "въезжих" или "отъезжих" денег для воевод среди сибирских материалов сведений не встречается.

В наказах сибирским воеводам часто указывается, что они не имеют права присваивать "почести" и "поминки". Соответствующая статья содержится уже в наказе 1599 г. тобольским воеводам, где сказано: "А которые ясачные татарова и служилые люди учиня с ясаком приходит или для иных каких расправных дел или им, воеводам, челом ударити, и учнут приносить в поминках соболи и бобры и лисицы и шубы, и у них поминки имати и их поить и кормить и бережение к ним держать да те поминки... класти в государеву казну и писати в книги..."¹¹³ По авторитетному утверждению С.В.Бахрушина, с течением времени "воеводские поминки" превратились в официальную дополнительную статью ясачного сбора; это, естественно, не ликвидировало поборы в пользу собственно воевод, которые стали проводиться негласно¹¹⁴. Тюменский воевода И.Т.Веригин (1652 - 1654 гг.), перечисляя свои заслуги, не без гордости писал, что по церковным праздникам и дням именин членов царского семейства он звал к себе представителей местного населения ("хлеба есть") и приносимую ими "почесть" отсылал в Москву¹¹⁵. Думается, что статьи наказов о почестях и поминках чаще нарушались, чем соблюдались сибирскими воеводами.

Добросовестное отношение к должностным обязанностям в XVII в. считалось заслуживающим награды. В 1700 г. якутский воевода Д.А.Траунихт и дьяк М.Романов просили о перемене, а заодно и о награждении за службу. Подчеркивая свое "оскудение", они писали, что живут в Якутске "бескорыстно и никакого взятку никого, чем кормились прежние воеводы, оне не емлют". Это утверждение было проверено в Сибирском приказе, где опросили случив-

шихся в Москве якутских служилых людей, подтвердивших, что "против прежних воевод злых обыкностей взятков себе оне, Дорофей и Максим, не емлют... и великого государя казною не корыстуютца"¹¹⁶.

Однако в Сибири XVII в. таких администраторов было немного. Несмотря на определенную линию правительства, служилый человек, попавший на воеводскую должность, считал естественным, что это место должно принести ему материальные выгоды. Совсем "бескорыстное" исполнение обязанностей для администраторов XVII в. было не понятно. Если центральное правительство запрещало "кормление от дел" и преследовало многочисленные виды злоупотреблений, то для самих местных правителей существовало понятие "прямых нажитков". Под ними, видимо, подразумевались прежде всего все те же добровольные приношения в "почесть" и закупки мехов и меховой одежды "про свой обиход" (ведь не зря воеводы и приказные имели право на провоз в Сибирь определенных денежных сумм). Еще большие возможности для улучшения своего материального состояния предоставляла предпринимательская и торговая деятельность, и редко какое должностное лицо не было к ней причастно. Сибирские условия благоприятствовали таким операциям, как закупка мехов, спекуляция хлебом, незаконное производство и продажа вина, приобретение и вывоз за Урал лошадей, похолопление сибирских аборигенов. Эта деятельность значительно облегчалась отсутствием в Сибири частновладельческих земель и существовавших в центральной части страны дворянских корпораций - сотен (дворяне-помещики могли препятствовать нарушающему их интересы промышленному и торговому предпринимательству уездной администрации). В психологии представителей дворянского класса, попадавших на гражданскую службу, последняя прочно связывалась с понятием "пожалования", награды. В нашем понимании гражданской службы для дворян XVII в. не существовало; настоящей службой, не дающей ощутимых выгод, была военная.

Сибирский воевода, отправляясь к месту назначения, надеялся поправить (или увеличить) свое материальное благосостояние. Недоумение по поводу того, почему правительство начинает преследовать любые виды "кормления от дел", отражено в письме Ф.Лодыженского, московского приятеля якутского воеводы И.Ф.Кутузова-Голенищева. Предупреждая последнего, чтобы он жил "бережно", Лодыженский писал: "По грехом нынеча так стало: хотя великого государя дело зделано впрямь по его государеву велению, а славы б, отнюдь не было, хотя что и правдою нажито". Этот же кор-

респондент, описывая обесценивание в Москве медных денег, советовал якутскому воеводе приобретать серебряные: "А будет по государеве милости прямого твоего пожитку, что бог даст, присылай на вотчину серебряные деньги". Самому Кутузову-Голенищеву средства, приобретенные в Сибири, нужны были, чтобы "промыслить деревнишки"¹¹⁷.

Что именно с точки зрения сибирского администратора могло быть "нажито правдой", выяснить сейчас трудно. Как заметил С.В.Бахрушин, "где кончалась "почесть" и начиналась просто взятка, было не всегда легко определить"¹¹⁸. Многочисленные злоупотребления, совершаемые лицами местной администрации в целях наживы, выросли из старого "кормленческого" порядка управления, когда в новых условиях XVII в. многие черты этого порядка сохранялись в виде живучей традиции и даже частично поддерживались правительством. Эти злоупотребления вовсе не были "результатом темперамента, необузданного нрава" воевод, как писал А.Д.Градовский¹¹⁹. Сама система назначения на должность (по челобитным просителей, с целью "покормиться"), взгляд на занятие должности как на пожалование и согласие правительства с этим взглядом делали воеводские злоупотребления неотъемлемой частью системы местного управления.

Под давлением действительности московская административная мысль делала порой зигзаги в сторону частичного возрождения кормленческой системы. Так, в 1659 г. было запрещено выдавать окладное жалованье слободским приказчикам Тобольского разряда. Подразумевалось, что место приказчика и так обеспечит служилого человека. В наказе 1697 г. тобольским воеводам это положение получило развитие. Приказчиками в слободы рекомендовалось назначать старых дворян и детей боярских сроком на 5 – 6 лет, определяя им по своему усмотрению фиксированный доход с крестьян деньгами и продуктами – чтобы им "быть сытым, а не богатеть, как иные приказчики, которые крестьян разоряли"¹²⁰.

В условиях Сибири должностное лицо редко довольствовалось "прямыми пожитками" (т.е. тем, что молчаливо допускало правительство), и злоупотребления со стороны местных властей приобретали широкий масштаб. Их больший или меньший характер зависел от чина воеводы и пределов его власти в Сибири. Дела фонда Сибирского приказа настолько насыщены жалобами населения на притеснения со стороны воевод и "сысками" по поводу деятельности последних, что очевидно – для администрации XVII в. отсутствие злоупотреблений являлось скорее исключением, чем правилом.

В течение всего столетия борьба правительства против коррупции и насилий сибирской администрации оказывалась малоэффективной, и дело было не столько в удаленности края от центра, бесконтрольности местных властей и т.п., сколько в самом способе комплектования местного аппарата власти. Утверждая официально принцип "бескорыстной" службы, московское правительство молчаливо соглашалось с тем, что занятие должности в системе управления является средством поддержания материального благосостояния представителей господствующего класса. Такая двойственность позиции центрального правительства естественна, ибо сколько бы оно ни пыталось сочетать государственные интересы с общенародным благом ("не навести тягости" податным слоям населения), в конечном счете эти интересы были направлены на сохранение существующих феодальных порядков и укрепление положения дворянского класса.

Приведем следующий любопытный пример, характеризующий неустойчивость позиции правительства в отношении "корыстолобия" воевод. В 1684 – 1687 гг. якутскими воеводами были М.О.Кровков с сыном Александром. Более поздняя челобитная (1690 г.) М.О.Кровкова дает возможность узнать, каким образом попал он на место якутского воеводы¹²¹. Вся долгая жизнь Матвея Кровкова была заполнена ратной службой (ее срок он сам исчислял в 55 лет). В каких только войнах он за это время ни участвовал – сражался с поляками, шведами, крымцами, турками, калмыками, валахами, башкирами, "бился ни щадя себя в бунт Стеньки Разина и при измене Брюховетского", в результате чего "избит весь, коньми растоптан и изувечен". Два его сына были также "изранены на боях". За такую службу Кровков вправе был ожидать достойного вознаграждения, однако он был пожалован в генералы, "а сверстники его пожалованы высокой честью и поместьями и вотчинами болшими". Чин генерала, редкий в допетровской армии, явно проигрывал в глазах Кровкова по сравнению с земельными пожалованиями.

В 1682 г. Кровкова постигла чуть ли не катастрофа. По челолюбью солдат его полка ("ложному и покленному", по мнению генерала) на нем было "доправлено" 17 тыс. руб. Видимо, в обстановке стрелецкого восстания правительство решило удовлетворить требования солдат без особого разбирательства: соответствовал ли итог злоупотреблений М.О.Кровкова названной сумме, неизвестно, но дело решилось без суда и очных ставок. Чтобы внести в казну эти деньги, М.О.Кровков продал свой московский двор, заложил вотчины, которые ему не на что было выкупать. И тогда, вероятно,

он начинает добиваться воеводского места в Сибири. Оценивая назначение в Якутск как пожалование за ратную службу (свою и сыновей), Кровков все же "проговаривается": "И для разорения моего и окупления долгов и выкупу деревнишек пожалован я, холоп ваш, отпущен в Якутцкой острог". Изложив свою службу в Якутске, М.О.Кровков приступает к главному, ради чего написана челобитная. Он пишет, что, возвращаясь из Якутска, прошел все таможенные заставы, включая и верхотурскую. Далее перед нами обнаруживается любопытная практика Сибирского приказа в отношении воевод, вернувшихся из Сибири. В январе 1690 г. в Вологду были посланы из Москвы подьячий и 10 стрельцов, которые описали и взяли в Сибирский приказ "для оценки" имущество М.О.Кровкова и членов его семьи. Помимо имущества взяты были и деньги - "государево жалованье из казны". Выясняется, что у прежних якутских воевод Барнешлева (видимо, у его вдовы) и Приклонского имущество также забиралось для оценки¹²². В конце челобитной Кровкова содержатся два противоречащих друг другу утверждения. Он заявляет, что все взятые у него "пожитки" соответствуют той росписи имущества, которая фиксировалась на Верхотурье еще по пути в Якутск (таким образом, он хотел сказать, что обратно привез лишь то, что когда-то увозил с собой). И далее следует просьба вернуть взятое в Сибирский приказ "без оценки", как это было сделано в отношении Барнешлева и Приклонского. Общее правило, согласно которому лица воеводской администрации имели право на вывоз из Сибири имущества и денег в ограниченном размере, нарушалось самим центральным учреждением. Как мы помним, якутское воеводство Кровков собирался использовать "для окупления долгов". Ходатайствуя о возвращении отобранного имущества, Кровков откровенно писал: "... чтоб мне ... от долгов теми пожитченками своими оплатитца и на правеже замучену не быть и вашей, великих государей, службы не отбыть". Откровенность этой просьбы свидетельствует о ее обыденности, а возвращение имущества бывшего воеводы "без оценки" означало молчаливое признание Сибирским приказом того, что воевода за срок службы мог "покормиться" и "покорытоваться". Правда, результат просьбы Кровкова нам не известен; но ей дали ход - "великие государи пожаловали, велели о том выписать и доложить" главе Сибирского приказа кн. И.Б.Репнину. Кровков, видимо, мог надеяться на благоприятное решение, хотя через 10 лет в наказе очередному якутскому воеводе В.Поливанову он перечисляется среди тех воевод, кто "чинил обиды и грабежи" населению¹²³.

Лишь в конце столетия в воеводских наказах появляются статьи, детально описывающие и запрещающие конкретные виды кормленческой практики, из чего можно заключить, что она процветала все предшествующее время. В 1694 г. вышел указ о запрещении будущим сибирским администраторам брать с собой родственников и "знакомцев"¹²⁴. Чем это было вызвано, подробно поясняется в наказе уже упоминавшемуся В.Поливанову (1701 г.): "Наперед сего в сибирских городех от воевоцких знакомцев чинилось государевым делам поруха, а людем обиды и тягости". Воеводе указывалось "ни для чего людей своих в пашенные и ясачные волости и в острошки и зимовья и никуды отнюдь не посылать и ничего на себя не збирать и не имать"¹²⁵. Здесь же запрещался и еще один вид кормленческого порядка, хорошо известный в XVII в.¹²⁶ и использовавшийся якутскими воеводами - поездки по территории подвластных уездов. Оказывается, прежние воеводы по дороге в Якутск специально отправлялись из Илимска по последнему осеннему пути, чтобы зазимовать в "пашенных волостях для своей корысти". Там они "чинили многие разоренья и имали ... хлебные и всякие запасы и столовые харчи и деньги збирали подесятинно и многие подводы имали"¹²⁷.

Таким образом, злоупотребления администрации в Сибири, выступавшие на первый взгляд как произвол отдельных лиц, являлись органической частью всей системы местного управления. Борьба населения против злоупотреблений лишь частично сдерживала их; центральное правительство, включая эту борьбу в систему мер контроля за наиболее алчными администраторами, как бы останавливалось на полпути. Коренных мер по пресечению кормленческой практики правительство не предпринимало (хотя уместно задать вопрос: возможно ли "изобретение" таких мер в принципе?); наказание зарвавшихся воевод, даже откровенных грабителей, в XVII в. было редким исключением из правил. Обычно дело ограничивалось задержкой их в Сибири на время проведения сыска и денежной пенией в пользу пострадавших от воеводского корыстолюбия. Сами сыски, вскрывая массу должностных злоупотреблений, оказывались малорезультативными.

4. Взаимоотношения между лицами воеводского аппарата управления

Реальные отношения между представителями высшей сибирской администрации весьма отличались от тех, которые предписывали

вались им в воеводских наказах. При довольно простой административной структуре указы регламентируют две линии служебной субординации - между главным воеводой и его товарищами и между разрядными и уездными властями. Уже с конца XVI в. правительство настойчиво утверждает порядок, согласно которому главный воевода разрядного города являлся высшей властью для входящей в разряд уездной администрации¹²⁸. При этом определенно очерчивался круг дел, для решения которых уездный воевода должен был обращаться к разрядному. В наказе 1649 г. в Тобольск компетенция первого воеводы В.Б.Шереметева в отношении уездов определена так: "А из которых будет городов и острогов воеводы отпишут по вестем ... о прибылых ратных людех для приходу воинских людей и о наряде ... или о хлебных и о пушечных запасах", то в этом случае решение принимается Шереметевым вместе со вторым воеводой и дьяком. Если же уездные воеводы начнут писать в Тобольск "о каких указах - и сму, Василью Борисовичу, с указом от себя к ним писати; а в те сибирские города в остроги Тобольского разряду к воеводам о том государев указ послан, а велено им о всяких ... делех о указах писати к нему, Василью Борисовичу, одному"¹²⁹. В наказах уездным воеводам этот порядок подчинения повторялся в дословных выражениях.

Вместе с тем сибирские уездные воеводы в течение всего столетия имели право непосредственного сношения с Москвой, и это также фиксировалось в любом наказе. Енисейский воевода А.А. Племянников (1633 г.) получил указание в перечисленных выше случаях обращаться к разрядному томскому воеводе кн. Н.И.Егупову-Черкасскому, "а о больших делех писати ко государю царю ... к Москве, да и в Томской к ... воеводе ко князь Миките писати ж"¹³⁰. При нечеткой определенности "больших дел" уездные воеводы широко пользовались этим правом, пытаясь таким образом в случае разногласий с разрядными воеводами обойти последних. Со своей стороны, Сибирский приказ, посылая грамоты уездным воеводам, извещал об их содержании и разрядные власти, которые должны были продублировать распоряжения "от себя". Еще С.В.Бахрушин заметил, что при таком административном порядке "получалась какая-то двойственность", которая "вносила известную дезорганизацию" в управление. Ученый относил существование этой двойственности на счет сохранения старых традиций управления в европейской части страны (где не было разрядов и уезд непосредственно подчинялся центру). Возможно, это одна из причин, но была и другая. Отношения дворянского местничества настолько пронизывали, ка-

залось бы, строго служебную субординацию воевод, что постоянно нарушали тот административный порядок, который пыталось установить центральное правительство. В случае конфликтов разрядных и уездных властей только указы Сибирского приказа имели авторитет для последних, и поэтому центральное учреждение в течение XVII в. вынуждено было обращаться непосредственно к уездным воеводам; в данных условиях связь с Москвой, минуя среднее звено, способствовала более оперативному решению дел.

Назначение на то или иное воеводское место касалось карьеры далеко не одного человека. За этим назначением следили его родственники, для которых потеря или выигрыш в родовой местнической "чести" имели важное значение. Так, в середине XVII в. сыновья Г.Г.Пушкина в местническом деле с одним из князей Долгоруких пришлось "оправдывать" своего отца за то, что в 1601 г. он был вторым воеводой в Пельме (первым был кн. В.Г.Долгорукий). Они утверждали, что Г.Г.Пушкин "на князь Василья Долгорукого в отечестве бил челом и дела с ним не сидел, а жил все у себя на дворе и съезжую избу к нему не ездил"¹³¹.

Возбуждение одного местнического дела по поводу служебного назначения могло породить целый ряд других. В июле 1627 г. в Тобольск был назначен стольник И.И.Салтыков; его товарищ И.В. Волынский уже находился в Сибири. Родственники Волынского тотчас били челом, что "брату их ... в товарищех с Иваном Салтыковым и менши его быть невместно". В свою очередь, на Волынских били челом Пушкины и князь Гагарины. Оказалось, что в это время П.Т.Пушкин был воеводой "в тобольском пригороде на Тюмени", а один из Гагариных - в Верхотурье. Отказываясь быть в товарищах с И.И.Салтыковым, И.В.Волынский таким образом становился "честнее" Пушкина и Гагарина, которые подчинялись первому тобольскому воеводе. Пушкины писали, что Волынскому "и брата их Петра мочно быти менши многими месты"; и они, и Гагарины беспокоились, чтобы от челобитья Волынских "их отечеству в том поруки вперед не было"¹³². Салтыков так и не отправился в Тобольск, вместо него в октябре 1627 г. туда был назначен кн. А.Н.Трубецкой. Это дало повод Волынским "похвалиться", что Салтыков был "отставлен" в результате их челобитья. Теперь уже самому Салтыкову пришлось подавать царю жалобу на Волынских. Чтобы сгладить местнические обиды, думному дьяку Ф.Ф.Лихачеву было указано специально объявить на Постельном крыльце, что Салтыков "не для их челобития отставлен", а по другим соображениям¹³³.

И в самой Сибири к административному порядку отношений постоянно примешивались личные взаимоотношения воевод, соблюдающих местническую "честь". В 1641 г. томский воевода кн. Клубков-Мосальский отписывал в Москву о непослушании ему воеводы Кетского острога В.П.Отяева, который не присылал в Томск ни финансовой отчетности, ни деловых отписок. Клубков-Мосальский передавал в Москву заявление Отяева, что "он де сам таков воевода, что и я ... и отписок де, государь, томских от меня ... и вперед не слушивать"¹³⁴. Однако местничаться со стольником и князем Отяеву было явно не под силу. Через 12 лет томский пятидесятник Д.Вятка не без умысла напоминал красноярскому воеводе М.Ф.Скрябину, поступавшему аналогично Отяеву, что последний "за то был бит батогами многожды и в тюрьме сидел"¹³⁵. В 1686 г. красноярский воевода Г.И.Шишков не желал подчиняться енисейскому разрядному воеводе С.А.Собакину и мотивировал это тем, что "за то де родственники его ... на Москве будут его бранить и в дома к себе не пущать"¹³⁶. Любопытно, что заявление Шишкова сделано спустя 4 года после официальной отмены местничества.

С этим характером лично-местнических отношений своих администраторов центральное правительство было вынуждено считаться. В наказе уездному воеводе недостаточно было указать, какому городу он должен подчиняться (например, Тобольску или Томску); необходимо было назвать конкретное лицо, занимающее в данный момент место разрядного воеводы. Необходимость эту можно пояснить характерным примером. В 1634 г. бывший кузнецкий воевода Ф.И.Нащокин отвечал в приказе Казанского дворца на обвинения служилых людей, которые заявили, что в результате его "нераденья" киргизы осенью 1633 г. совершили набег под самый Кузнецкий острог. Отвечая на вопрос, почему он вовремя не сообщил о готовящемся набеге в Томск, Нащокин уверенно заявил: "А в Томской де он к воеводе ... Ивану Татеву не писал потому, что переменял в те поры князя Ивана Татеева князь Микита Черкасской, а х князю Миките де ему писать было нельзя для того, что послан он был в Сибирь на государеву службу со князем ... Татевым, а не с князем Микитою Черкасским"¹³⁷. При смене разрядного воеводы уездным воеводам данного разряда необходимо было послать грамоту о новом подчинении, иначе последние апеллировали к тому, что у них "указу нет" выполнять распоряжения новых властей. По той же причине в наказах разрядным воеводам поименно назывались воеводы подведомственных городов; правило это сохранялось после отмены местничества в 1682 г.¹³⁸

Такой порядок административных отношений был похож на порядки "полковой" службы; для дворян в структуре органов управления на первый план выступала личность, а не должность.

Признавая значение "отечества" воевод, московское правительство при разрешении административных споров само разговаривало "местническим" языком. Показателен тот суровый выговор, который получил из Сибирского приказа тюменский воевода Н.И. Елдезин (1654 г.). Приняв во внимание жалобу посадских, крестьян и ясачных людей Тюменского уезда, он в осторожной форме пытался доказать нецелесообразность существовавшей чересполосицы западносибирских уездов. Дело в том, что ряд крупных слобод, расположенных на территории Тюменского, Туринского и Верхотурского уездов, подчинялся непосредственно тобольской администрации, и приказчики этих слобод мало считались с интересами окружавшего их населения и распоряжениями местных властей¹³⁹. Ясачные татары жаловались Елдезину, что приказчики занимают их земли, отбирают коней, захватывают детей; посадские и крестьяне были недовольны тем, что от них в слободы "бегают" много людей (где им на несколько лет давались податные льготы), от чего оставшимся трудно нести государево тягло. Попытки самого Елдезина вернуть ушедших не имели успеха. В своей отписке в Москву он подробно передал жалобы тюменского населения и от себя добавил, что те слободы (Верхне- и Нижненицинские, Чубаровская, Беляковская, Диповская) находятся от Тюмени в 30 - 70, а от Тобольска - в 300 верстах. В Москве быстро разгадали подтекст отписки Елдезина. Ответ ему явился настоящим разносом: "И знатно по твоему письму, что хошь слободы ведать. Лутчи тебя никто из тюменских воевод наперед сего слободы не ведали, а на тебя мимо тобольских разрядных больших воевод такого дела ... положить не пригоже". По вполне понятной причине Елдезин решил обратиться непосредственно в Москву, а не к тобольским властям. Но Сибирский приказ расценил это как местническое высокомерие: "Наперед сего бывали на Тюмени воеводы честные люди Долгорукой, Чоглоков, Пушкины, Плещеевы и иные многие ...", которые "о больших делах" писали в Тобольск, "а тебе нет места с Хилковым, что тебе к нему не писать". Разнос заканчивался грозным предупреждением: "Делай, что тебе указано, а выше своей меры и не за свое дело не цепляйся ... и намитую наш указ, пиши вперед обо всяких наших больших делах об указе в Тобольск стольнику князю Василью Хилкову"¹⁴⁰. Таким образом, вполне здравая инициатива тюменского воеводы по упорядочению местной административно-территориальной структуры

была в Сибирском приказе не понята; его предложение расценили как выражение личных амбиций, корыстное желание "ведать слободы".

Если в поведении Н.И.Елдезина, который был письменным головой в Тобольске, а в Тюмени воеводствовал временно, трудно заподозрить проявления местничества, то в другом случае письменный голова осмелился предъявить воеводе родословные счета. Речь идет о В.Д.Пояркове, назначенном письменным головой в "команду" первой якутской администрации в 1638 г. Впереди у Василия Пояркова был знаменитый поход 1643 – 1646 гг. в Приамурье и к берегам Охотского моря, навсегда вписавший его имя в историю географического открытия Сибири. А пока что, при назначении весной 1638 г., Поярков затеял местническое дело против второго воеводы стольника М.Б.Глебова (первым был П.П.Головин). Суть местнического столкновения изложена во встречной челобитной самого Глебова: "... велено ему, Василью, быть с одним Петром Головиным, а со мною ... быть не велено, потому что будто 'он Поярков-Квашнин. И он, Василей, Поярков, а не тех, что Квашнины. Вели государь, допросить Квашниных ... Вели ... мне свой царской указ учинить, чтоб я, холоп твой, в том позорен не был, а его, Василья, вели ... написать с обеими с нами". При допросе в Поместном приказе Василий признался, что он из Поярковых-Ресиных и подал "роспись своему родству", где самыми значительными фигурами оказались его прадед Петр Андреевич, убитый при взятии Казани, и прабабка Аксиныя Ивановна, бывшая при Иване Грозном "вверху боярыней посаженной". Чувствуя слабость родословного "фундамента", Поярков приводит аргумент, дополняющий наши сведения о субординации между воеводами и письменными головами. Он пишет, что "... на Лене велено розряд учинити против ... Тобольского и Томского розряда, а которые, государь, в тех городех в Тобольском и в Томском розрядах воеводы были – и письменные головы были с одними большими воеводами, а с товарищи нигде не бывали. И тот государской указ и уложение старое, а не новое: и Матвей Глебов бьет челом на меня и хочет новой образец учинити и мною хочет себе честь получить". Дело, однако, решилось не в пользу Пояркова, с учетом чисто местнических соображений: ему было указано "в письменных головах быть с обема, потому что он не Квашниных"¹⁴¹.

На протяжении всего столетия правительство настойчиво проводило линию, направленную на усиление власти разрядных воевод, однако уездным приказным избам в это время удавалось сохранять значительную самостоятельность. Авторитет первым раз-

рядным воеводам придавало не столько административное место, сколько их принадлежность к высшим слоям господствующего класса. Самостоятельность уездного воеводы выразил И.Я.Колтовской (Верхотурье, 1664 – 1669 гг.), объясняя, почему он не выполнял некоторые распоряжения тобольского воеводы П.И.Годунова: "... и я с ним не местничаюсь и по его отпискам и памятям, что доведется, делаю, а иного и делать нельзя"¹⁴². В случае неподчинения уездного воеводы разрядной администрации не оставалось ничего другого, как обращаться в Москву, ибо сама она никаких санкций по отношению к послушнику применить не могла (например, сместить его, хотя изредка такие попытки делались). В 1688 г. енисейский воевода Г.В.Новосильцев, описывая конфликт с подчиненным ему красновирским И.В.Башковским, просил Сибирский приказ: "Велите, великие государи, от той его Игнатъевы лаи и безчестия меня, холопа вашего, оборонить"¹⁴³. Сама форма обращения разрядного и уездного воевод друг к другу была совершенно идентичной, что в феодальном обществе означало их потенциальное равенство.

Добиваясь усиления власти разрядной администрации, правительство не ликвидировало несовершенства во внутренней организации этой администрации. Наделенный большими полномочиями по сравнению со своими товарищами, первый воевода нередко пытался игнорировать их. В то же время указы предписывали им решать дела "вместе, заодин". Такая установка правительства заранее обрекала разрядные власти на внутренние конфликты. "Рознь" между первым воеводой и его товарищами в Сибири XVII в. – явление постоянное. Причины "розни" могли быть различные, нередко ими являлись чрезмерное корыстолюбие и насилия первого воеводы, против которых выступали его товарищи. В 1634 г. товарищи томского воеводы кн. Егупова-Черкасского Ф.Г.Шишкин и дьяк А.Строев писали в Москву: "А мы ... сидим у твоего государева дела хуже подьячих, не ведаем ... ничего, что он указывает ... а нас, холопей твоих, держит, что в осаде, как при князе Иване Татеве жил Семен Воейков да дьяк Яков Бутримов ... и говорит нам ... вы де посланы со мною, что де вам велю, то де вы и делайте". Шишкин и Строев апеллировали к тому, что "он, князь Микита, твой государев указ нарушил, нас ... от твоих ... дел отбил прочь и делает твои государевы дела один"¹⁴⁴. Это было действительно нарушением наказа, и вскоре, при проведении сыска, Егупов-Черкасский был вынужден заявить, что "делал всякие дела с ними вместе"¹⁴⁵. Самовластие предшественника Егупова-Черкасского кн. Татева подтвер-

дил дьяк Бутримов, который писал, что был "у государева дела" только полгода, а остальные полтора сидел у себя на дворе в осаде¹⁴⁶.

У енисейского воеводы С.А.Собакина были осложнения не только с воеводой Красноярска Шишковым, но и с дьяком И.Юдиным, бывшим в товарищах у Собакина. Дьяк во многих делах "чинился ему непослушен", а самостоятельная деятельность Юдина вызвала поток челобитных от населения "в его мотчаньи и в волокитах, в больших его посульных запросах и во взятках". К тому же дьяк оскорбил воеводу: "... На выписках помечал имя его, Степаново, одним стольником, а воеводство не помечал и тем его, Степана, он, Иван, обезчестил". Стольник не остался в долгу; он приказал у себя на дворе избить Юдина, в результате чего тот долгое время "лежал при смерти"¹⁴⁷.

Широкие полномочия первых разрядных воевод вызывали недовольство не только населения (которое обвиняло воевод в том, что они "государятся"¹⁴⁸), но и осуждение со стороны воевод рангом ниже. В 1634 г. кн. Егупов-Черкасский задержал в Томске ехавшего из Кузнецка воеводу Нащокина на том основании, что на последнего поступила челобитная кузнецких служилых людей. С точки зрения Нащокина это было незаконно, т.к. он сдал острог и расписался с новым воеводой и, таким образом, уже не входил в состав администрации (к тому же, как мы помним, он не признавал подчинения Егупову-Черкасскому в принципе). В съезжей избе Нащокин показал томскому воеводе документацию о сдаче Кузнецка и разрешение ехать в Москву. Егупов-Черкасский "тое ... грамоту кинул под стол, а его, Федора, велел выбить из избы в шею и он де, Федор, говорил ему, что он, князь, государитца: один де у нас государь на Москве"¹⁴⁹. В данном случае Егупов-Черкасский действовал из корыстных побуждений, желая просто получить от Нащокина взятку за просимые им подводы.

Отношения того же Егупова-Черкасского с подчиненными ему уездными воеводами носили в значительной мере личный характер. Так, князь не торопился выполнять просьбы о посылке в Енисейск жалованья, а в Красноярск - свинца и пороха (хотя это была его прямая обязанность), но разрешил свободно закупать в Томске хлеб людям нарымского воеводы И.А.Загоскина (в то время как хлеб был нужен Кузнецкому острогу, где осенью 1633 г. киргизы сожгли пашни). Оказывается, томский воевода был "в дружбе" с Загоскиным. Как доносили Шишкин и Строев, летом 1633 г. все трое

были две недели в Нарыме, причем "дела твоего государева никакого не было", князь "только пил днем и ночью у воеводы у Ивана Загоскина, а Иван у него"¹⁵⁰.

В целом стремление правительства усилить централизацию местного управления без ликвидации местнических порядков, без создания четкой иерархии должностей, основанной на бюрократических принципах, выливалось в самовластность и бесконтрольность представителей разрядной администрации, использовавших свое место в целях наживы и проявления личных амбиций.

***

Рассмотрев воеводское звено управления с точки зрения принципов комплектования его штата, государственного содержания, структуры подчиненности местных органов власти, можно сделать вывод, что служба в воеводском аппарате носила еще преимущественно личный характер. Существование двух принципов назначения на должность - по инициативе центральных учреждений и вследствие личного желания претендента - отражало переходный этап в формировании гражданской службы как особой отрасли государственного управления. Пытаясь законодательно бороться против взгляда на воеводское управление как на службу "у корыстолюбивых дел", правительство фактически мало что могло сделать для искоренения кормленческой практики местного аппарата. И дело заключалось не только в традициях административного управления в России, но и в неспособности самодержавной власти материально обеспечить свой исполнительный аппарат. Именно поэтому весь XVII в. центральное правительство смотрело сквозь пальцы на воеводские "кормления" и принимало доводы дворянских челобитных (связавшиеся к тому, что место воеводы - пожалование за долгую службу) как вполне естественные. Благодаря такому взгляду местное управление возглавлялось представителями господствующего класса, которые в силу своего сословного происхождения были воинскими, но далеко не всегда подходящими администраторами. Поместное обеспечение как основа выхода дворян на любую службу в значительной степени тормозило процесс формирования управленческих кадров, специализировавшихся только в сфере гражданского управления и находившихся на постоянном государственном денежном обеспечении.

В силу того, что верхушка воеводского аппарата состояла из представителей дворянского класса, должностные отношения и вертикали и по горизонтали постоянно деформировались местни-

ческими счетами и родовой "честью". Даже после отмены местничества в 1682 г. между сибирскими воеводами возникали трения на основе устоявшейся местнической иерархии.

Сам принцип присылки лиц, осуществлявших воеводское управление, из центра на время не мог способствовать формированию бюрократии на местах. В XVII в. группа лиц, специализирующаяся в сфере государственного управления и представленная приказными людьми, была еще малочисленна и сосредоточивалась в основном в Москве; бюрократизация органов управления, шедшая от высших ступеней к низшим, местный аппарат затрагивала лишь в слабой степени.

Подчеркивая, что воеводский аппарат в XVII в. не представлял обезличенную структуру, основанную на четком разделении функций и иерархии должностей, необходимо тем не менее отметить новые черты, отличающие его от системы управления предшествующего времени. Во-первых, денежное жалованье, выдававшееся на время службы, было одним из реальных шагов по вовлечению дворян в область профессионального управления и попыткой оторвать государственную службу от ее содержания населением. Во-вторых, анализ поименного состава сибирских воевод показывает, что центральное правительство, возможно, начинает осуществлять определенный отбор кадров, наиболее пригодных для управления специфичным сибирским регионом. Хотя регламентированной системы чиновничества в это время не существовало, можно отметить, что назначения на воеводские места и приказные должности во многом были не случайным выбором, а обуславливались личными заслугами тех или иных лиц в предыдущей службе. Это объясняет и появление уже в начале Петровских реформ ряда способных администраторов, принадлежавших к дворянскому сословию.

ВОЕВОДЫ У "ЗЕМСКИХ И ГОСУДАРЕВЫХ ДЕЛ"

1. Компетенция сибирских воевод по наказам

В сибиреведческой литературе освещены самые разные стороны деятельности воевод, в которой так или иначе отразились их полномочия, определенные статьями наказов. Являясь специальными инструкциями, указы охватывали лишь общие и главные обязанности воевод; в текущем управлении большую роль играли грамоты и распоряжения Сибирского приказа. Многословные указы сибирским воеводам при детальном их рассмотрении оказываются не такими уж информативными и разнообразными. Однако сама возможность сравнения их содержания позволяет выяснить, насколько изменялся круг обязанностей воевод на протяжении XVII в.

Воеводские указы попали в поле зрения исследователей еще в прошлом столетии. А.Д.Градовский отмечал, что "вопрос о наказах принадлежит к числу самых трудных и самых запутанных во всем воеводском управлении"¹. Представителей государственной школы интересовала проблема составления наказов в XVII в. в соотношении с административным законодательством того времени. В.Н.Чичерин высказал мнение, что "каждый указ определял ... власть отдельных воевод для каждого рода дел ... без всякого сравнения с другими городами"². Другой, более верной точки зрения придерживались И.И.Андреевский и А.Д.Градовский. Первый сделал вывод, что указы воеводам "сходны между собою, и очевидно писались по одному образцу", причем "в некоторых указах делаются отступления, вызываемые особыми условиями той или иной местности"³. Развивая эту мысль, А.Д.Градовский считал возможным разделить все указы на чрезвычайные (в пограничные города) и общего формуляра⁴. Вопрос об изменении содержания наказов в течение XVII в. этими историками не ставился.

Более глубокая детальная характеристика воеводских наказов оказалась возможной при рассмотрении местного управления в региональном аспекте, что было сделано М.М.Богословским и С.В.Бахрушиным. Выводы М.М.Богословского касаются наказов, выдававшихся воеводам Поморья из Устюжской и Новгородской четвертей. В основе всех наказов ученый отметил "общую модель, слегка только изменяемую по месту и времени", причем эта модель

в каждом из двух приказов складывалась своя. В то же время различия между наказами, исходящими из разных четей, касались больше внешней формы и порядка расположения статей, чем содержания⁵. Изучая воеводское управление в Сибири, С.В.Бахрушин пришел к аналогичным заключениям: "Основной текст наказов был общий для всех сибирских городов с незначительными дополнениями для каждого города в отдельности"⁶. Сам С.В.Бахрушин использовал наказы для характеристики тех функций, которые возлагались на тобольских, томских, красноярских и якутских воевод⁷.

Наличие работ С.В.Бахрушина дает возможность не обращаться к детальному анализу всего того, что предписывалось воеводам в наказах. Представляется целесообразным рассмотреть их содержание в одном определенном аспекте. Как и всякий другой исторический источник, наказы, помимо того, что заключают в себе определенную информацию, сами являются фактом исторической действительности. В современной историографии отмечается, что за период с 60-х по 90-е гг. XVII в. "произошел резкий перелом в сторону абсолютистской формы правления", а "правительственная линия на усиление власти воевод на местах" выявилась еще в первой половине столетия⁸. Сравнение воеводских наказов за весь этот период позволит выяснить, изменялось ли их содержание, а также насколько эти изменения отражали тенденцию к абсолютистским методам правления на местах. Кроме того, по данному виду документов возможно проследить основные черты политики правительства по отношению к Сибири.

Прежде всего необходимо сделать одну оговорку. Изучение более чем 40 сибирских наказов показало, что в наказах уездным воеводам практически нет таких статей, которых бы не было в данных инструкциях, адресованных разрядным воеводам. Поэтому преимущественное внимание будет уделено наказам в разрядные города.

Содержание воеводских наказов складывалось постепенно, отражая и сибирскую, и общероссийскую практику. Их стереотипность довольно очевидна, но этот стереотип складывается для Сибири только к середине столетия. Еще С.В.Бахрушин правильно разделил наказы на две части - основной текст и "памяти", которые приписывались к нему и касались каких-либо специальных вопросов⁹. В самом раннем из дошедших до нас наказов в Тобольск (1599 г.) основной текст составляет всего лишь 1/5 его содержания (26 из 127 листов)¹⁰. Данный наказ отражает реалии первоначального освоения Сибири. После статьи о назначении на воеводство де-

тально оговариваются пути следования в Тобольск, а воеводам рекомендуется следить, чтобы едущие с ними из Москвы сибирские служилые люди по дороге "не воровали, не били и не грабили и подвод лишніх не имали". Прибыв в Верхотурье, С.Ф.Сабуров и его товарищи должны были дожидаться "как лед вскрыется", а к этому времени по согласованию с верхотурским воеводой подготовить дошаники для перевозки людей, денежной казны и разных запасов в Тобольск. Аналогичные указания присутствуют в тобольских наказах 1601 и 1608 гг.¹¹, но к 1628 г. исчезают. Путь в Сибирь к этому времени стал уже "накатанным", и необходимость говорить о нем отпала. Последующие статьи о порядке приема города у предшественников, пересмотре служилых людей, "счете" продовольственных и военных запасов вполне графариетны - это уже штамп, который сложился из практики воеводского управления к концу XVI в. Прибывшие в Тобольск воеводы, первые, назначенные правительством Бориса Годунова, должны были объявить об избрании нового царя. Затем им предписывалось собрать в съезжую избу по отдельности представителей русского и ясачного населения и сказать им "государево жалованное слово". На этой статье стоит остановиться подробнее, т.к. она неизменно присутствует во всех сибирских наказах XVII в.

Содержание "жалованного слова" хорошо известно в литературе, именно по его поводу С.В.Бахрушин писал: "Церемония приемов и содержание речей было твердо и раз навсегда установленны в наказах. Года через два, когда появлялся новый воевода, он с тем же пафосом сообщал о том, что его предшественник грабил и притеснял своих подчиненных и что в виде милости государь назначил на его место говорящего"¹². Действительно, Сабуров и его товарищи Третьяков должны были заявить, что прежде воеводы и приказные люди "чинили" русскому населению обиды и продажи, а ясачных обирали без "царского ведома"; сейчас же царь велел "чинить суд и росправу праведно". Есть все основания утверждать, что клаузула "жалованного слова" вошла в сибирские наказы именно с первых воевод, назначенных при Борисе Годунове. Ни в одном из наказов до 1598/99 г. она не встречается¹³. "Жалованного слова" нет в наказах в города европейской части страны¹⁴.

Обширную декларацию царя по поводу защиты своих поданных от администрации и облегчения их "нуж" можно связать, видимо, с теми милостями, которые раздавал Борис Годунов сразу после занятия престола. В отношении Сибири, в частности, это выразилось в сложении с аборигенного населения ясака на

1599/1600 г.¹⁵ В дальнейшем деятели центрального приказа превратили "жалованное слово" Бориса Годунова в переписываемый почти дословно наказной штамп.

Если С.В.Бахрушин рассматривал данную часть наказа как мало что значащий стереотип, то А.А.Преображенский относит "милостивое слово" к одному из приемов царской политики, включающей элементы демагогии и направленной на сознательный обман народных масс¹⁶. Приходится, однако, предположить, что объявление царской "милости" имело реальный смысл как для сибирского населения, так и для центрального правительства. В конце XVII в. служилые люди Красноярска поставили в вину новому воеводе С.И.Дурново то, что он по прибытии "великого государя указу не исполнил ... не обнадежил нас, холопей твоих, твоим ... милостивым жалованным словом"¹⁷. Возможно, в глазах сибирского населения произнесение "жалованного слова" представлялось прямым обращением монарха к своим подданным, где воевода был лишь конкретным посредником; поэтому население и дорожило этим "словом".

Содержание заявлений новых властей служилым татарам и ясачным людям отличалось от текста, с обращенного к русским жителям Сибири. В первом случае акцент сдвигался в сторону напоминания о принесенной аборигенным населением шерты государю, о необходимости соблюдать ее и доносить о любых попытках выйти из-под власти царской администрации (доносчикам обещалось имущество уличенных в "измене"). Поскольку значительная часть аборигенного населения, особенно Восточной Сибири, до появления русских не сталкивалась с государственной властью, то и сама принадлежность к государству (со всеми вытекающими отсюда обязанностями податного населения) была для нее малопонятна. Сбор каждые 2 - 4 года представителей ясачных сибирских народов, "лучших людей", в ближайшем центре воеводской власти был в какой-то мере периодическим возобновлением шерты. Возможно, произнесение новыми властями "жалованного слова" перед ясачными людьми имело и еще один смысл: оно показывало, что отъезд очередного воеводы (который для коренных жителей Сибири был намного реальнее, чем далекий "белый царь") ничего не меняет в их отношениях с Русским государством, утверждало вечность их принадлежности государю. В 90-е гг. XVII в. выступление воевод перед ясачными людьми стало обставляться с еще большей торжественностью: перед приказной избой их встречал строй служилых людей, одетых в лучшее платье, раздавалось несколько холостых залпов. Все это должно было в очередной раз продемонстрировать мощь государ-

ства, "убедить" местное население в нецелесообразности уклонения от уплаты ясака и сопротивления властям. С другой стороны, открытое признание за лицами воеводской администрации всякого рода "вин", нарушающих интересы "государева дела", как бы снимало с них "ореол власти" (выражение С.В.Бахрушина), оставляло между администрацией центра и местной властью "зазор", который могли использовать сибирские сословные группы при отстаивании своих интересов. Такая линия правительства на частичное "отчуждение" от своих же агентов на местах, прослеживающаяся весь XVII в., не могла способствовать превращению воеводского аппарата в органичную часть единого бюрократического механизма власти и подавления. Правительство было вынуждено провозглашать это "отчуждение", чтобы сохранить свой авторитет и отмежеваться от злоупотреблений и лихоимства местной администрации, контролировать которую в достаточной мере оно было не в состоянии. А такая ситуация только активизировала обращения сибирских "миров" непосредственно к царю и их выступления против местных властей под лозунгом защиты "государева дела".

Вернемся к тобольскому наказу 1599 г. Круг обязанностей воевод, определенный в основном тексте наказа, еще невелик. Им указывается призывать в Сибирь на льготы крестьян и посадских, "чтоб в сибирских городех посады наполнить и на пашню людей назвать". Далее следует статья о преемственности дел тобольской администрации. Воеводы с дьяком должны руководствоваться прежними и "нынешним государевым наказом и грамотами", но делать только то, что "написано в них к укреплению и доброй прибыли"; реализовать указы, не выполненные прежней администрацией, а вдобавок действовать "смотря по тамошнему делу, как будет пригоже и государеву делу прибыльнее". Это уже определенное клише, оставляющее неизменной часть всех воеводских наказов в дальнейшем.

Важное место в наказе занимает указание, относящееся к военным функциям воевод. Они должны были "проведывать" намерения и перемещения пограничных с югом Западной Сибири кочевников и посылать военную помощь в другие города при получении от уездных воевод тревожных "вестей". Здесь же описывается порядок сношений уездных воевод с Тобольском и Москвой.

Большую часть наказа занимают "памяти", касающиеся разных по степени важности вопросов. В первую очередь приказ Казанского дворца был обеспокоен жалобами ясачных людей, т.к. "насилства" администрации и сборщиков ясака непосредствен-

но влияли на поступления в казну "мягкой рухляди". В челобитной сосвинских и лозьвинских вогулов, которую переслал в Москву верхотурский воевода В.П. Головин, содержатся жалобы на сына боярского И. Туркова. Он был послан приводить ясачное население к шерти, и во время пребывания в волостях брал "многие поминки", скупал насильно лошадей. Тобольским воеводам предписывается расследовать это дело и в случае справедливости обвинений челобитной "доправить" на Туркове и вернуть ясачным вымученные поминки, а самого Туркова наказать – бить кнутом и посадить на две недели в тюрьму.

Особенно много челобитных поступило на прежние тобольские власти – воеводу Е.В. Бутурлина и голову В.Г. Колядинского. На них жаловались и ясачные остяки, и тобольские юртовские татары, и приезжие бухарцы. Наказная память излагает эти челобитные, по которым новым воеводам предстояло провести сыск, опрашивая все население, "чтоб сказали вправду не боясь никого". "Нерадивость" Бутурлина дошла до того, что при его попустительстве служилые люди ограбили русских переселенцев – крестьян¹⁸, что явно противоречило правительственной линии на привлечение земледельческого населения в Сибирь. Несколько наказных памятей отражают "рознь" между верхотурскими воеводами В.П. Головиным и И.В. Воейковым, которые подали в Москву челобитные с перечнем взаимных обид и обвинений. Мнение Казанского дворца склонялось явно не в пользу Воейкова, который, по донесениям Головина, не "радел" государевым делом, проводил время на охоте и за игрой в зернь. После проведения сыска обычным порядком (путем опроса "всех чинов людей") Сабуров своей властью мог отстранить Воейкова от дел и даже посадить его за растроченный казенный хлеб на неделю в тюрьму. Таким образом, данные части наказа придают новым тобольским воеводам полномочия сыщиков по расследованию злоупотреблений и дел, некоторые из которых имели политический оттенок (например, дело о "крамольных речах" – ссыльных детей боярских братьев Быкасовых¹⁹). Практика поручения новым властям конкретных сысков существовала в весь рассматриваемый период, что в значительной мере отвлекало представителей администрации от выполнения их прямых обязанностей.

Ряд установлений; изложенных в наказных памятях Сабуро-

* Так, томскому воеводе кн. О.И. Щербатому (1646 - 1649 гг.) был поручен ряд дел, связанных с извещениями племянника нарымского воеводы Саввы Скобельщина. По словам Щербатого, он "живот свой мучил, над тем делом сидел целый год, а как от того дела свободился ... почал сидеть в съезжей избе" (РГАДА. Ф.214. Стб. 457. Л.696 -697).

ну и его товарищу, вскоре прочно вошел в основную часть сибирских наказов. Это указы об освобождении "полоня" за выкуп (пленников из туземного населения, которое потенциально рассматривалось как ясачное), о запрещении крестить ясачных людей и вывозить их на Русь. В этом же наказе присутствует важное с точки зрения правительства указание, повторяющееся неизменно весь XVII в. Воеводам вменялось в обязанность строго контролировать сборщиков ясака; не допуская их по возвращении в город, высылать к ним людей для обыска и проверки (чтобы ясачники не провозили свою "посульную и торговую рухлядь"). Подобная мера начала практиковаться незадолго до этого. Наказ 1597 г. на Тару содержит аналогичную статью²⁰, тогда как в наказе 1595 г. в этот же город ее еще нет. Можно предполагать, что появлению данной статьи в значительной мере способствовали челобитные ясачного населения с жалобами на грабежи и притеснения со стороны сборщиков ясака.

Следующие тобольские наказания 1601 и 1608 гг. совпадают с разобранными выше в основной части, но наказных памятей в них намного меньше²¹. Среди них наиболее важно указание (1601 г.), устанавливающее правило торговли приезжающих в Сибирь русских торговых людей²². Все торговые операции должны проводиться только в городе, на гостинном дворе, строительство которого вменялось воеводам в обязанность. Им также поручался сбор десятинной пошлыны с товаров и выдача проезжих грамот. Соответствующие грамоты о сборе этой пошлыны, как полагает А.Н. Копылов, были разосланы сибирским воеводам в 1597 г.²³ В наказания данные статьи попадают не ранее 1601 г., когда в Сибири появляются первые таможи.

К середине столетия памяти-приложения из тобольских наказов почти исчезают, а формуляр последних приобретает четкие очертания. Это говорит о том, что правительство, исходя из практики освоения Сибири за первые 2 – 3 десятилетия XVII в., выработало основные принципы по управлению зауральскими территориями, которые впоследствии изменялись лишь в малой степени.

Ряд мероприятий тобольского воеводы Ю.Я. Сулешева (1623 – 1625 гг.), "учиняющих" казне прибыль, послужил прецедентом для внесения их в качестве статей в последующие наказания. Это относится прежде всего к порядку обеспечения сибирских служилых людей жалованьем. В наказе 1628 г. кн. А.Н. Трубецкому уже присутствует статья о переводе служилых людей, имеющих пашню, на службу с пашни вместо выдачи им хлебного жалованья. В целом в этом наказе вопросы, связанные с развитием земледелия, зани-

мают значительное место²⁴. Воеводам рекомендуется “высматривать” новые земли, пригодные для государевой десятинной пашни, призывать на нее “охочих людей”, увеличивать, где это возможно, оклады крестьян-старожильцев. Развитие земледелия в Западной Сибири шло зачастую вне контроля местных властей. Однако устанавливавшаяся там система государственного феодализма требовала учета всех обрабатываемых земель и взимания с них определенной ренты в пользу казны. В наказе 1628 г. есть статья об учете тех, кто, не принадлежа к служилым людям и крестьянам (это лица духовного звания, подьячие, торговые люди), имел свои пашни и не платил с них натуральный оброк. С них в зависимости от качества урожая указывается взимать 4, 5-й или 6-й сноп.

В наказе 1628 г. много общего с тобольским наказом 1649 г., хотя их сравнение показывает, что за 20 лет накопились определенные дополнения. Одними из самых устойчивых и многословных являются указания, относящиеся к сбору ясака и отправке соболиной казны в Москву. В них подробно регламентируется возраст подлежащих ясачному обложению – с 18 лет, со старых и увечных ясак можно было сложить только по специальному разрешению Сибирского приказа; оговариваются вопросы отсрочки уплаты ясака и замены его пушного вида денежным. В наказе 1649 г. эта замена фактически запрещается, кроме особо указанных случаев²⁵. Много внимания уделяется точной фиксации поступившей пушнины, ее сортировке и оценке на месте. Сбор и учет ясачной пушнины были настолько важны для московского правительства, что оно возлагает личную ответственность на воевод за исполнение этой функции. В наказе 1649 г. есть грозное предупреждение, что если воеводы оставят свои преемникам доимочные меха (ясак, по уплате которого была дана отсрочка), то этот ясак государь велит доправить на самих воеводах²⁶. Порядок сбора ясака, сложившийся в первой половине XVII в., оказался самой устойчивой частью инструкций местным сибирским властям, не чувствительной к переменам в государственном строе и жизни России. Вышеприведенные правила дословно перекочевали в инструкцию 1741 г. сибирскому губернатору²⁷.

С 1628 по 1649 г. изменилась компетенция тобольских воевод в отношении контроля за таможенной службой. В 1628 г. воеводская администрация имела право отстранять от дел таможенных голов и целовальников, плохо исполнявших свои обязанности, и указывать о проведении выборов новых. По наказу 1649 г. воеводы осуществляют общий контроль за деятельностью таможенной службы (ежемесячная проверка таможенных книг), но сместить го-

лов без разрешения Москвы они не могут²⁸. В 1646 г. из ведения всех сибирских воевод, кроме тобольских, изъяли право на выдачу проезжих грамот торговым и промышленным людям²⁹. Таким образом, таможенная служба постепенно выходит из прямого подчинения воеводским властям. В наказе 1651 г. якутскому воеводе М.С.Лодыженскому разрешается “чинить наказание” и смещать таможенных целовальников, но не голов (которые присылались сначала из Поморья, позднее – из Тобольска). Причина ограничения компетенции доевод в отношении таможенной службы изложена в этом же наказе: “... и в таможенное во всякое дело им ... воеводе и дьяку однолично не вступаться никоторыми делы, чтоб в том ... таможенной пошлине недобору не было”³⁰. Самостоятельность таможенного ведомства выражалась в том, что наказные памяти головы получали непосредственно из Сибирского приказа. Так, в начале 1680-х гг. туринский таможенный голова К.Насонов, оставленный за добросовестную службу в этой должности на еще один срок, просил Сибирский приказ дать ему наказную память³¹. Относительная независимость таможенной службы от воеводского управления выражалась в еще одном факте: сибирские таможенные головы (очень часто по происхождению поморские крестьяне и посадские) могли, как и лица воеводской администрации, просить вознаграждения за свою службу. Их пожалования “у государева стола” мало отличались от награждений воевод и приказных (кубками, соболями и т.д.)³².

Сравнивая сибирские указы первой половины столетия, можно отметить случаи, когда в них появлялись новые статьи под влиянием общих законодательных установлений. Так, после известного указа 1633/34 г. о запрещении употреблять табак соответствующая статья входит во все указы³³. Конфискованный табак сибирским властям предписывалось публично сжигать на торгу.

Возможно, указ 1620 г., запрещающий кормления и злоупотребления воеводского аппарата, в несколько переработанном и расширенном виде вскоре попал в сибирские указы. Из известных нам указов только в 1625 г. (на Тару) впервые появляется характерная концовка для всех последующих документов подобного рода³⁴. Это – запрет “однолично” воеводам с перечнем их наиболее типичных злоупотреблений и с угрозой быть от царя в опале за нарушение данных статей. Сами эти статьи-запреты занимают немалое место, причем в них отразились именно сибирские условия “корыстной” деятельности воеводской администрации. Ей запрещалось отдавать меха торговым людям для провоза на Русь, покупать и вывозить с собой представителей аборигенного населения (“чтоб си-

бирская земля пространялася, а не пустела”), отсылать за Урал купленных у кочевников лошадей, кабалить местное русское население (“потому что многие кабалы объявляютца у сибирских воевод нарядные, а иные в посулах”). Такие кабальные записи признавались правительством недействительными³⁵.

Одна из основных линий содержания воеводских наказов касается военного состояния сибирских городов. Из всех слоев русского населения Сибири служилые люди являются главным объектом заботы правительства. Сразу после принятия города прибывшему воеводе предписывается выдать жалованье служилым людям, следить за тем, чтобы они не растратили его на “корчемное питье” (хотя воеводы сами зачастую незаконно производили и продавали его) и азартные игры. С середины XVII в. значительное место в наказах уделяется порядку верстания служилых людей в выбылые оклады. Легко заметить, что забота правительства об увеличении землепашества и развитии сибирских посадов была обусловлена необходимостью обеспечить местные гарнизоны хлебом и предметами промышленного производства³⁶. Интересы же самого посадского населения и вопросы развития местных промыслов в наказах никак не отражены.

Отношения между двумя разрядами – Тобольским и Томским – определялись наставлением воеводам “розни некоторые” друг с другом “ни в чем не чинить”. Тобольским воеводам предписывалось отправлять томским властям по их просьбе деньги и хлебные запасы на жалованье служилым людям (причем “наперед дачи” гарнизоном Тобольского разряда)³⁷. Подробная мотивировка этого указания (что города Томского разряда от Москвы “удалели”, а в Тобольск деньги и хлеб можно прислать из Поволжья) нужна была, видимо, специально для спесивых тобольских воевод, которые могли усмотреть в данном распоряжении умаление своего достоинства.

Наказу 1649 г. совершенно идентичны более поздние тобольские указы 1664 и 1678 гг.³⁸ То же самое можно сказать и о наказах второй половины XVII в. уездным воеводам. Как ни странно, Соборное Уложение 1649 г. в наказах практически не отразилось, а сама судебная власть воевод определена в них на редкость кратко и расплывчато. В самых общих выражениях им указывается вершить суд “праведно” и оговаривается процент судебных пошлин. Эта неопределенность (как и некоторые другие расплывчатые формулировки в наказах, вроде указаний действовать “смотря по тамошнему делу”, обращаться с ясным населением “ласкою, а не жесточью”), думается, неслучайна. Центральное правительство, предоставляя таким

образом свободу решений местным властям, всегда имело возможность выступить в роли высшего арбитра и, исходя из конкретной ситуации, поддержать или осудить действия администрации, т.е. обратить неопределенную часть наказов в любую выгодную для себя сторону.

Показательно, что конкретные статьи наказов относятся к финансово-хозяйственной компетенции воевод (еще М.М.Богословский отметил, что “цель воеводского управления по наказам исключительно фискальная”³⁹). Судебно-полицейские права воевод и вопросы, связанные с политическими (в понимании феодального государства) преступлениями в наказах фактически обойдены. Многочисленные конфликты сибирских “миров” с властями и отказы воеводам лишь во второй половине столетия нашли отражение в наказах. Воеводам лаконично предписывается следить за служилыми людьми, чтобы “шатости и заводов и кругов и бунтов и одиначества никакого в русских служилых людях и в иноземцах при них и после их ... не было”⁴⁰.

Постатейное сравнение наказов в Сибирь показывает, что их основное содержание, сложившееся к середине столетия, в дальнейшем изменялось лишь в малой степени. Некоторое оживление в однообразное содержание тобольских наказов внес беспокоивший правительство вопрос об отношении к беглым крестьянам, оказавшимся в Сибири. До конца столетия московская администрация не могла при решении этого вопроса избавиться от колебаний. Еще в 1661 г. тобольскому воеводе И.А.Хилкову был послан указ, запрещающий принимать беглых крестьян. Впервые статья о внимательном опросе беглых людей с Руси и отсылки их в сопровождении приватов обратно встречается в тобольском наказе 1686 г.⁴¹ Сыски 70 – 80-х гг. переселившихся в Сибирь черносошных крестьян Поморья не дали каких-либо значительных результатов (в смысле их возвращения на старые места)⁴². Реальные задачи заселения и хозяйственного освоения Сибири заставили правительство отступить от крепостнического законодательства: в наказе 1697 г. кн. М.И. Черкасскому соответствующая статья наказа 1686 г. в корне изменена. Воеводе указывается после расспроса оставлять пришедших крестьян на тех местах, где они поселились⁴³.

Сложившийся образец наказов деятели Сибирского приказа второй половины столетия изменяли редко и с неохотой. В некоторых случаях новая статья появлялась как конкретное решение по той или иной челобитной; в последующих наказах она уже дословно копировалась. Так, в наказе 1652 г. якутскому воеводе Лодыжен-

кому появляется статья о разрешении служилым людям, отправленным за ясаком, после его сбора менять свои "запасишка" на меха и "уловлять" пушного зверя самим. Эта статья отмечена в Сибирском приказе как исключительная: "А ся статья ... про служилых людей написана для Ленского нового места, иным сибирским городом и служилым людям не в пример и не в образец"⁴⁴. Сам указ, порожденный жалобами служилых людей на "скудность", превратился в последующих якутских наказах в штамп, где даже в конце XVII в. писали о "новом Ленском месте".

С 1690 г. в тобольские наказаы входит специальная статья, посвященная порядку крещения представителей аборигенного населения. Вызвана она была отпиской митрополита Павла, который жаловался на тобольских татар, что они "чинят поругание святой вере" и переманивают новокрещеных из лона христианской церкви⁴⁵. Христианизация сибирских народов в XVII в. ставилась под контроль светских властей. В наказе 1690 г. указывается крестить только тех, кто подаст в местную приказную избу челобитную об этом; само правительство, видимо, с неохотой относилось к фактам перехода аборигенов в православие, ибо новокрещены уменьшали количество ясачного населения (в наказах еще с начала XVII в. их рекомендовалось определять в служилые люди). Конкретное предписание Сибирского приказа в ответ на жалобы тобольских церковников на неуважение местных татар к христианской вере стало копироваться из наказа в наказ: "А тобольским татаром и бухарцом сказати, как бывает в Тобольску шествие со святыми иконами и на Водоосвящение, и в то б время стояли они со страхом вежливо, без шапок, и смехотворения и безчинства никакова не чинили"⁴⁶.

Статья, вписанная в наказ по какому-либо конкретному случаю, могла еще долго переписываться в неизменном виде, особенно если она защищала интересы казны. Так, якутским воеводам постоянно предписывалось контролировать сборщиков ясака, чтобы они не возили с собой "товары многие" и деньги для приобретения мехов. При этом делалась ссылка, что так "наперед сего воровали" енисейские служилые люди атаман И. Галкин, сын боярский П. Ходырев с товарищами, а енисейский восвода "дружа им" не отбирал пушнину в казну и брал с нее только десятинную пошлину. Эта статья-штамп имеется и в наказе 1683 г.⁴⁷, когда со времен описываемого "воровства" служилых людей прошло уже около полувека (И. Галкин объяснял якутский край еще в 30-е гг. столетия). "Упорное" присутствие этой статьи характеризует, с одной сторо-

ны, практику составления наказов, а с другой – неизменность интересов правительства в отношении эксплуатации пушных богатств Сибири.

Использование в Сибирском приказе черновых списков названий в качестве образца приводило порой к появлению явных несообразностей. Например, в 1691 г. березовскому воеводе рекомендовалось "с калмыцкими людьми на Березове задору не всчинать ..."⁴⁸ Эта статья, уместная в наказах тюменскому и тарскому воеводам, переписана здесь довольно неосмысленно.

Содержание наказов в уездные города определялось меньшей компетенцией назначенных в них воевод и расположением этих городов. Однако в целом наказаы сибирским воеводам менее разнообразны, чем это можно было ожидать, учитывая специфику городов, находящихся в неодинаковых географических и хозяйственных условиях. Постатейное сравнение наказов одного года (1691) в Березов, Туринский острог и на Тару показало, что они, за небольшими исключениями, совершенно идентичны по содержанию⁴⁹. В одновременных наказах 1631 г. в Мангазею и Верхотурье различия касаются статей, связанных с хлебопашеством (Мангазея была "непашенным" городом)⁵⁰. Наказаы казачьим и стрелецким головам, отправляемым в "байкальские острожки", тоже составлялись в Сибирском приказе. Немногочисленные пункты таких наказов можно свести к трем задачам: следить за боеспособностью гарнизона, заботиться о сборе ясака и осуществлять судебную власть⁵¹.

Изменение довольно устойчивого стереотипа наказов можно заметить только к концу столетия. Характерные признаки начальной Петровской эпохи видны в наказе 1697 г. в Тобольск. Здесь присутствуют новые статьи о разведывании всякой руды (золота, серебра, меди), о постройке в Тобольске каменных казенных зданий, о сборе денег с крестьян на судовое строение⁵².

В конце XVII в. происходит унификация наказов в Сибирь как определенного вида распорядительных документов. С начала 80-х гг. каждый наказ имеет цифровое деление на статьи. В апреле 1695 г. состоялся известный именной указ, регламентирующий порядок службы сибирских воевод. В указе впервые была сделана попытка выделить специфику разных сибирских городов; Сибирскому приказу предписывалось из прежних наказов и грамот выбрать и составить статьи соответственно для каждого города, отослать эти статьи на места, где их должны были хранить в приказных избах как инструкции для будущих воевод. Исполняя указ, деятели Сибирского приказа не испытывали при составлении этих наказных

Рис.3. Г.Н.Одольский. Портрет И.В.Власова, иркутского и нерчинского воеводы. 1694/95 г.

статей особых затруднений. Традиционное содержание наказов, почти одинаковое для всех городов, было добросовестно перенесено в наказные статьи, предназначенные для отдельных городов⁵³. Из документов подобного рода, составленных после 1695 г., наиболее оригинальны наказные статьи нерчинским воеводам⁵⁴, что, впрочем, вполне понятно. Значительное место в них уделяется отношениям с Цинским Китаем (соблюдение условий Нерчинского договора 1689 г., порядок пропуска в Китай торговых людей, прием послов и т.п.). Таким образом, что бы ни имел в виду указ 1695 г., он только закрепил сложившееся ранее содержание наказов.

Несмотря на свою стереотипность, воеводский наказ для администратора, впервые попавшего в Сибирь, был необходим. Служилые дворяне несколько раз за свою карьеру могли оказаться на воеводствах в самых разных частях государства и в своих действиях ориентировались прежде всего на статьи наказа. В 1635 г. уже известные нам товарищи томского воеводы кн. Егулова-Черкасского Шишкин и Строев обвиняли его в том, что он "приехав в Томской город государеву наказу нам не показывал", держал его "у себя на дворе" и не сделал с него списков, в то время как Шишкину и Строеву "многие статьи не памятли"⁵⁵. Сургутский воевода Л.А.Вельяминов (1683 г.) не пожалел бумаги, чтобы вскоре после своего приезда на место отписать в Москву о точном исполнении стандарт-

ных статей наказа (он принял город у предшественника, пересмотрел состав гарнизона и запасы, изучил состояние городских укреплений и т.д.)⁵⁶.

Подводя итоги, можно сказать, что воеводские указы отражали новую ступень в формировании основ административного права в общегосударственном масштабе. Если уставные грамоты наместнического управления (которые и выдавались не самим правителям, а населению) фиксировали внимание в основном на судебных правах наместников и порядке взимания кормов, то указы в первую очередь подчеркивали исполнительно-распорядительный характер воеводской власти. С завершением образования Русского централизованного государства изменились задачи правительства в отношении местного управления. Главным теперь было не расширение суверенитета и юрисдикции московских князей на территории ранее самостоятельных земель (что отразили грамоты наместнического управления), а организация фискально-хозяйственной деятельности местных органов власти. Задачи фискального характера как раз и выступают в воеводских наказах на первый план. В этом отношении указы близки к уставным земским грамотам середины XVI в., в которых вопросы финансового управления занимают существенное место.

Воеводский наказ — это разновидность правового документа, устанавливающего принципы местного управления, и в то же время должностная инструкция отдельному лицу. Существование общего формуляра наказов для всей территории государства, единые задачи, стоявшие перед воеводским управлением, означали начало унификации административного правотворчества центральной власти. С другой стороны, указы как регулярно издававшиеся инструкции способствовали большему контролю правительства над местным управлением, позволяли при желании оперативно вносить изменения в отдельные его части.

Рассмотрение воеводских наказов в Сибирь позволяет сделать несколько выводов. Эти правительственные инструкции более оригинальны и разнообразны, когда они адресованы воеводам новых городов. С течением времени текст наказов "застывает", новые статьи появляются редко. К собственным наказам часто прилачиваются наказные памяти. Это дополнительные статьи-указы, вызванные к жизни какими-либо недавними событиями в Сибири; по поводу которых в Москву поступили сведения. Именно в наказных памятях отразилось текущее управление Сибирью со стороны центрального учреждения.

Воеводские указы позволяют охарактеризовать главные направления правительственной политики в отношении Сибири. В XVII в. центральная власть сводила управление присоединяемым огромным краем к решению вопросов в первую очередь ясачной политики, затем – обеспечения сибирских гарнизонов служилыми людьми, а последних – жалованьем (деньгами и хлебом). Эксплуатация пушных богатств Сибири – лейтмотив правительственной политики⁵⁷. Подмеченная стереотипность наказов характеризует взгляды московских приказных дельцов: далекая “государева вотчина” видится им как поставщик пушнины; более дробная дифференциация края, а вместе с этим и специфичные методы управления разными частями Сибири в наказах не отражены. Само по себе их почти одинаковое содержание свидетельствует о неизменности интересов правительства в отношении Сибири.

Сравнение содержания наказов за весь XVII в. позволяет сделать вывод, что в них нет материала, который бы свидетельствовал о постепенном укреплении аппарата власти на местах, о появлении у воевод таких полномочий, которых бы они не имели в первой половине столетия. Права сословных групп сибирского населения и взаимоотношения царской администрации с мирскими сообществами отражения в наказах не нашли. Тем неожиданнее выглядит одно из положений апрельского указа 1695 г., по которому копии с рассылаемых по городам наказных статей было велено отдать в земские избы (их, кстати, официально в Сибири не было), а также разослать “земским всякого чина жителям грамоты с прочетом, что им воевод слушать, как в тех статьях написано; а буде который воевода учнет что делать чрез те ему данные статьи, и им его в том не слушать, а посылать к Москве на того воеводу за своими руками челобитные ...”⁵⁸ Таким образом, земские власти утверждались как орган, контролирующий воеводский аппарат, и это не являлось новостью, т.к. в XVII в. “практика привлечения мирских сообществ фактически к контролю над сибирской администрацией ... являлась для центральных правительственных органов средством противостоять коррупции воеводского управления”⁵⁹. Думается, однако, что резкость указа обусловлена не столько сознательным выбором в сторону укрепления сословного представительства, сколько известной неприязнью Петра I к старым порядкам, в данном случае к взяточничеству и некомпетентности приказного аппарата.

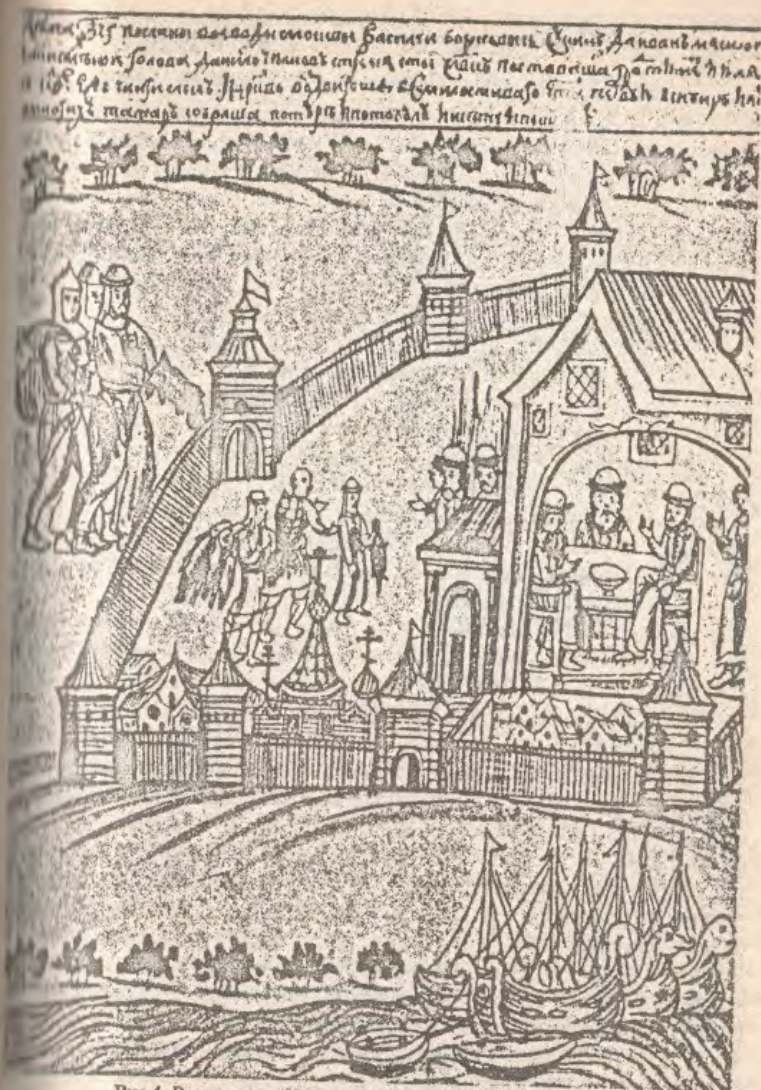

Рис.4. Рисунок из “Истории Сибирской” С.У.Ремезова. Иллюстрирует текст, где говорится об основании Тюмени и сборе ясака. Справа изображены тюменские воеводы В.Б.Сукин и И.Мясной и основатель Тобольска Д.Д.Чулков

2. "Чтоб государеву делу было прибыльнее ..."

Еще С.В.Бахрушин отметил, что "наказы дают далеко не полную и очень бледную схему" реальной деятельности воеводской администрации. Но основную мысль, настойчиво повторяемую в наказах, сибирские воеводы не могли не усвоить – указание исполнять свои функции в соответствии с тем, "как государеву делу прибыльнее", чтобы "впредь та прибыль была прочна и стоятельна". Обеспечение максимальных доходов казны являлось главной целью системы местного управления, и деятельность воевод оценивалась в центре прежде всего с этой фискальной точки зрения.

В специальной литературе благодаря обстоятельному исследованию С.В.Бахрушина наиболее освещена "прибыльная" деятельность двух тобольских воевод – Ю.Я.Сулешева (1623 – 1625 гг.) и П.И.Годунова (1667 – 1669 гг.)⁶⁰. В фонде Сибирского приказа РГАДА содержится материал, характеризующий подобную же деятельность, при естественном различии в масштабах, нескольких десятков сибирских воевод. Безусловно, не все заслуги воевод, обеспечивающие казне прибыль и расписанные в челобитных, соответствовали истинному положению дел. В наказе 1699 г. в Тюмень сделана характерная для языка Петровской эпохи приписка: "... и показать государевой казне прибыль на самом деле, а не на голой бумаге и письме"⁶¹. Тем не менее основные результаты управленческой деятельности воеводской администрации в челобитных о пожаловании отражены верно, что проверяется по другим документам.

Рассмотрение этих любопытных челобитных – своего рода отчетов воевод о правлении – позволяет поместить мероприятия Сулешева и Годунова в определенный контекст, выяснить, насколько оригинальна (или, наоборот, типична) была прибыльная деятельность "двух наиболее талантливых", по выражению С.В.Бахрушина, тобольских администраторов. Реальная деятельность сибирских воевод дает возможность судить о том, как понимали дворяне свои задачи царских администраторов. Награждение воевод за сибирскую службу (как правило, значительное повышение денежных и поместных окладов) ставит вопрос о заинтересованности дворян в добросовестном, с точки зрения правительства, исполнении своих обязанностей, о значении сибирской службы для их дальнейшей служебной карьеры и материальной обеспеченности.

Самые ранние челобитные сибирских воевод с росписью "прибылых дел" и просьбами о пожаловании сохранились от начала второй четверти XVII в. Большую часть необходимой нам документа-

ции предшествующего времени уничтожил московский пожар 1626 г. Однако, благодаря практике Сибирского приказа при рассмотрении каждого нового дела выписывать "на пример" предыдущие пожалования, нам известно несколько таких случаев и для первой четверти столетия. Вскоре после воеводства в Верхотурье (1625 – 1627 гг.) подали совместную челобитную кн. Д.П.Пожарский и его товарищ И.А.Уваров. Рассмотрев прибыли, "учиненные" данными воеводами, в Казанском дворце отметили: "А в прошлом 134 году до пожара, кому именем сибирским воеводам за сибирскую службу и за прибыль дано государева жалованья и того в Казанском дворце не ведомо, потому что сибирских воевод службы ... из Казанского дворца отданы в Розряд, ... и в Розряде те воеводские службы в пожар згорели"⁶². В этих условиях приказ обратился к Казанскому двору, откуда прислали памяти о награждении воевод за предшествующие годы. В них оказались имена тобольских воевод Ю.Я.Сулешева и Ф.К.Плещеева, верхотурских Н.П.Борятинского и М.С. Языкова, сургутских И.Р.Безобразова и Ф.Г.Шишкина, тарских И.Н.Сунбулова и П.Г.Чирикова, туринского С.Д.Апухтина⁶³. Возможно, что этот перечень исчерпывает все случаи награждений сибирских воевод за 1613 – 1626 гг.; по крайней мере, приходно-расходная документация Казанного двора за данное время не содержит каких-либо других имен⁶⁴. В приказе Казанского дворца прибегли даже к опросу оказавшихся в Москве Шишкина и Апухтина. Они были "сысканы" и "про то респрашиваны, что они будучи в Сибири учинили государю прибыли". Шишкин в расспросе сказал, что Безобразов и он в "мягкой рухляди" принесли прибыли на 3942 руб., прибрали в ясак 230 чел. Апухтин прибрал в крестьяне 20 чел., десятичной пашни прибавил 10 дес., обложил ясаком 13 чел. – "а что он, Семен, учинил прибыли в деньгах и хлебе и того он ... не упомнит"⁶⁵.

За сибирскую службу Сулешеву была дана придача в 50 руб. (старый оклад 500 руб.), прибавлено вотчины 524 чети; кроме того, он был награжден "у стола" шубой на соболях ценой в 180 руб. и серебряным кубком в 60 руб.⁶⁶ Товарищ Сулешева Плещеев и все другие воеводы были пожалованы только "у стола", сведений о повышении их поместных и денежных окладов не имеется. Сами эти единовременные награждения из царской казны различались по своей ценности в зависимости от служилого чина и ранга того или иного воеводского места. Награждение Сулешева поэтому нетипично; второй воевода Плещеев получил шубу в 116 руб., кубок в 12 руб. Первые воеводы уездных городов жаловались тоже золочеными кубками и шубами (ценой 110 – 130 руб). Их товарищи, как и един-

ственные воеводы в городах, получали неизменный набор подарков: по серебряному ковшу, 10 аршин материи, 40 соболей (общая их цена не превышала 70 – 80 руб.). Можно предположить, что пожалования у царского стола имели скорее престижное, чем серьезное материальное значение. Для первой четверти XVII в. сведений о денежных и поместных придачах нет, за исключением одного случая. В 1604 г. был пожалован Л.Е.Пушкин: Борис Годунов “велел ему придати за сибирскую службу ... денежного четвертного жалованья к старому его окладу 5 рублев”⁶⁷.

Деятельность воевод разрядных центров и воевод уездных естественно различалась по своим масштабам, что отразилось на объеме документации об их прибыльных делах. Из 20 привлеченных мной таких дел одно из самых обширных относится к тобольским воеводам кн. А.И.Трубецкому и Г.А.Загряжскому (1628 – 1631 гг.), которые по окончании службы подали совместную челобитную⁶⁸. В Казанском дворце подсчитали, что перед прежним воеводой кн. А.А.Хованским денежных доходов и “с тем, что в мягкой рухляди” прибыло 4146 руб., хлеба 323 чети. Не забыли отметить отдельной статьей, что “по сысному делу у тарского подьячего у Посничка Дементьева протаможья взято 1640 пуд. соли”. Отписки Трубецкого за 3 года позволяют конкретно представить, как образовалась итоговая прибыль. Только за год своего пребывания в Тобольске воеводы добавили в государевы житницы “томского выдельного хлеба 890 четей”, т.к. до этого с томских служилых людей, владеющих пашнями, выдельный хлеб не взимался. Легко заметить, что здесь Трубецкой проводил в жизнь реформу Сулешева, касавшуюся обеспечения служилых людей хлебным жалованьем; те из них, кто имели пашню свыше 5 дес., должны были сами выплачивать в казну выдельный хлеб с излишков (10-й сноп). Забота об увеличении хлебных запасов и развитии земледелия в Сибири составляла одну из основных задач местной администрации. Трубецкой и Загряжский отмечали свои успехи в увеличении десятинной пашни: прибрали в нее во всех уездах 63 чел., “на старых крестьян в Верхотурском и Пелымском уезде прибавлено 10 десятин”, в Тобольске на оброчных крестьян наложили посопного хлеба 100 четей.

Другая статья прибыли, которая неизменно интересовала московское правительство, - увеличение количества ясачных людей и собираемой с них “мягкой рухляди”. В этом отношении Трубецкому было что доложить в Москву: в 7 волостях Томского уезда “приискано вновь из захребетников, которые в ясак поспели, 100 человек”, в других уездах были обложены ясаком еще 127 чел. Кро-

ме того, в волостях остяцкого князца М.Алачева было сыскано 200 ясачных людей, которых он утаил с тем, чтобы они платили дань ему. Объясачивание “землиц”, освоение новых территорий тоже было одной из важных статей воеводской прибыли. В 1628/29 г. Трубецкой посылал отряд во главе с тобольским сыном боярским С.Навацким за Енисей вверх по Нижней Тунгуске для “оберегания торговых и промышленных людей”. Навацкий “привел под царскую руку” 200 ясачных людей, взял с них 5 сороков соболей и забрал с собой 6 чел. в качестве аманатов.

Уникальной статьей в прибыльной деятельности Трубецкого и Загряжского по сравнению с другими воеводами является попытка наладить местное железоделательное производство. Они писали в Москву, что “в Верхотурском уезде отыскана железная руда в двух местах и железо с той руды варят”. В 1629/30 г. было выковано чистого железа 63 пуд., из которого сделали 20 затинных пицалей (опробовали их в присутствии самого Трубецкого), два якоря, гвозди и скобы для судового строения. Тобольские воеводы докладывали, что пуд железа “в деле стал по восемь денег с полушкой”, в то время как в прошлых годах железо покупали в Устье Великом и Соликамске по 20 алтын за пуд, а в Тобольске он стоил по рублю и больше. Занимались производством железа 12 чел. во главе с затворщиком Тимошкой, выбранные из невьянских и тагильских крестьянских детей. Они взялись “по своей воле” делать 400 пуд. чистого железа в год, причем не отрываясь от пашни и своих промыслов, в “неделовую пору”. На всех 12 чел. был положен годовой оклад в 40 руб.; т.к. расходы на обеспечение производственного процесса со стороны казны сводились к минимуму, воеводы ожидали прибыли с 400 пуд. 360 руб. в год.

Городовое дело, т.е. строительство или частичное обновление городских и острожных оборонительных укреплений, являлось важным с точки зрения Москвы моментом в деятельности воевод. А.Н.Трубецкой отписывал, что в 1624 г. при Сулешеве в Туринском уезде на Чубарове городище была устроена крестьянская слобода, недалеко от которой кочуют калмыки “околь государевых житниц”. По его распоряжению приказчик слободы М.Харламов построил острог, причем казне эта постройка ничего не стоила – острог ставили крестьяне в “неделовую” пору. В 1630 г. по челобитью ясачных людей Тарского уезда тобольские воеводы построили острожек в устье Ишима и разместили там гарнизон. Городовое дело и в XVII в. продолжало рассматриваться как форма государственной повинности, обязательной для всех категорий податного населения,

а также для служилых людей по прибору. Ко времени воеводства Трубецкого тобольский острог "во многих местах подгнил и повалился", мосты, лестницы и башни пришли в ветхость. Трубецкой велел "поделать" острог всем тобольским жителям, включая приезжих торговых людей и бухарцев, опять-таки не расходуя средств из казны.

В росписи своих заслуг не забыли тобольские воеводы упомянуть посылку служилых людей на "изменников" татар; в результате сражения на Чане-озере последних было убито 108 чел., 23 взято в плен. Как искатели государевой прибыли Трубецкой и Загряжский были, вероятно, не так изобретательны, но не менее настойчивы, чем позднейшие "прибыльщики" Петровского времени. Посылая на Собскую и Обдорскую заставы целовальников для сбора десятинной пошлыны, они заметили, что печатная пошлына не взывается из-за отсутствия государевой печати. Они доложили об этом в Москву, где печати изготовили и прислали в Тобольск.

Еще в Сибири, до подачи челобитной, Трубецкой и Загряжский могли рассчитывать на царское жалованье, т.к. из Москвы к ним были "посланы многие грамоты с похвалой". К сожалению, сведений о награждении данных воевод среди просмотренных документов не сохранилось. Возможно, этих лиц вообще не пожаловали, что связано с любопытным фактом: пожалование Трубецкого состоялось заранее. В 1628 г. вместе с назначением в Тобольск был повышен его денежный оклад (к старым 50 руб. "для сибирской службы" прибавлено 70 руб.)⁶⁹. Вскоре после Тобольска Трубецкой отправился первым воеводой в Астрахань; логичным продолжением его деятельности как администратора, знавшего "восточные" территории, явилось управление Сибирским приказом (1645 – 1662 гг.).

Стремление дворян отличиться на должности городского воеводы особенно заметно для той массы, из которой назначались уездные воеводы, хотя их деятельность протекала в границах меньшей компетенции по сравнению с воеводами разрядными. Умение принести казне прибыль на "худом месте" ставилось себе в заслугу многими из них. Так, нарымский воевода В.Ф.Янов (1622 – 1625 гг.) не без гордости писал в своей челобитной: "А которые, государи, наша братья на вашей государевой службе в сибирских городех были, а прибыли и не столь учинили, и те наша братья вашим ... жалованьем за то пожалованы. А в Нарымском остроге, хотя место невеликое перед сибирскими городами, а прибыли по вашему государскому счастью учинено вдвое перед иными городами"⁷⁰. Через 20 с лишним лет А.С.Нарбеков, воевода в этом же остроге, подчеркивая свою

старательность и радение, оправдывался: "А больше тово прибыли мне ... будучи в Нарымском остроге тебе, государю, никакими мерами учинить было нельзя, потому что местишко во всей Сибири Нарымский острог самое худое и малое"⁷¹.

Пути "приискация" прибыли для большинства сибирских воевод были довольно однообразны; однако акцент в их деятельности сдвигался в зависимости от географического расположения города, особенностей социального состава населения. В.Ф.Янов отличился по трем пунктам: увеличил доходы в ясном сборе более чем на 2000 руб.; прибрал вновь в яск 40 чел.; увеличил размеры десятинной пашни⁷². Туринский воевода И.И.Баклановский (1625 – 1627 гг.) в очень лаконичной челобитной обрисовал свою деятельность так: увеличил доходы в хлебе и деньгах; построил в Туринске храм во имя Спаса; поставил амбары для казенного хлеба, а также гостиный двор (который было указано построить еще в 1621 г.); в версте от Туринска поставил колесчатую мельницу; разгородил пашни крестьян от государевых десятинных полей; изоброчил озера и истоки. В конце челобитной Баклановский подчеркнул, что посулов и поминков ни у кого не брал⁷³. В 1617/18 г. Баклановскому уже была дана придача за службу в посланниках в Данию и Голландию; к 1627 г. он имел 900 четей поместного и 100 руб. денежного оклада⁷⁴, поэтому вряд ли мог ожидать какого-либо значительного их увеличения. За скупыми словами челобитной проглядывает желание Баклановского отличиться и на этой "службе" (пусть недолгой и в малопrestижном месте). И Баклановский, и Янов были пожалованы обычным набором подарков у царского стола.

К 1627 г. относится еще ряд подобных награждений за сибирскую службу. Уже упоминавшиеся верхотурские воеводы Пожарский и Уваров исчисляли свою прибыль в 2154 руб. Они прибрали в крестьяне из гулящих людей 88 чел., оставив после себя в государевых житницах 23 000 четвертей хлеба. Воеводы подчеркнули, что прежде деньги на жалованье служилым людям, ружникам и оброчникам присылались из Казани, они же стали платить из местных доходов; кроме того, 675 руб. верхотурских денег было отпущено на жалованье в другие города Тобольского разряда. Как правило, все воеводы "пашенных городов" заботились о постройке казенных мельниц. Пожарский и Уваров построили их две. В Казанском дворце детально сравнили сведения челобитной с приходно-расходной документацией по Верхотурью (был даже сделан запрос новому воеводе кн. С.Н.Гагарину о достоверности "прибыли" его предшественников). Выяснилось, что за время их воеводства сократились

таможенные и кабацкие доходы, а денежная прибыль с учетом всех расходов составила 500 руб. 22 алтына. Однако, если учесть, что эти деньги остались после раздачи жалованья и дело обошлось без их присылки, то деятельностью данных воевод в Москве могли быть довольны. Вместе с ними жалованье у стола получил и бывший с воеводами подьячий К. Страхов⁷⁵. Возможно, назначение Д.П. Пожарского в 1628 г. первым воеводой в Псков было определенным повышением в его карьере после удачной службы в Сибири.

Спецификой Кузнецка как пограничного города определяет содержание "прибыльной деятельности" его администрации. Воевода Е.И. Баскаков (1623 - 1625 гг.) подал челобитную в 1627 г. Основное ее содержание сводится к описанию военных походов в южные районы Западной Сибири, в результате которых было прибрано в ясак 550 чел. Поскольку по "гражданской" части управления никаких заслуг, видимо, у Баскакова не было, то он счел необходимым отметить сложность службы в недавно поставленном остроге: "Да хотели же не адинова твои государевы служилые люди покинуть острог Кузнецкой для скудости ... и я, холоп твой, уговаривал, чтоб твоему государеву делу порухи не учинилось, и с ними последним своим запасишкам делился"⁷⁶. Большие расходы по сравнению с другими воеводами Баскаков понес и из-за дальности проезда в Кузнецк, что он тоже не забыл отметить. Поместный его оклад с придачей за "можайскую службу" в 1617/18 г. составлял 1000 четвертей, денежный - 49 руб.⁷⁷ В результате ему было дано жалованье "против туринского воеводы Семена Алухтина". Любопытно, что через несколько лет (в 1633 - 1635 гг.) мы видим Баскакова на воеводстве в Пельме, которое закончилось сыском о его злоупотреблениях; его сын был воеводой в Кузнецке в середине столетия.

Буквально по рублям и алтынам собирали "прибыльные" деньги березовские воеводы кн. Л.М. Волконский и И.И. Зубов (1625 - 1627 гг.). В этом северном городе отличиться можно было, лишь выявляя и объясняя представителей аборигенного населения (они прибрали в ясак 107 чел.). Денежную и соболиную казну воеводы увеличили на 1900 руб. Подсчеты в Казанском дворце дают примеры характерных статей увеличения доходов. Березовская администрация учитывала все: "Зерновые заповеди на игрецах взято 2 руб. 4 алтына"; "у березовских служилых людей вынато продажного сытного меду 14 ведр, и тот мед продан, взято за 14 ведр 3 руб. 26 алтын". Березовские воеводы оказались в невыгодных условиях, им пришлось "учинять прибыль" в "непашенном городе", где подавляющее большинство русского населения составляли казаки и

стрельцы⁷⁸. Поэтому отмечался и такой доход: "Отдаваны государевы мелкие суды в наем березовским служилым людям для рыбного промысла, взято 40 алтын"⁷⁹. Видимо, осознавая не особо яркую картину своих прибылей, Волконский и Зубов писали: "А которые ... наша братья были на ... службе в Сибири и те наша братья вашим государским жалованьем пожалована"⁸⁰. В Казанском дворце сочли возможным удовлетворить челобитную Волинского и Зубова, им было дано жалованье "у стола".

Сведений о пожаловании за сибирскую службу за 30-е гг. XVII в. нет. За 40 - 50-е гг. известно 15 таких случаев, причем во всех из них бывшие сибирские воеводы добились значительных придач к денежному и поместному окладам. Ряд придач связан с хорошо известным походом 1641 - 1642 гг. второго тарского воеводы Я.О. Тухачевского в киргизские степи, в результате которого был основан Ачинский острог⁸¹. Как уже говорилось, назначение на Тару ссыльный дворянин Тухачевский получил после 20-летней службы в Сибири. Может быть, он сумел приобрести покровителей среди столичной знати, приехавшей на воеводства в Сибирь (например, он назван первым среди "ушников и горланов", окружавших томского воеводу кн. Егупова-Черкасского)⁸². Сама челобитная Тухачевского о пожаловании за поход не сохранилась. Но выясняется, что к 1642 г. его оклады были довольно высоки - 900 четвертей и 60 руб. Придачи за поход составили еще 100 четвертей и 40 руб.⁸³ Поместный оклад в 1000 четвертей составлял максимум того, что мог иметь служилый человек по отчеству, а денежный оклад в 100 руб. был далеко не у всех стольников.

Получил пожалование и второй томский воевода И.С. Кобыльский, который в 1642 г. сменил Тухачевского в Ачинском остроге и совершил ряд экспедиций против киргизского князца Ишея. К 750 четвертям ему прибавили 150, к 30 руб. - еще 40. Возможно, что это тот самый Иван Кобыльский, который начал службу еще во времена Смуты, и новичный оклад которого в 1610/11 г. составлял 13 руб., а к 1616 г. за "подмосковную и смоленскую службу" возрос до 21 руб.⁸⁴ В таком случае 3 года в Сибири, где была возможность отличиться, позволили Кобыльскому намного увеличить размер своего жалованья. Любопытно, что бывший в эти годы в Томске дьяк Д. Жеребилов по возвращении в Москву также счел возможным просить о пожаловании, апеллируя к награждению его товарища по воеводству Кобыльского (хотя личного участия в походах дьяк не принимал). Уже при Алексее Михайловиче в 1648/49 г. просьба Жере-

билова была удовлетворена: к 700 четвертям ему придали 100, к 80 руб. — 20⁸⁵.

Военные функции воевод выступали на первый план в пограничных городах и острогах Сибири. В других районах более значима была “гражданская” часть управления. Одну из самых высоких причад к жалованью получил енисейский воевода Ф.Б.Полибин (1647 — 1650 гг.). За три года он “учинил прибыль перед прежними воеводами” в ясачной казне и таможенном сборе на 10 000 руб. Полибин выявил среди русского населения Енисейска и уезда половников и захребетников, которые не платили никаких податей. Таких оказалось значительное количество; 56 семей из них воевода “поверстал” в посад, дав им земли под дворы и пашни. Еще 24 семьи он определил в крестьяне, взяв с них поручные записи и отведя земли под собственную и десятинную пашни. Имел “заслуги” Полибин и в присоединении новых ясачных земель. Посланный им на Ангару и Баргузин отряд во главе с сыном боярским И.Галкиным поставил там 2 острожка; за 3 года Галкин и сын боярский В.Коблесников собрали с ясачного населения и прислали в Москву 67 сороков соболей. Полибин проявил инициативу в “прислании” пашенных земель около Братского острога, где он посадил на пашню 3 крестьянских семьи с кузнецом. Воевода показал себя расторопным администратором во время весеннего наводнения в 1649 г. Значительную часть хлеба из житниц он успел вывезти на судах в Спасский монастырь и на “высокие места”. Подмоченный хлеб по его указанию пересушили на солод и продали по 12,5 коп. за пуд. “Прибыль” здесь заключалась в том, что в свое время этот хлеб казна покупала по 7 коп. за пуд. Все это, по мнению Полибина, давало ему основание просить царского пожалования. Ранее его оклады равнялись 550 четвертям и 24 руб. Енисейскую службу Полибина оценили, прибавив к ним еще 300 четвертей и 62 руб. (кроме того, он был у царского стола и получил серебряный кубок, отрез “отласа золотного”, 40 соболей)⁸⁶.

К добросовестным, с точки зрения правительства, представителям администрации, стремившимся отличиться на должности воеводы и обеспечить себе таким образом повышение окладов и дальнейшую служебную карьеру, можно отнести еще ряд лиц. Таков, видимо, стольник И.П.Акинфов, якутский воевода в 1651 — 1653 гг. Он был послан в Якутск расследовать злоупотребления воеводы Д.А.Францбекова, которого и должен был сменить “по челобитью гостей и торговых и промышленных людей”⁸⁷. Как уже упоминалось, Акинфов был обижен “перед своей братьей”, т.е. ему дали мень-

ше подъемных денег, чем предыдущим якутским воеводам (200 руб. и 15 подвод вместо положенных 30). В его челобитной этот факт приобретает определенный оттенок: служба Акинфова оказалась менее убыточной для казны по сравнению с его предшественниками. Подчеркивая свое старание, он сообщает, что добрался до Якутска за одно “лето”. Его деятельность оценили в Москве положительно: к 650 четвертям прибавили 250, к 35 руб. — 50. Не без гордости Акинфов отписывал, что если Францбеков за 2 года “на всякие расходы” истратил более 20 000 руб., то при нем расходы за тот же срок составили 4 150 руб. Одно из средств экономии заключалось в том, что Акинфов покупал хлеб и товары у приезжих торговых людей “уговорной дешевой ценой”; прежде таможенные головы, видимо, по договоренности с воеводами сами устанавливали высокие цены на хлеб с целью получения большей пошлины (высокие цены, в свою очередь, создавали условия для хлебной спекуляции со стороны воеводской администрации). Пуд муки Акинфов покупал по 30 коп. вместо прежней цены по рублю. Он обложил вновь ясаком 127 якутов; в 1651 — 1652 гг. многие из коренных жителей умерли от оспы, воевода положил ясак на имущественных наследников умерших. В 1652 г. он посылал отряд на тунгусов, которые ранее “побили” ясачных сборщиков и забрали собранный ясак. В конце челобитной якутский воевода подчеркивал, что “всякие земские и неправные дела” исполнял по государеву указу, поминки и почести, приносимые ему, отсылал в Москву. Добросовестность Акинфова находит подтверждение в его дальнейшей деятельности. По окончании службы в Якутске он был направлен на место неизвестного Афанасия Пашкова, который готовился к походу в Забайкалье. Принимая у Пашкова город (Енисейск), Акинфов выяснил, что тот присваивал казенные деньги, и потребовал вернуть их. Новый воевода отказался от взяток, предлагаемых Пашковым, заявив: “Так плутать не хочу”⁸⁸.

Правительство, безусловно, должно было ценить тех лиц, которые умели “учинять прибыль”, превосходящую их “корысти”, при этом особо “не жесточа” местное население. Поэтому можно увидеть определенную закономерность в том, что такие лица попадали на воеводство в Сибирь второй или третий раз. В 1647 — 1649 гг. в Березове был воеводой М.С.Лодыженский, на деятельность которого наложила отпечаток специфика этого северного города. Все его прибыли так или иначе связаны с увеличением размеров ясака. Лодыженский собрал недоимки по нему, накопившиеся за 12 лет (более 700 руб.), обложил ясаком вновь 406 чел. Он посылал служилых

людей на "воровскую самую", которая разграбила "на морском разбое" (имеется ввиду мангазейский морской ход) хлебные запасы, а на "Камени" напала на красноярских и нарымских служилых людей, захватив отправленную с ними меховую казну. Походы были успешными, служилые люди вернули захваченные запасы и ясак. Очевидно, для аборигенного населения правление Лодыженского не было легким, но, поскольку жалоб на него в Москву от ясачных людей не поступало, в Сибирском приказе его действия оценили высоко: к старому окладу в 500 четвертей и 18 руб. придали соответственно 250 и 52⁸⁹. Пожалование Лодыженского относится к осени 1650 г., а в мае 1653 г. он прибыл в качестве воеводы в Якутск, что вряд ли можно считать случайностью. Однако добросовестные и бескорыстные администраторы для XVII в. были редкостью. Будучи якутским воеводой, Лодыженский не удержался от традиционной практики лихоимства и насилий, что вскоре "ведомо учинилось великому государю". Сменившему его И.Ф.Голенищеву-Кутузову в наказе специально предписывалось расследовать злоупотребления якутских властей и не отпускать воеводу с дьяком, пока они не возместят материальный ущерб казне и отдельным лицам, подавшим на них челобитные⁹⁰.

Трижды за 25 лет побывал в Сибири уже упоминавшийся Ф.Г.Шишкин. За сургутскую службу он был пожалован "у стола"; в 1633 г. он отправился вторым воеводой в Томск вместе с Егуповым-Черкасским (учитывая, что Томск являлся разрядным центром, это назначение можно считать повышением). В Томске Шишкин, как и дьяк Строев, с первым воеводой не "сработались". Сами причины "розни" между воеводами очень интересны, они показывают два принципиально разных отношения представителей администрации к своим обязанностям, пониманию своих задач и точному исполнению государева наказа.

Кн. Н.И.Егупов-Черкасский принадлежал к кругу столичной аристократии. Службу он начал еще при Василии Шуйском с денежным окладом в 20 руб., после ряда придач его оклад к 1625 г. составил 100 руб., а поместный – 800 четвертей⁹¹. В 20- г. в чине стольника он постоянно встречается среди лиц Государева двора. В 1624 г. он присутствовал на свадьбе царя Михаила Федоровича и Марии Долгорукой; осенью 1631 г. был в числе встречающих голштинского посла; на многочисленных царских обедах кн. Егупов-Черкасский исполнял почетную обязанность – "смотрел в кривой стол"⁹². Причина его назначения томским воеводой неизвестна.

Поместный оклад Шишкина в 1626 г. также был 800 четвертей, денежный – 56 руб., но он не нес службу при дворе.

Уже через полгода после прибытия в Томск Шишкин и Строев подали на первого воеводу совместную челобитную, где обвиняли его в том, что он, нарушив государев указ, их "от дел отбил прочь", ни о каких делах с ними "не говорит и не советует". Шишкин и Строева беспокоит не только то, что Егупов-Черкасский один вершит дела, но и то, что делает он их "не по пригожу", вследствие чего они могут вместе с ним подвергнуться опале. А угроза оказаться под сыском была вполне реальной, т.к. даже с точки зрения челобитчиков первый воевода успел совершить целый ряд крупных злоупотреблений, не соответствующих их представлениям о "радетельной" службе. Он брал с аборигенов "добрые" меха до того, как начинался сбор ясака; занимался неприкрытым грабежом торговых людей; не выдавал без взятки жалованья красноярскому гарнизону; не обновил город и острог в Томске, фактически погубив весь заготовленный лес; верстал за взятки в служилые люди ссыльных донских казаков, которых указано было определить в крестьяне, и т.д. В этой ситуации Шишкину, уже знавшему сибирские условия и, может быть, надевавшемуся отличиться и на этот раз, рассчитывать было не на что. Закономерен его с дьяком вывод: "... и нам, государь, холопом твоим, у твоего ... дела с ним, князь Никитой, в Томском дальнем городе быть не мочно, топерво ... еще мало болши полугода и он тебе ... зделал многую убыль во всем". В феврале 1635 г. глава Казанского дворца боярин Б.М.Львов доложил содержание отписок Шишкина и Строева царю. Последовало распоряжение послать в Томск следственную комиссию в составе тобольского письменного головы А.А.Волохова и местного подьячего (им оказался С.Комаров, как вскоре выяснилось, "зерщик безмерной" и "бразник великой"). В августе 1635 г. произошла смена томской администрации, но Егупов-Черкасский с товарищами были задержаны для проведения сыска, который начался в сентябре после прибытия в город Волохова и Комарова. Егупов-Черкасский не напрасно заявлял своим оппонентам: "Вы де брюжжете и хто де на вашу пустую брюзгу смотрит, а я де дам 1000 рублей и болши, и отложено де у меня против вашей звяги 2000 рублей ..." Еще до приезда Волохова сторонники первого воеводы начали "поить и кормить" служилых людей Томска, чтобы те при повальном обыске дали показания в пользу князя. Его менее состоятельные противники, описывая этот факт, вероятно, немного сгустили краски: "А томские, государь, люди таковы: у кого у нашей братьи вина нет, тех они

поносят и ни во что ставят, а у кого вино есть, тот им друг великой, и того хвалят и во всем волю его творят. А хотя б ... у нас, холопей твоих, было чем поить и кормить, и мы бы ... обыскных людей для живой скаски поить и кормить не стали, потому надежны мы ... во всем на твою государеву милость и на свою правду". Однако сыск, проводимый Волоховым и Комаровым, должен был разочаровать его инициаторов. Со стороны Волохова выявилась "наружная его ко князю Никите во всем дружба". Протоколы очных ставок между Егуповым-Черкасским и Шишкиным, по словам последнего, велись не на одном столбце; речи князя записывались отдельно, чтобы тот "надумався" мог их изменить. Подьячего же Самойлу Комарова Егупов-Черкасский "з зерни ... окупал многожды, платье ему все выкупал, давал за него свои деньги болши 30 рублей" и вдобавок пообещал взятку в 100 руб. В благодарность горе-сыщик носил в дом князя "обыскные речи". Детали окончания "неправедного" сыска нам не известны. Сохранились челобитные Егупова-Черкасского и Шишкина 1636 г., написанные из Тобольска, где противники, настаивая на своей правдивости, просят разрешения на выезд из Сибири⁹³. Федор Григорьевич Шишкин стал "специалистом" по сибирским делам – в 1646 – 1649 гг. он воеводствовал в Туринском остроге.

Излишне доказывать, что воевод, подобных Егупову-Черкасскому, больше радеющих о своей "корысти", чем о пополнении государственной казны, в Сибири XVII в. было достаточно. С другой стороны, в реальной жизни "учинение прибыли" часто задевало интересы конкретных слоев сибирского населения. Оценка "прибыли" (а значит, деятельности администрации) податным населением расходилась с оценкой центрального правительства, олицетворявшего феодальное государство. Один из ярких примеров – деятельность томского воеводы кн. О.И.Щербатого, известного в литературе благодаря восстанию 1648 – 1649 гг., когда сословные миры города "отказали" Щербатому от воеводства⁹⁴. "Отказ" от должности обычно означал такие злоупотребления, "налоги и обиды" по отношению к местному населению, которые выходили за рамки повседневных и к которым в Москве относились далеко не равнодушно, заменяя скомпрометированного воеводу и начиная расследование его деятельности. Перед нами случай, когда правление воеводы вызвало одно из самых сильных волнений в Сибири, однако в Москве оно в итоге получило положительную оценку.

Чтобы верно оценить поступки О.И.Щербатого как администратора, небезынтересно заглянуть в его служилую "биографию".

В скрупулезно выполненной работе Н.Н.Покровского фигура кн. О.И.Щербатого занимает значительное место, выяснено его поведение во время восстания и этапы служилой карьеры после томского воеводства⁹⁵. Обнаруженная мной в РГАДА челобитная самого Щербатого с изложением его "служб" и просьбой о пожаловании (не позднее 1654 г.) дополняет наши сведения о личности, столь заметной в специальной сибиреведческой литературе. Поскольку до сих пор обстоятельства служилой карьеры Щербатого до назначения в Сибирь были исследователям не известны, представляется оправданным привести соответствующую часть челобитной:

<<Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу ... бьет челом холоп твой Оська Щербатой. Служил я ... неверстан блаженные памяти отцу твоему ... Михаилу Федоровичу всея Руси со 123 г. А был я ... на его государеве службе з дядею своим со князем Федором Елецким в Путивле и в Рьльске в 123 г. И как к Рьльску приходил князь Леско Вишневецкой да костянетинской староста с полскими и с литовскими людьми и с черкасы и с порубежными мужиками, пришел под Рьльск 2 острога взяли и те остроги и посады пожгли. А я, холоп твой, для своей скудости жил у дяди своею у князя Федора. А двор его, князь Федоров, был в малом остроге и тот двор полские люди многожды зажигали и милостью божию ... город отстояли и в осаде отсиделись. А как князя Федора Елецкого переменял в Рьльске твой государев боярин и дворецкий князь Алексей Михайлович Львов, и он меня ... в Рьльске видел. И как я ... со князем Федором волокся к Москве, и я, холоп твой, волокся без шубы, немного не умер с стужы.

А в прошлом ... во 125 г. был я ... на твоей государеве службе з братом своим со князем Васильем Щербатым на Белой. И как из-под Смоленска прибежали на Белую твой государев окольничей Михайло Матвеевич Бутурлин да Исак Погожей да дьяк Иван Софонов с твоими государевыми ратными людьми, и после их вскоре пришел под Белую твой государев изменник Ивашко Мещеряинов и под Белую стоял. И я ... з братом своим ... на Белой в осаде сидел по та места, как переменял брата моего, князя Василия, князь Борис Хилков.

Да в прошлом ... во 126 г. я, холоп твой, был з братом же своим со князем Васильем на Костроме. И как шли, повоевав Галицкой и Чухломской и Усолской уезды и галицкие посады пожегши, полковник Плетской с полскими и литовскими людьми и с черкасы и с русскими казаками и пришли под Кострому и стали в селе Селище, и я ... с теми ... людьми ... бился.

А как я, холоп твой, верстан первым окладом, и я ... перед своею братьею оскорблен, учинено мне ... отца твоего ... жалованья поместново окладу 450 четвертей, а денег 14 рублей. А как бог вынес из Литвы деда твоего государева великого государя святейшего Филарета Никитича, патриарха Московского и всея Руси, и он ... меня ... пожаловал: велел меня веривстать к моей братье. И в то время сидел в Розряде думным дьяком ... думной дворянин и печатник Федор Федорович Лихачев. И он, Федор, бывал дяде моему родному князю Михайлу Андреевичу Щербатому свояк, и у дяди моего и у отца моего с ним, Федором, бывала недружба. И он, Федор, мстя недружбу отцу моему и дяде моему и мне ... помеснаво окладу не прибавил ни одной чети, а денег только прибавил 3 рубли. И с того я ... окладу был на многих твоих государевых службах.

Как был на съезде твой государев окольничей князь Василий Петрович Амашуков-Черкасской з товарищи со князем Самойлом Витебским и я ... с ним на том съезде

был, а стояли много время. А как были на твоей государеве службе в Можайске ... бояря князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасской да князь Дмитрий Михайлович Пожарской и я ... с ними был же. А как указал отец твой ... послать на посольство своих государевых бояр боярина Федора Ивановича Шереметева да боярина и двоуречного князя Алексея Михайловича Львова да окольного Степана Матвеевича Простева, и меня ... из Можайска послали на посольство с ними же. И я ... с Федором Ивановичем с товарищи на посольстве был до отходу. А как стоял с Федором Ивановичем ... в Леушеве острожке, и у меня ... литовские люди покрали лошади, а людишка мои, пократчи меня, побежали к поляком к Песеченскому в обоз. А которые клячи и животишка и запасенко было у меня оставлено у брата моего родного у князя Дмитрия Щербатова в Можайске - и то все згорело без остатку. А в то же время на Москве дворнишко и животишка все згорело. А как был на твоей государеве службе на Туле ... боярин князь Яков Куденетович Черкасской, и я ... был с ним же, и без меня ... мое московское дворнишко и животишка згорели. А в прошлом ... во 151 г. был я ... во Миценске полковым воеводишкою с твоими государевыми ратными людьми.

А в прошлом ... во 153 г. послан я ... на твою государеву службу в Сибирь в Томской город, а велено мне ... быть в Томском воеводою, а со мною в товарищах Андрею Молвянинову да дяку Борису Патрекееву. Да мне же указано взять в Тобольске у князя Григория Куракина с товарищи дело Левонтия Плещеева да Ивана Скобельщина с братом его с Федором да с племянником с Савою, да нарымских людей попа Якова з братьею да нарымских казаков ... А велено мне то дело ведать одному, а не дано мне ... к тому делу товарища и ни дяка ни подьячсва. Да Иванов же племянник Скобельщина Сава ... извещал на дяку своею ... и на женоу и на дочерей невместимым делом, да в том же деле он, Сава, сказал в посулах на князя Григория Куракин ... с товарищи и на иных на многих в разных делах: И я ... живот свой мучил, над тем делом сидел целой год. А как от тово дела свободился, и я ... почал сидеть в съезжей избе ... >>⁹⁶

Оклад в 17 руб. сохранялся за Щербатым и к моменту назначения в Томск, т.е. свыше 20 лет. Вероятно, Щербатый сам напросился на это назначение, желая отличиться и поправить свои материальные дела. Как воевода, всерьез взявшийся "учинять прибыль" и проявивший деловую инициативу, он далеко не был "типичной фигурой сибирского администратора"⁹⁷. Конечно, он являлся далеко не безгрешным правителем (отправлял за Урал лошадей, торговал "заповедными" товарами); но его энергичная, положительная с точки зрения Сибирского приказа деятельность перекрыла в Москве его злоупотребления. Одна из заслуг Щербатого - быстрая постройка (фактически заново) укреплений Томска. История с обновлением томских городских укреплений тянулась долго. Еще в 1632 г. кн. И.Ф.Татев отписывал об их плохом состоянии. В этом же году ему прислали из Казани "на строение" 760 руб., он собирался начать работы, однако "розвята, города не делали, потому что де против челобитья томских всяких людей писано к государю к Москве"⁹⁸. В 1633 г. к Егупову-Черкасскому была послана грамота - делать город и острог не отписываясь в Москву. Из челобитной

Шишкина и Строева узнаем, что "он, князь Никита, за то городовое дело и не принимался", а на упреки своих товарищей отвечал: "До нас де люди были да не сделали, а я де со всеми людьми з городом не хочу остужатца"⁹⁹. Таким образом, при двух томских воеводах препятствием к исполнению царского указа являлось сопротивление всего "мира" нелегкой городской повинности. К 1646 г. старый город "до остатку сгнил и развалился". Новый воевода не побоялся "остудиться" с жителями Томска. Вместо городской повинности Щербатый взял со служилых людей деньги (вычтя их из жалованья), с посадских стал собирать второй годовой оброк, а крестьян заставлял платить с десятины государевой пашни по 92 коп. На эти средства он подрядил плотников. Истратив собственно казенных денег 721 руб., Щербатый закончил работы (разумеется, в этом он видел исключительно свою заслугу) в начале 1648 г., "в малые недели, кроме тех ден, что мешал делать воровством своим Илья Бунаков". Чтобы произвести впечатление в Сибирском приказе, воевода писал: "... и такова, государь, города образцом в Сибири ... нет"¹⁰⁰.

Щербатый, побывав на государевых десятинных пашнях, выяснил, что они отмерены не по стандарту (в первой половине столетия десятина преимущественно равнялась 2400 кв.саженям, со второй половины - 2800 и 3200 кв.саженям¹⁰¹). Десятина на осмотренных Щербатым полях оказалась равной 1800 кв.саженям, поэтому воевода увеличил ее до 3200¹⁰². Таким образом государева пашня увеличилась на 21 дес., что, естественно, вызвало недовольство и жалобы крестьян. Сам Щербатый писал, что "устроил ... государеву пашню перед прежнею прибыльнее втрое и болши сена косить ... крестьяне стали при мне, а прежде сего не кашивали"¹⁰³. Жаловались крестьяне и на работы, связанные с постройкой мельниц, от которых воевода ожидал "прибыль большую". Он построил 2 мельницы "малой казною" и опять-таки не забыл приписать, что "таким, государь, строем мелниц и во всей Сибири нет".

Челобитные всех сословных миров Томска рисуют довольно яркую картину чисто феодальных притеснений и грабежей со стороны Щербатого. Но центральному правительству было важно другое. При всех своих "неправдах" воевода увеличил местную казну на 2071 руб. В эпоху нарастания абсолютистских черт государственного правления фигура кн. О.И.Щербатого как администратора весьма симптоматична. Правительству нужны были исполнители, умеющие не церемониться с представлениями мирских организаций о своих правах и роли в социальной структуре общества, энергично (и при необходимости жестоко по отношению к тягловому населению)

действующие во имя государева интереса. Пожалование имело для Щербатого не только материальное, но и престижное значение. Он просит приверстать его “к своей братье”, “чтоб в вечном позоре и безчестье не быть и по смерти сынишку моему в вечном же позоре не быть”. Следствие по поводу томских событий задержало его награждение. Князь Осип был пожалован весной 1654 г. “за городовое дело и за прибыль” - к окладам в 450 четвертей и 17 руб. прибавили соответственно 250 и 38¹⁰⁴.

При подобных же обстоятельствах был награжден тюменский воевода И.Т.Веригин (1652 – 1654 гг.), на которого “учинилось челобитье государю от всего Тюменского города, и по челобитью Ивану Веригину отказано”¹⁰⁵. Недовольство тюменских жителей Веригин вызвал своей активной строительной деятельностью, которая и составляла основную часть его заслуг. За острогом по его приказанию поставили двойные надолбы (“для приходу калмыков”). Веригин занялся благоустройством Тюмени: сделал в городе деревянные мостовые, подновил мельницу и квасные повárни, “устроил” бани; за Турой, где жили юртовские татары и бухарцы, возник новый острог¹⁰⁶. Как и в других сибирских городах, работы осуществлялись “всякими разных чинов людьми”. Городовая повинность, наложенная на все сословные группы города, видимо, способствовала их сближению и разработке единого плана выступления против воеводы. Веригин был смнен по государеву указу, его место в феврале 1654 г. занял срочно присланный из Тобольска письменный голова Елдезин (которому, впрочем, тюменские служилые люди и примкнувшие к ним крестьяне и посадские тоже отказали от воеводства). Награждение смещенного Веригина состоялось довольно быстро, уже в мае 1654 г. Помимо городского строения за ним числилось увеличение местной казны на 520 руб. и количества ясачных на 70 чел. Цель, из-за которой он добивался, как мы помним, назначения в Сибирь, была достигнута; оклад Веригина повысился с 800 четвертей и 32 руб. до 950 четвертей и 57 руб.¹⁰⁷

Более стойким, чем Веригин (который сам был вынужден просить переменить его с воеводства), оказался нарымский воевода А.С.Нарбеков (1647 – 1649 гг.), вошедший в конфликт с ясачным населением и служилыми людьми. Дело дошло до того, что служилые люди отказывали Нарбекову от должности, однако он “не убоясь их воровского заводу и умыслу и смертного убойства, их воровского отказу не послушал и у государева дела был до перемены”¹⁰⁸. Попавший по окончании срока воеводства под розыск, возникший в результате его же отписок о “воровских речах” сибирских

казаков, Нарбеков “мимо своей правды сидел за приставом и живот свой мучил многое время”. Тем больше прав, с его точки зрения, он имел на вознаграждение, о котором Нарбеков и просил по возвращении в Москву. Содержание его челобитной посвящено больше объяснениям, почему итоговые доходы его правления оказались невелики, чем росписи самой полученной прибыли¹⁰⁹.

Он указывает, что служил два года, собрал недоборы по ясаку, оставшиеся от прежних воевод, увеличил местную пашню на 50 дес. Принести доход в денежной казне Нарбеков не мог, так как местную таможенную ему было указано не ведать, к тому же она вообще была перемещена в Сургут. Оказавшись в “местишке самом худом и малом”, Нарбеков в поисках прибыли ничего нового придумать не мог, кроме как заняться выявлением ясачных людей, еще не положенных в оклад. Но и в этом ему не повезло. Ясачные люди подали в съезжую избе челобитную, где напоминали, что еще при Михаиле Федоровиче им была выдана грамота, по которой местным властям запрещалось “приискание” среди ясачного населения тех, на кого можно было положить ясак. Воспользовавшись конфликтом воеводы со служилыми людьми, ясачные “по многие дни” приходили к съезжей избе, добиваясь признания со стороны Нарбекова их правоты, основанной на существовании царской грамоты. Волнения среди нарымского гарнизона создали для воеводы неприятную ситуацию, которая, продолжай он упорствовать в отношении ясачных людей, грозила вылиться в “измену” со стороны последних. В большом скоплении ясачных Нарбеков увидел даже опасность для существования острога. В челобитной он отметил, что в Нарыме казаков, пушкарей и русских “жилецких людей” всего 42 чел., а ясачных в уезде – 238 чел. В условиях конфликта с гарнизоном Нарбекову не оставалось ничего другого, как уступить. Соответствующая грамота, датируемая декабрем 1644 г., действительно нашлась в местном архиве. В ней указывалось прибирать в ясак только на выбылые места родственников умерших, увеличивать же количество ясачных запрещалось. Данную статью “прибыли” Нарбекову пришлось оставить, “а землиц, – писал он, – к Нарымскому уезду никаких не прилегло, поиску было ... учинить не на чем”. Обрисовав свою старательность Нарбеков во второй челобитной о пожаловании привел еще один аргумент: “Челобитья на меня ... тебе, государю, тутошних нарымских служилых, ясачных и проезжих всяких чинов людей в обидах и в насильствах и в продажах ... не было”. Здесь же, пытаясь извлечь максимум пользы для себя из сибирских волнений 1648 – 1649 гг., он решительно заявлял: “А только б, госу-

дарь, по моим отпискам в Сибири ... сыску б и воров наказанья не учинили, а иных бы воров заотчиков сюды к Москве не прислал, и в Сибири бы ... дошло бы до большого дурна, а кроме, государь, меня ... из Сибири об воровском заводе к тебе ... ни ис которово города воеводы ништо не писывали, бояся смертного убойства"¹¹⁰.

Таким образом, фискальные заслуги воеводства Нарбекова сводились к минимуму. Но в Москве оценили его стойкое поведение в условиях "отказа" со стороны гарнизона и доносы о распространении "воровских вестей". В марте 1651 г. вместе с получением царских подарков его оклады увеличились с 650 до 850 четвертей и с 70 до 110 руб.¹¹¹

Мотивировка просьб воевод о пожалованиях по окончании службы, как ни странно, бывала совершенно той же, что и в челобитных о назначении на место воеводы. Красноярский воевода П.А. Протасьев, ожидая пожалования, заканчивал свою челобитную словами: "А будучи на твоей государевой службе, испроелся и одолжал великим долгом, а на Москве ... от воров я ... разорен без остатку"¹¹². Он просил пожаловать "за службишку и за работу", которые выражались в обычных для сибирских воевод видах деятельности. Стараниями Протасьева под Красноярск вернулись 29 качинских татар, ранее бежавших в киргизские степи; в отличие от Нарбекова ему никто не мешал выявить 200 захребетников среди ясачных и увеличить пушной сбор на 2000 руб. в год. Его мероприятия по увеличению десятинной пашни уже отметил С.В.Бахрушин¹¹³. По словам Протасьева, по его инициативе были построены две деревни, в которые он привлек 36 крестьян; отставных казаков он сделал посадскими людьми и поверстал в денежный оброк. По всей видимости, некоторые "заслуги" Протасьева относились к числу тех, которые существуют только "на голой бумаге". Хорошо известно, например, что количество посадских в Красноярске было вплоть до конца XVII в. крайне невелико. Тем не менее Сибирский приказ вполне устраивали результаты правления Протасьева (за три года денежная казна Красноярска увеличилась на 335 руб.). Его оклады были повышены на 250 четвертей и 35 руб. (старые 550 и 25)¹¹⁴.

В основном "приисканием" новых ясачных людей отличился березовский воевода Я.Н.Лихарев (1649 – 1652 гг.). Челобитная Лихарева интересна тем, что он включил в нее свои заслуги по предыдущей службе, когда в 1645 - 1648 гг. был воеводой в Курмыше. В Сибирском приказе, запросив соответствующую справку из Казанского дворца, учли и эту службу Лихарева; придачи к его окладам составили 150 четвертей и 30 руб.¹¹⁵

Возникает вопрос, из каких побуждений дворяне стремились попасть на место воеводы: чтобы "покориться", развить в Сибири предпринимательскую деятельность, скопить путем всяческих спекуляций деньги, меха и вывезти их обратно за Урал или же отличиться в глазах правительства и обеспечить себе повышение денежных и поместных окладов? Думается, что для большинства сибирских воевод было идеалом сочетание того и другого. Их грабежи и "неправды" давно и ярко описываются в исторической литературе. Суммы, накопленные ими в Сибири, достигали иногда огромных размеров. Однако необходимо учитывать, что приобретенное имущество и деньги было совсем не просто вывезти из Сибири. Якутскому воеводе Голенищеву-Кутузову его агент в частном письме сообщал из Енисейска: "А на Верхотурье сидит воеводством Иван Яковлевич Колтовской, он же и обыщиком. И воеводам провесть к Русе платья и денег не дадут, обыскивают накрепко. Из Енисейска с воеводства ехал ... Иван Ржевской да с Красного Яру Андрей Веригин и их на Верхотурье ... Иван Колтовской нажитки их все обрал и платье, и провесть не дал ничево"¹¹⁶. Возвращавшегося в Москву воеводу М.О.Кровкова таможенные головы в Сибири проверяли одиннадцать раз, а когда он подъезжал к Верхотурью, таможенный голова И.Соколов выслал ему навстречу целовальников и служилых людей за 60 верст. Его "поезд" вели под караулом до самого города, где подвергли тщательному осмотру, вскрыв даже гроб с телом жены¹¹⁷. Понятно, что воеводы и дьяки разрядных центров имели больше возможностей для незаконного приобретения имущества и денег (к тому же благодаря большей близости к столичным верхам им это легче сходило с рук). Показательно, что тот же Колтовской конфисковал у вдовы томского воеводы Авдотьи Бутурлиной большое количество мехов и меховой одежды на сумму 1170 руб.; у красноярского же воеводы Г.П.Никитина он забрал в казну мехов на 120 руб., у кузнецкого И.Р.Кокоскина – всего на 23 руб.¹¹⁸

Придачи к окладам имели, несомненно, большее значение для мелко- и среднепоместных дворян, из которых рекрутировались уездные воеводы. В августе 1645 г. был пожалован за службу в Тюмени (1639 – 1643 гг.) кн. Г.П.Борятинский (старый оклад 700 четвертей и 32 руб., придача 200 четвертей и 38 руб.). Он просил о пожаловании еще при Михаиле Федоровиче, а после его смерти подал челобитную новому царю. Борятинский торопился, так как отправлялся воеводой в Новгород. Характерный конец челобитной объясняет, что значила для Борятинского придача к жалованью: "...чтобы я, колоп твой, на старости лет вконец не погинул и перед своей бра-

тью позорен не был и твою бы государскую службу с радостью служил"¹¹⁹. Показательно, что даже якутские воеводы, прославившиеся своим стяжательством, после воеводства стремились получить придачи к окладам. К.О.Супонев (1646 – 1649 гг.), товарищ умершего в Сибири якутского воеводы В.Н.Пушкина, получил придачу в 250 четвертей и увеличил свой денежный оклад в два раза, хотя особых заслуг за ним не водилось¹²⁰. Выше уже упоминалась челобитная М.О.Кровкова с просьбой вернуть взятое в Сибирский приказ имущество; значительная ее часть описывает его деятельность в качестве якутского воеводы. Кровков якобы в "казне и в мягкой рухляде и в хлебной покупке и во всяких подрядах и зборах собрал и прибыли учинил на 100 на 60 тысяч рублей и болше". Благодаря энергии Кровкова Якутский острог был во многом перестроен заново, в нем появились казенные постройки, которых не было со времен первого воеводы П.П.Головина¹²¹.

Поскольку основные задачи, поставленные перед воеводской администрацией в наказах, не менялись до конца столетия, постольку не изменялись и ее взгляды на содержание своей управленческой деятельности. Традиционными поисками прибыли занимался и верхотурский воевода Ф.Г.Хрущев (1669 – 1676 гг.), челобитная которого – пока самая поздняя из известных документов подобного рода. Решение по этой челобитной не известно, но, если верить ее содержанию, оно должно было быть положительным. При Хрущеве увеличилось податное население уезда: крестьян – на 164 чел., посадских – на 121, ясачных – на 160 чел. Были построены две слободы – Аятская и Красноярская; государевой пашни прибавилось на 43 дес. "Городовое дело" тоже не миновало воеводу. В 1674 г. после пожара "в малое время" город отстроился. Живя в Верхотурье и Тобольске (где он временно был воеводой) "бескорыстно", Хрущев упорно добивался пожалования, успев неоднократно "бить челом" еще Алексею Михайловичу¹²².

Тщательный учет доходов, которые он принес государству за 26 лет административной службы, вел Ф.Р.Качанов, составивший свой личный документальный архив. Итоговую прибыль своей деятельности Качанов оценил в 386 112 руб. Судьба этого человека неординарна. Родившись в семье опального и сосланного в Томск новгородского помещика, Федор Родионович начал службу в чине сына боярского, а в начале XVIII в. стал заметным сибирским администратором. В 1691 – 1717 гг. он неоднократно был сыщиком в разных сибирских городах, занимал воеводские должности в Илимске и Нерчинске. Используя таланты и честность Качанова, правитель-

ство Петра I было не слишком щедрым на награды. За илимское воеводство он удостоился царской похвалы и награждения в 100 руб. За нерчинскую службу (1709 – 1714 гг.) "за многое радение" Качанов был пожалован серебряным кубком и чином стольника¹²³. Возможно, по мнению царя, чин стольника (который "доживал" свои последние дни) являлся достаточной наградой для провинциального администратора, чья жизнь принадлежала в основном минувшему веку.

Конечно, не для всех дворян придача к окладам и воеводство в Сибири как средство достижения этого имели какое-либо серьезное значение. Особенно это относится к представителям столичной знати. Выше уже говорилось о пренебрежении своими обязанностями кн. Егуповым-Черкасским и почти неприкрытом нарушении им статей наказов. В "радетельной" службе ради улучшения материального положения он, очевидно, не нуждался. Видимо, аналогичным образом относился к своим обязанностям тобольский воевода боярин кн. П.С.Прозоровский (1684 – 1686 г.), деятельностью которого в Сибирском приказе были недовольны. В частности, он не присылал в Москву отчетной финансовой документации и не отписывал об исполнении указов, изложенных в специальных грамотах¹²⁴.

***

Выполняя задачи фискальной политики правительства, представители сибирской администрации любыми способами старались увеличить поступления с русского и аборигенного населения и одновременно экономить средства из государственной казны. Условия колонизируемой Сибири предоставляли широкие возможности "учинять прибыль" чисто, если можно так выразиться, экстенсивным путем: включать в состав Русского государства новые территории и объясачивать их население, выявлять на освоенных землях еще не учтенных ясачных людей; увеличивать число крестьян, обязанных работать на десятинной пашне; "строить" посад. Далеко не все прибыли администрации оказывались "прочны и стоятельны" (например, мероприятия П.И.Годунова по сокращению денежного жалования служилым людям изначально были нежизнеспособными).

В контексте рассмотренной "прибыльной" деятельности сибирских воевод финансовые мероприятия Ю.Я.Сулешева не кажутся порождением его какого-то исключительного таланта администратора; просто на начальном этапе освоения края он, обладая известными полномочиями, успел сделать то, к чему закономерно подвела вся политика по управлению Сибирью. Замыслы П.И.Году-

нова обладали более широким размахом, но и в его "реформах" красной нитью проходит стремление "учинить прибыль" вполне традиционными способами – за счет дополнительного обложения податного населения, увеличения государственной десятинной пашни и экономии средств из местной казны.

Сибирские условия создавали более выгодные ситуации, чтобы отличаться на посту администратора, чем, скажем, служба во внутренних уездах европейской части России. Заинтересованная в повышении денежных и поместных окладов, значительная часть воеводской администрации едет в Сибирь с намерением своей "прибыльной" службой добиться этого повышения. Некоторые лица (в основном уездные воеводы), зарекомендовавшие себя перед правительством меньшим корыстолюбием и грабежом населения, получали возможность воеводствовать в Сибири по несколько раз, что, впрочем, совсем не является показателем их абсолютной честности и бескорыстия.

Оценивая задачи воеводского управления, А.Д.Градовский отметил, что "воевода имеет все средства ... для удовлетворения государственных нужд и почти бессилен для служения местным интересам, для удовлетворения нуждам местности и частных лиц"¹²⁵. Другими словами, "прибыльная" деятельность воеводской администрации во имя государева дела не могла не стеснять хозяйственные и сословные интересы различных групп населения, что часто приводило мирские сообщества к выступлениям против конкретных представителей этой администрации.

3. Воеводский суд

Сибирь XVII в. была лишена того разнообразия местных судебных инстанций, которое наблюдалось на основной территории страны. Там как наследие предыдущего столетия продолжали существовать губные учреждения (в уездах с дворянским землевладением), а в некоторых районах чернососного Поморья – волостные земские суды. Общей тенденцией развития этих органов в XVII в. была утрата ими самостоятельного значения, при возрастающей концентрации судебно-полицейских функций в воеводских приказах избах¹²⁶.

Для Сибири можно выделить две инстанции местного светского суда. Судебными полномочиями, помимо воеводской администрации, в ограниченном объеме обладали подчиненные ей приказчики острогов и слобод. Собственно воеводский суд можно было бы

попытаться разделить на уездный и разрядный, но соотношение судебной компетенции уездных и разрядных властей как раз и требует выяснения.

Параллельно со светским судом воевод после 1621 г. (образования архиепископской кафедры в Тобольске) в Сибири устанавливается и система церковного суда. Еще до приезда первого архиепископа Киприана, в марте 1621 г., тобольские воеводы получили царскую грамоту с предписанием соблюдать разграничение сфер светского и церковного суда: "... А которые тобольские и иных сибирских городов попы в бесчинстве и всяких чинов люди в духовных делах будут ему непослушны, и вы бы на тех попов и на мирских... людей в духовных делах давали ему приставов и велели тех попов и мирских людей отвести к архиепископу Киприану... А сами б есте ни в какие духовные дела не вступались, духовные всякие дела ведает архиепискуп". В царском наказе второму сибирскому архиепископу Макарию (февраль 1625 г.) снова подчеркивается обязанность архиерея судить церковных и мирских людей в духовных делах, а тобольскому воеводе кн. Д.Т.Трубецкому "в то не вступаться"¹²⁷. Подобный запрет вмешиваться в суд по духовным делам подтверждался и позднее, например, в грамоте 1651 г. тобольским воеводам, которая являлась ответом на челобитье архиепископа Симеона¹²⁸. В то же время во многих случаях при проведении следствия, вынесении и тем более осуществлении судебного приговора духовные власти не могли обойтись без аппарата воеводского суда. О необходимости взаимодействия церковного и светского судов говорит царская грамота 1622 г. архиепископу Киприану: "А которые люди в духовных делах дойдут какова наказанья, и ты б их велел смирят по правилу святых отец... А будет которые люди в духовных делах учнут быть непослушны, а дойдут до большого наказанья, и ты б их отсылал к боярину нашему и воеводам Матвею Михайловичу Годунову с товарищи. И велел тем людям... чинити наказанье смотря по их винам. А в городех десятильником своим по тому ж велел тех людей приводити к воеводам"¹²⁹.

"Духовные дела", подлежащие рассмотрению сибирским архиереем и десятильниками (представителями Софийского дома в церковных округах-диоцезах), квалифицировались как таковые на основе двух принципов: по составу преступлений и по ведомственной судебной принадлежности конкретных лиц. Традиционно к юрисдикции церковного суда относились "дела о богохульстве, вероотступничестве; колдовстве, оскорблении духовного сана, "блудном воровстве", разных сексуальных извращениях... Кроме того, цер-

ковный суд почти по всем уголовным и гражданским делам распространялся на лиц, непосредственно подчиненных церковному управлению...¹³⁰ В процессе расследования дела, попавшие в органы церковного суда, дифференцировались. Одни так и не выходили за его рамки, если приговор мог ограничиться чисто церковным наказанием (разных видов покаяние, монастырское "смирение"). Серьезные преступления уголовного характера и по вопросам веры требовали для виновных "большого наказания" (часто – смертной казни), что уже не принадлежало духовному суду; определили степень необходимой меры наказания, церковь передавала такие дела светскому суду. Очевидно, что представители церковной судебной власти должны были знать не только "правила святых отец", но и разбираться в действующих нормах уголовного и гражданского законодательства (в этой связи можно отметить, что в 1636 г. в библиотеке Софийского дома имела книга, содержащая Стоглав и Судебник 1550 г.¹³¹).

Функционирование церковного суда в Сибири и взаимоотношения его представителей со светскими властями на протяжении XVII в. – тема малоисследованная¹³². Нет сомнений, что подсудность конкретных дел, в силу самых разных обстоятельств, являлась объектом споров и источником конфликтов между органами церковного и воеводского суда. Уже в 1621 г. имело место подобное столкновение на самом "высшем уровне" – между главным тобольским воеводой М.М.Годуновым и архиепископом Киприаном. К последнему обратилась "женочка" М.Павлова с жалобой на стрельца С.Филиппова "в насильстве и нарядном деле"¹³³. К суду архиепископа стрелец не явился; оказалось, ему покровительствовал воевода Годунов, который взялся разбирать дело у себя в съезжей избе. В результате к Киприану был послан сын боярский В.Тырков с известием, что на очной ставке перед воеводой Марфутка Павлова якобы повинилась и заявила, что желает и далее жить у Филиппова. Архиепископ, однако, не уступил. Через Тыркова он передал воеводе, что тот не имеет права "вступаться" в духовные дела, и добился вершения своего суда, по приговору которого "та женка" была от стрельца "свобождена на волю"¹³⁴.

В 1628 г. Софийского дома сын боярский Б.Матвеев, бывший церковным десятильником в Енисейске, пытался обвинить местного воеводу В.А.Аргамакова в серьезном преступлении – что тот "государится". Подьячему съезжей избы Е.Квашнину он поведал, что воевода намерен посадить его, десятильника, в воду, и просил защиты. Свидетели слышали слова Матвеева: "Василью де Арга-

макову Енисейский острог не в вотчину дан, в Енисейском де остроге будет ему не царить". Мысль эта, как видно, не давала десятильнику покоя. Будучи на "пивной братчине" и сильно напившись, он заявил, что "Василей Аргамаков еретик и изменник, продаст тунгуским людем сабли и пансыри, а в церкви устроил себе по царски место и ставитца по царски". После этого Матвеев отправился в съезжую избу, где в доказательство своей правоты "драл на себе платье и бил себя по щекам", не забыв высказаться и на любимую тему: ненавистный ему Аргамаков "сидит в съезжей избе по конец стола, называется государем". В 1629 г. в Тобольске проводился розыск по этому делу. Воевода был оправдан, так как Матвеев с пытки заявил, что государево дело затеял на Аргамакова "по недружбе", поскольку тот начал вмешиваться в духовные дела¹³⁵.

Вплоть до конца столетия церковный суд в сибирских духовных приказах осуществлялся десятильниками – светскими приказными лицами тобольского архиерейского дома (в конце века патриарх Адриан вынужден был предписать сибирскому митрополиту Игнатию не назначать на эту должность "людей мирского чина"). Нравственный облик этих "судей" по духовным делам вряд ли мог служить для мирян христианским образцом. В июле 1683 г. в Якутске десятильнику сыну боярскому Д.Осееву бил челом местный "запечной мастер" В.Кычкин о разводе с женой. Последняя 4 месяца назад была поймана "в блудном деле" с казаком Антоновым и приведена в приказную избу. По челобитью обманутого мужа и по приговору (не совсем ясно кого – воеводы или десятильника) оба виновных получили наказание кнутом. Выяснив нежелание обеих сторон находиться в браке, Осеев выдал им память о временном разводе; окончательное решение дела оставалось за митрополитом Павлом¹³⁶. В следующем, 1684 г., воеводе поступил донос на самого Осеева в том, что он "живет блудно" с женой подьячего И.Анкидинова. Нашедшиеся свидетели, надо думать, не без злорадства подтвердили этот факт. Осеев и Марья Анкидинова были отданы на поруки, так как меру наказания им теперь мог определить только митрополит¹³⁷. Своеобразным, но отнюдь не неожиданным итогом деятельности носителей духовного меча явились в конце века злоупотребления западносибирских десятильников, сопровождаемые таким цинизмом, алчностью и издевательствами по отношению к обвиняемым, которые поразили даже много знавшее руководство Сибирского приказа: "И о том наипаче нам, великому государю, дивно, что те десятильники, которые посыланы для исправления и

надзирания всякого благочиния, сами такие разные бесчинства и злодейства своим единовверным братьям содевали”¹³⁸.

Судебная компетенция низшей приказной администрации в уездах – приказчиков, крестьянских слободчиков – в кратком виде определялась наказными памятями, выдававшимися из воеводских изб. Наказ 1670 г. верхотурского воеводы Ф.Г.Хрущева крестьянскому ясатчику Я.Борисову, который взялся “строить новую слободу”, разрешал ему осуществлять суд по гражданским искам на сумму не более 5 руб. - “а которые люди объявятца в отраве, или у кого в судных делах учинитца спор, и ему... тех судных дел вершить не мочно, и те... дела и пенных людей присылать на Верхотурье”¹³⁹. Более широкой компетенцией обладали приказчики из детей боярских, назначаемые в уже существующие слободы. В этом же году Ф.Г.Хрущев выдал наказную память А.Лабутину, отправленному в Чусовскую слободу. Ему предоставлялось право судить беломестных казаков и крестьян по их челобитным в исках до 10 руб., исключая серьезные уголовные преступления – “разбойные, убийственные и татины дела”. Судебная власть приказчика не распространялась на ясачное население. Указывался обычный размер пошлин с судных дел: “с рубля по гривне, а пересуду и правого десятка по 7 алтын и 2 деньги”¹⁴⁰. С кабальных дел взималась пошлина в 15 копеек. Все пошлины должны были записываться в особые книги, которые раз в год приказчик вместе с деньгами отсылал в воеводскую избу. В обязанности приказчика входил и полицейский надзор за жизнью крестьян¹⁴¹. В качестве мер наказания приказчики имели право применять штрафы, телесное наказание и заключение в тюрьму¹⁴² (стоит заметить, что присутственное место, где приказчик отправлял свои административные функции, называлось судной избой; ее делопроизводством ведал обычно один дьячок).

Воеводы старались контролировать судебную деятельность приказчиков. Тот же Ф.Г.Хрущев внес “гуманную” коррективу в тюремное содержание ирбитских крестьян, которых, как ему стало известно, местный приказной Ф.Каменский держал “за их вины” в колодах. Хрущев указал заменить колоды на “ножные железа”, последние же изготовить на деньги, собранные с самих крестьян¹⁴³.

Интересен случай, когда приказчики Верхотурского уезда проявили законодательную инициативу, попытавшись ввести и реализовать запрет на употребление “матерных” слов. Об этом известно из краткой памяти (июнь 1689 г.) воеводы Г.Ф.Нарышкина приказчику Аятской слободы И.Албычеву: “В прошлых годах писали на Верхотурье о явлении образов из слобод приказчики с Тагила да с

Ирбити Михайло Афанасьевич Бибиков и камышловский Михайло Тырков, чтоб матерны не бранитца, и по тех отпискам... с Верхотурья к вам, прикащикам, посланы были памяти, чтоб вы, будучи в тех слободах на приказах, всяких чинов людем учинили заказ, чтоб отнюдь ниhto матерны не бранились”¹⁴⁴. О содержании отписок Бибикова и Тыркова дает представление аналогичная, судя по всему, отписка приказчика Белослудской слободы В.Протопопова (июнь 1688 г.). В ней сообщалось о том, как 12-летнему местному крестьянскому мальчику явилась во сне Богородица с наказом объявить всем, “чтобы перестали матерною бранью бранитца”, и обещанием грозных кар за непослушание¹⁴⁵. Таким образом, в Верхотурье примерно в одно время начали поступать сообщения о “видениях” из Тагильской, Камышловской, Ирбитской и Белослудской слобод, которые (кроме двух последних) были расположены далеко не рядом. Трудно не усмотреть в этой акции, если не “единую руку”, то, по крайней мере, “единую мысль”. Духовные видения как источник и санкция запрета выступают здесь не случайно. В XVII в., как и ранее, против матерщины активно выступала церковь, усматривая в ней “черту бесовского поведения”; церковные поучения против матерщины находились “в непосредственной связи с обличением языческих обрядов и обычаев”¹⁴⁶. Но этот общий фон не снимает вопроса, по удачному выражению Е.К.Ромодановской, о самой “организации явления” и ее конкретных инициаторах¹⁴⁷. Если А.Т.Шашков склонен считать “явления” Богородицы в верхотурских слободах порождением религиозного сознания крестьянства, то мне кажется, что за организацией данных видений стоит какой-то прагматический интерес ее инициаторов (таковыми я считаю верхотурских детей боярских – приказчиков слобод, хотя новые данные могут, конечно, показать ошибочность этого мнения).

Обладея санкцией самой Богородицы, Г.Ф.Нарышкин написал уличенных в матерной ругани наказывать – бить батогами и взимать штраф по рублю с человека, а деньги присылать в Верхотурье. Воевода, по-видимому, усмотрел в “богоугодном” деле поистине неиссякаемый источник пополнения местных доходов. Но и приказчики не были лишены смекалки. Собственно память в Аятскую слободу – свидетельство запоздалой сообразительности воеводы. Из слобод никаких “пенных денег” за ругань не поступало, из чего Нарышкин сделал логичный вывод, что приказчики берут их себе. Осознав невозможность контроля за поступлением этого оригинального дохода, воевода превратился в крестьянского “радетеля”. Последовало распоряжение об отмене телесных наказаний и

штрафов за брань, так как "от того ныне в слободах крестьяне разоряютца". Однако на этом история не закончилась. В мае 1691 г. верхотурский воевода получил отписку с рассказом об еще одном видении - на этот раз от приказчика Краснопольской слободы И.Хмелевского. Богородица, не меняя своих привычек, явилась 12-летней крестьянской девочке Марфе Галактионовой с уже известным нам осуждением матерной брани. Как и в предыдущих случаях, визионерка должна была донести содержание речей Богородицы до всего "мира". Останавливает внимание следующая фраза Богородицы, которую передала Марфа: "... а иду де с Абалаку два годы в Подволошную деревню вверх по Нейве реке" (Краснопольская слобода расположена на Нейве)¹⁴⁸. Почему именно 2 года? Ведь путешествие от Абалака (под Тобольском), где находилась весьма почитаемая Абалацкая икона Божьей матери, отнюдь не занимает столь значительный срок. Не является ли указание на 2 года несколько наивной попыткой оправдать "отсутствие" Богородицы в Верхотурском уезде и ее "молчание" по поводу матерщины, которая, после снятия на нее запрета (напомню, воеводой Нарышкиным в июне 1689 г.), должна была вновь беспрепятственно процветать? Однако истинные мотивы, лежавшие в основе запрета на брань, как и попытки его реанимации через 2 года, остаются не вполне ясными.

Точное определение гражданской и уголовной юрисдикции городских воевод в XVII в. представляет некоторое затруднение. А.Д.Градовский в 70-е гг. XIX в. отмечал, имея ввиду научные работы историко-правового характера: "Несмотря на то, что судебная деятельность воеводы была предметом многих исследований, касавшихся истории нашего судоустройства и судопроизводства, она все-таки не выяснена надлежащим образом"¹⁴⁹. Характеристика А.Д.Градовского актуальна и для современного состояния изучения вопроса. Показательно, что в новейшем историко-юридическом обобщающем исследовании судебной власти воевод посвящен один абзац, являющийся почти дословным повторением соответствующего места из известного труда М.Ф.Владимирского-Буданова¹⁵⁰.

Первое, с чем сталкивается исследователь, - это нечеткая конституированность самой воеводской власти в качестве местной судебной инстанции в законодательстве XVII в. Вплоть до Соборного Уложения 1649 г. судебные полномочия воевод фиксируются как бы случайно и попутно, в связи с изданием отдельных норм в различных областях права. В указной книге Разбойного приказа 1616/17 г. о воеводах как о судьях по уголовным делам ничего не говорится (несмотря на широкое распространение в начале XVII в.

воеводской системы управления); в качестве таковых там по-прежнему фигурируют губные старосты. По опубликованным материалам впервые воеводы упоминаются в законодательной норме материального права (1619 г.), где они стоят в одном ряду с губными старостами и "приказными людьми" местного управления и имеют право "с суда по разбойному и по татиному поличному сыскивать всякими сыски накрепко и указ чинити в разбойных и татинных делах по суду чево доведетца". В царском указе 1631 г., уточняющем порядок следствия по уголовным делам, компетенция "воевод и губных старост и приказных людей" предстает довольно широкой: они организуют повальные обыски по поводу оговоренных ("лихованных") в совершении уголовных преступлений лиц, ведут следствие с применением пытки и "по обыском" выносят приговор. Из указа 1637 г. в общем виде выясняется как уголовная, так и гражданская юрисдикция городских воевод: "Ведомо нам учинилось, что в городех воеводы и всякие приказные люди в татинья и розбойня тюрмы сажают всяких людей в исцовых исках и в холопстве и во крестьянстве и во всяких исцовых исках..." Указ запрещал содержание в тюрьмах лиц, привлекаемых к суду по гражданским искам, вместе с уголовниками (ввиду большой тесноты для заключенных и в интересах санитарии). Судебные и нотариальные полномочия воеводской власти отражены в указах 1638, 1639 и 1641 гг.¹⁵¹. Тем не менее специальной нормы процессуального права, устанавливающей суд воеводской приказной избы в качестве основной местной инстанции, а также разграничивающей его ведомство с губным, в законодательстве 1-й половины XVII в. мы не находим. Развитие письменного права здесь явно не отражало складывающейся судебной практики.

Соборное Уложение 1649 г., уделяя значительное внимание суду и судопроизводству в центральных приказах, состав и компетенцию местных судебных органов специально не затрагивает, а говорит о них по-прежнему мимоходом. Например, ст. 5 главы X устанавливает ответственность судей за намеренное вынесение несправедливого приговора, причем в качестве судей перечисляются "боярин или околичей или думной человек или дяк или иной какой судья..." Следующая за ней ст. 6, расширяющая этот список, гласит: "Да и в городех воеводам и дяком и всяким приказным людем за такие неправды чинити тот же указ". Здесь как бы само собой подразумевается, что суд на местах осуществляет воеводская администрация. В статье, предусматривающей обязательное наличие порудных записей по истце и ответчике (гл. X, ст. 130), говорится: "А

будет которой воевода или приказной человек или губной староста в городех засудя суд, в каком деле ни буди, и того судного дела за чем не вершит, и пришлет то судное дело к вершению к Москве..." и т.д. Сам же важнейший вопрос о соотношении объема судебной компетенции местных органов и московских приказов в Соборном Уложении обойден. Статья 251 главы X, рассматривая случай оформления подложных актов-крепостей, указывает на право воевод проводить следствие и осуществлять суд по таким делам. И только в уголовной части Уложения, наконец, прямо сказано: "А где губных старост нет, и в тех городех губные дела ведать воеводам и приказным людям" (гл. XXI, ст. 3).

В дальнейшем центральное правительство проявило колебания по поводу уголовной юрисдикции воевод. Новоуказные статьи о "татевных, разбойных и убийственных делах" 1669 г. отстраняли воевод от расследования тяжелых уголовных преступлений, передавая их в руки губных старост и сыщиков - выполнявших разовые поручения агентов центральной власти на местах (статьи 2 и 72)¹⁵². Через 10 лет последовал категоричный указ, утвердивший в центральных уездах страны единоличную власть воевод: повелевалось "губные избы во всех городех сломать, а губным подьячим быть у дел с воеводы в съезжих избах..." В 1684 г. институт губных старост был восстановлен и окончательно ликвидирован лишь в 1702 г.¹⁵³ Впрочем, "соревнование" судебных полномочий воевод и губных учреждений к сибирскому региону прямого отношения не имело.

Еще меньше сведений законодательные источники дают о пределах судебной власти воеводской администрации, особенно в сфере гражданских исков. Опиравшийся на официальное законодательство А.Д.Градковский писал: "Чрезвычайно трудно с точностью определить отношение между судебной властью воеводы и московских приказов. Нигде не встречается законом установленного порядка прохождения дел по этим инстанциям". Изучивший судебную практику в уездах Поморья М.М.Богословский подтвердил этот вывод: "Между воеводой и приказом в судебном их значении нет точно установленных и определенных отношений; эти отношения как-то шатки и случайны"¹⁵⁴.

Исследователи данного вопроса обращаются, как правило, к сочинению Григория Котошихина, но даже этот знаток управленческой практики XVII в., "муж ума несравненного", имел о гражданской юрисдикции воевод весьма нечеткие представления: "Так же и в иных больших и средних городех бывают воеводы столники и

дворяня и дьяки и подьячие вместо дьяков; а велено им в тех городех дела всякие делать по наказам же и по Уложению... А в судных кабалных делех велено им суды давати... в больших городех, где воевода з дьяками, в долговых делех во 100 и в 500 и в 1000 и в 10000 рублев. А в иных городех, где воеводы одни сидят или и с подьячими, а дьяков не бывает, велено суды давати... в 10 и 20 рублех, а болши 20 рублев суда давати им не велено никому... А велено средних и меньших городов всякого чину людем в больших своих исках судитися на Москве, кто где судим..."¹⁵⁵ Таким образом, подсудность населения разных уездов зависела от двух взаимосвязанных переменных факторов: статуса города и ранга приказного помощника воеводы (или его отсутствия вообще). Законодательный материал подтверждает сведения Котошихина, мало что к ним добавляя. Так, указ 1638 г. об отмене несудимых грамот и установлении подсудности всего населения уездов воеводскому суду сообщает нам: "А указал государь во всех городех уездных людей в ысцовых исках судити бояром и воеводам и приказным по колко рублев в котором городе судить велено". На счет этого существовали, видимо, специальные распоряжения центральных приказов, в большинстве своем современным историкам не известные. Например, в отношении Орла и "иных украинских городов" был издан указ (не позднее 1639 г.), определявший максимальную сумму исков, которые могли рассматривать воеводы, в 10 руб.; "а болши 10 рублев в тех городех воеводам... судить не велено, для того что по государеву указу в больших исках велено судити на Москве в приказах"¹⁵⁶.

Объем судебной власти воевод зависел и от еще одного фактора - географического, который особенно важен для Сибири. В общерусском законодательстве, касавшемся различных вопросов местного управления и суда, исключения относятся обычно к воеводам Сибири, Астрахани и Терского городка (иногда еще - Кольского острога). В Соборном Уложении (опять же мимоходом, в главе "О Монастырском приказе") определяется максимальная исковая сумма дел, подведомственных воеводскому суду, в 20 руб., "опричь тех городов, в которых... бывают с воеводами дьяки, и опричь понизовых городов, которые города ведают в Казанском дворце" (гл. XIII, ст. 3). Безусловно, здесь имеется ввиду Астрахань с подчиненными ей "пригородками" (Царицын, Черный Яр, Красный Яр), Терки и, возможно, некоторые другие города (Саратов, Уфа). Есть все основания полагать, что и сибирские воеводы попадали под это исключение. Относительно прав воевод по уголовному суду Г.Котошихин указывает, что к смертной казни, "не описався к Москве",

приговаривать не мог никто, за исключением воевод "Сибири и Астарахани и Терка". Таким образом, более широкая, чем обычно, судебная компетенция сибирских воевод по уголовным и гражданским делам должна была определяться географической удаленностью от столицы (разрядные центры имели к тому же в составе своей администрации дьяков).

Выше, в разделе о воеводских наказах, уже говорилось, что никакой подробной фиксации судебных полномочий воевод эти документы не содержат. Уже в ранних сибирских наказах в клаузуле "жалованного слова" провозглашается право ясачного и русского населения подавать воеводам челобитные, по которым они должны "чинить суд и росправу праведно". Собственно уголовные и гражданские дела не отделяются от жалоб населения на злоупотребления администрации. В последнем случае новым воеводам предписывается "давати им суд и управа чинити по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всея Руси указу безволожитна", здесь же уточняется: "по царскому повелению"¹⁵⁷. Вынесение исключительно Москвой решений о наказании лиц воеводского аппарата вполне понятно. Но должны ли были воеводы, проводя следствие по делам другого характера, ожидать судебного решения из Москвы? Ясных указаний на этот счет, понятных современному исследователю, наказы не дают.

В данном отношении к концу столетия наказы изменились лишь в слабой степени. В качестве примера приведем предписания, касающиеся судебной деятельности воеводы, которые содержатся в якутском наказе 1683 г. М.О.Кровкову (стоит заметить, что они не составляют компактной группы, а "рассыпаны" по всему тексту наказа). Воевода должен "во всяких делех служилых и торговых и промышленных людей судити и росправа меж ими чинити безволожитно, вправду, по государеву указу". Особому надзору подлежала служащая среда: виновным в азартных играх, драках, грабежах и убийствах воевода назначает наказание, "смотря по винам... чтоб всякому наказанье было против вины". Специально подчеркивается юридическое равноправие аборигенного населения с русским в случае, если "иноземцы" окажутся пострадавшей стороной: "А хто иноземца чем изобидит или убойство учинит, и тем людем за воровство чинить великих государей указ по Уложению". Перечислялись обычные судебные пошлины (с исковой суммы с рубля по гривне, пересуд и правый десяток) и категорически запрещалось взимать их, как и в других сибирских городах, "с иноземцев, с князцов и ясачных людей". Намного обширней всех вышеназванных положе-

ний была статья о незаконном винокурении и наказаниях за это (еще бы: гражданский и уголовный суд действовал по преимуществу в интересах частных лиц, а винокурение нарушало государственную монополию и сокращало казенные доходы)¹⁵⁸. Такими, собственно, указаниями должна была руководствоваться воеводская администрация в своей судебной деятельности, и было бы, наверное, делом долгим перечислять те функции суда и стороны правовой жизни сибиряков, которые не нашли в наказе никакого отражения. Очевидно, что ни законодательные материалы, ни воеводские наказы не могут дать адекватного представления о судебной практике в Сибири XVII в.

Приказные избы сибирских городов подразделялись на несколько столов, среди которых, как правило, был и судный¹⁵⁹. По сведениям Г.А.Леонтьевой, в приказной избе в отдельной комнате находился специальный воеводский стол¹⁶⁰. Можно предположить, что в случае отсутствия судного стола соответствующая документация сосредоточивалась непосредственно у воеводы. При рассмотрении приказных изб как органов местного суда неизбежно встает вопрос: на какое письменное законодательство опиралась воеводская администрация? Легче ответить на него применительно ко 2-й половине столетия. После принятия и напечатания Соборного Уложения его экземпляры в обязательном порядке рассылались по всем уездным центрам страны. Так, уже в январе 1650 г. из Москвы было послано 2 экземпляра Уложения в Илимск; один должен был остаться в местной съезжей избе, другой предписывалось отправить в Якутск. Илимскому воеводе Т.В.Шушерину указывалось "наши всякие дела делать по той книге, чтоб Илимского острога всяких чинов людем... суд и расправа была... всем ровню"¹⁶¹. Указание руководствоваться Соборным Уложением вошло в воеводские наказы 2-й половины XVII в. Остается только предполагать, ввиду совершенной неразработанности вопроса, что и в 1-й половине столетия воеводские избы имели какие-то законодательные кодексы (скорее всего, Судебник 1550 г. с дополнительными статьями, а по части уголовного права — указную книгу Разбойного приказа 1616/17 г.)¹⁶². Единственными более или менее специалистами (кроме лиц, возглавлявших московские приказы) в области действующего законодательства являлись дьяки и подьячие с приписью. Именно они могли привозить с собой к месту службы рукописные сборники законов, которые затем переписывались, и оставались в приказных избах.

Немногочисленный судебно-полицейский аппарат, находящийся в распоряжении воеводы, составляли "выимной объезжей го-

лова", приставы, "запечной мастер", тюремные целовальники и сторожа. За отсутствием сколько-нибудь полной картины службы этих лиц в разных сибирских городах ограничимся отдельными примерами. При якутском воеводе М.О.Кровкове "выимным головою" был местный сын боярский А.Хлевинский. Он осуществлял общий полицейский надзор в городе и ближайшей округе, а также проводил аресты и конфискацию имущества. В своих действиях "выимной голова" руководствовался специальным наказом, выданным ему воеводой при вступлении в должность, и текущими распоряжениями съезжей избу. В 1686 г. Кровкову "ведомо учинилось", что по ночам в Якутске и по слободам служилые люди стреляют из ружей, а также на конях скачут и "людей топчут". В воеводской "памяти" Хлевинскому указывалось прекратить эти беспорядки, а нарушителей покоя приводить в приказную избу¹⁶³. Поскольку никаких специальных полицейских сил не было, к рядовой службе полицейского характера по мере необходимости привлекались стрельцы и казаки местных гарнизонов. Из них же назначались приставы приказных изб, в обязанности которых входило отыскание ответчика и обеспечение его явки в суд. Одно из нововведений тобольского воеводы П.И.Годунова состояло в том, что он, "прибрав" в приставы 12 служилых людей, отставил их от несения общих служб¹⁶⁴; очевидно, ранее казаки и стрельцы совмещали приставство с исполнением других обязанностей.

Во всех сибирских городах имелись тюрьмы. В Томске в середине XVII в. было две тюрьмы; при якутском воеводе П.П.Головине (случай, конечно, исключительный) более 100 человек переполнили семь тюрем¹⁶⁵. Скорее всего, существовали отдельные мужские и женские тюрьмы (так, в 1680 г. в Чердыни имелись только эти две раздельных тюрьмы). Согласно общерусским нормам, непосредственный надзор за тюремными сидельцами осуществляли сторожа и целовальники, которых выбирало и содержало само тяглое население. Б.Н.Чичерин полагал, что существовала специальная должность тюремного целовальника; историк права Н.П.Ретвих с ним не согласился, считая, что в Соборном Уложении (гл. XXI, ст. 4, 97) тюремный целовальник и губной целовальник — одно и то же¹⁶⁶. Предпочтительней, однако, мнение Б.Н.Чичерина. По крайней мере в Сибири, где губные учреждения отсутствовали, должность тюремного целовальника была. Известна наказная память якутского воеводы Голенищева-Кутузова двум тюремным целовальникам и двум сторожам, которая довольно ясно определяет обязанности первых (на счет функций сторожей сомнений не возникает). Целовальники

отвечали перед воеводской властью за соблюдение тюремного режима: для сбора милостыни выпускали только тех, кто сидел в "небольших делах"; следили за тем, чтобы в тюрьме не оказались бумага и чернила; заключенные диктовали челобитные только в присутствии целовальников; посещения тюремных сидельцев тоже находились под их надзором¹⁶⁷. Представляется, что выборная тюремная администрация была возможна только там, где существовала посадская община и относительно густонаселенная сельская округа. В Мангазее в 1633/34 г. городская община торговых и промысловых людей нанимала тюремного сторожа и платила ему 5 руб. в год. В Кузнецком остроге в 30-е гг. тюремный сторож получал государево окладное жалование (3 руб.). В Сургуте, где посадской общины не было, "тюремный караул" несли служилые люди¹⁶⁸.

Сразу по вступлении в должность воевода обязан был составить "статейный список" тюремных сидельцев — "а хто именем и в каком деле и сколь давно в тюрьме сидят и пытан ли хто и что с пытки на себя или на иново на ково говорил" — и отослать его в Москву. Видимо, такого порядка не существовало в 1-й четверти XVII в. Грамота 1626 г. из Казанского дворца тобольским воеводам сообщала, что в Москве не могут рассмотреть челобитные сибирских заключенных за полным отсутствием их "рописей", и предписывала "вперед бы есте сибирских городов тюремным сидельцам росписи" присылать в Москву¹⁶⁹. Судебная деятельность воевод контролировалась самим Сибирским приказом, а не приказами "юридического" профиля.

Подсудность сибирского населения определялась в основном местом проживания, хотя наличие разрядной администрации, стоящей над уездной, осложняло действие этого принципа. В 1634/35 г. служилые люди Кузнецка жаловались на неудобство поездок в Томск по "заявным грамотам в исковых делах, рублей в 10 и больши", которые на них "емлют" томичи. За 1633/34 г. в Томске таким образом перебивало около 60 служилых из Кузнецка, причем некоторые "волочили" там по полгода. Гарнизон этого пограничного города просил "нас, холопей своих, в исковых и во всяких делах судити и свой государев указ и расправу чинити... кузнецкому воеводе, чтоб нам... от томские волокиты вконец не погинуть"¹⁷⁰. В 1646 г. енисейский воевода Ф.Ф.Уваров, опираясь на общемирскую челобитную, просил Сибирский приказ вывести местных жителей из подсудности томской администрации, которая, проводя сыск по поводу корчемства в Енисейске, требовала обвиняемых и свидетелей в Томск. Просьба Уварова была удовлетворена; ему лишь вменялось

в обязанность письменно доносить в Томск о своей судебной деятельности¹⁷¹.

Подсудность жителей западносибирских земледельческих уездов (Верхотурского, Туринского, Тюменского) местным воеводским избам частично нарушалась существовавшей чересполосицей уездных территорий. Дело в том, что ряд слобод, расположенных в массиве земель названных уездов, был основан по инициативе и при финансовой помощи Тобольска (в более редких случаях – Верхотурья), отчего они считались принадлежащими Тобольскому уезду. Около 1635 г. в Москву подали жалобу ясачные люди Туринского уезда, в которой указали, что с 1622/23 г. на их вотчинных землях началось активное строительство русских крестьянских слобод; поземельные же споры вызывали необходимость частого обращения в суд. Однако воеводы Туринска отказываются принимать иски ясачного населения (так как слободы “не туринского присуду”) и советуют обращаться в Тобольск или же в Москву. Челобитчики вспоминали, что при тобольском воеводе Ю.Я. Сулешеве Чубаровская слобода, основанная из Тобольска, ведалась тем не менее в Туринске, вследствие чего “нам, сиротам твоим, от прикащиков и от пашенных крестьян обид и насильства было мало, потому что суд давали в Туринском”. Однако при воеводе А.Н. Трубецком Чубаровская слобода опять перешла в ведение Тобольска. В заключении ясачные просили “суд давати и расправу чинити” по тяжбам с жителями тобольских слобод в Туринском остроге¹⁷². Неизвестна реакция Москвы на эту челобитную. Но выше (гл. I) мы видели, какой разнос из Сибирского приказа получил тюменский воевода Елдезин за поддержку аналогичной просьбы ясачных людей своего уезда. Жалобам населения на дальность проезда в Тобольск противостояла безупречная логика приказной бюрократии: “кому есть прямая нужда, ездят (в Тобольск – Е.В.) из дальних сибирских городов”¹⁷³.

Судебные дела, которые рассматривались в воеводских приказных избах, по характеру можно разделить на политические, уголовные и дела, относящиеся к различным отраслям гражданского права (обязательственного, залогового и т.д.). В зависимости от серьезности дела и тяжести преступления воеводский суд выступал или в качестве первой, или единственной инстанции. Ввиду отсутствия четкого и законодательно закрепленного прохождения дел по судебным инстанциям соотношение следственно-судебных полномочий уездных воевод, разрядной администрации и Сибирского приказа выясняется из самой практики решения дел. Приступая к бег-

лому обзору этой практики, необходимо иметь ввиду специфику воеводского суда в Сибири, которому пришлось осуществлять судебные функции в отношении не только русского, но и аборигенного населения¹⁷⁴.

Дела политического характера попадали в руки воевод прежде всего через многочисленные изветы по “слову и делу государеву”. В недавних работах Н.Н. Покровского и Н.Б. Голиковой обращено внимание на утверждение самого термина в государственно-приказной практике и нечеткость в определении его содержания, характерную как для юридической мысли, так и для бытового сознания XVII в.; на сибирских судебно-следственных материалах прослежены особенности возбуждения и рассмотрения дел по категории “слова и дела”, которые, как выяснялось в ходе следствия, часто не соответствовали принятой квалификации опасных политических преступлений¹⁷⁵. Получив извет по “слову и делу”, воевода начинал следствие, но обязательно должен был сообщить об этом в Москву. Приговор по делу воевода самостоятельно выносить не мог; если следствие не передавалось в Москву, а велось на месте, приговор и санкция на его исполнение поступали из центрального приказа. В случае, если “государево дело” объявлялось на самого воеводу, он мог демонстративно сложить с себя властные полномочия и прибегнуть к публичному рассмотрению дела в присутствии городского “мира”. Вынесенный по делу мирской приговор отправлялся в Москву, заменяя официальную воеводскую отписку.

Ко времени принятия Соборного Уложения судебная практика выявила массу “бездельных” и “затейных” доносов по “государеву слову и делу”, по которым, тем не менее, воеводские власти не могли вынести самостоятельного решения. Избавляя различные органы власти от переписки по поводу явно ложных объявлений “слова и дела”, Уложение предусматривало некоторые типичные ситуации, сопутствующие таким изветам. Под подозрение ставились объявления, сделанные человеком при угрозе физической расправы или “пьяным обычаем” (гл. II, ст. 14), а также доносы лиц, обвиняемых в уголовных преступлениях и приведенных во время следствия к пытке (гл. XXI, ст. 103). Хотя статья 14 главы II отразила далеко не все мотивы объявления ложного извета, в судебной практике она стала, видимо, применяться к любым случаям, когда выявлялась бессодержательность доноса (тогда воеводы имели право, согласно данной статье, определить доносчику наказание кнутом).

О таком расширенном толковании данной статьи свидетельствует дело крестьянина О. Усова, которое в 1685 г. рассматривал в

Верхотурье воевода Г.Ф.Нарышкин. Невьянского острога Осиновского десятка крестьянин Усов вошел в конфликт и со своим десятником, и мирским старостой И.Литвиновым. Десятник жаловался приказчику Невьянского острога И.Дирину на то, что Усов не участвует в мирских денежных сборах и “зделий с ними, десятчаны, вместе не делает”; староста бил челом приказчику о “брани и бесчестьи” в свой адрес со стороны Усова. Допрошенный в судной избе приказчиком Дириним, Усов заявил, что знает на старосту “царственное дело”, о котором расскажет только перед воеводой. В сопровождении беломестного казака Усов и Литвинов были отправлены в Верхотурье. Там стало ясно, что извет касался не столько мирского старосты, сколько самого приказчика. Объявленная Усовым “вина” Дирина состояла в том, что он взял с крестьян Осиновского десятка деньги взамен выполнения ими натуральной повинности – погрузки хлеба в Невьянском остроге. Литвинов же обвинялся в том, что наложил на крестьян другого, Голубковского десятка повинность по заготовке бревен для починки острога, но эти бревна были якобы сплавлены им в Ницинскую слободу. Повальный обыск, проведенный среди невянских крестьян, опроверг показания Усова. Так, крестьяне Осиновского десятка заявили, что деньги собрали сами: (видимо, в этом сборе и отказался участвовать Усов), так как живут от острога в 50 верстах и самим грузить хлеб им “волокитно”; не подтвердились и обвинения насчет украденного леса. С точки зрения воеводы “царственное дело”, поведенное ему Усовым, оказывалось явным вздором. Решение по делу представляет дословное цитирование статьи 14 главы II Уложения¹⁷⁶. Надо думать, что в соответствие с ней незадачливый доносчик был наказан кнутом.

Вообще, расцвет доносите́льства в России XVII в., связанный с объявлением “государева слова и дела”, способен огорчить любителей допетровской старины. Проблема эта имеет много граней. С одной стороны, доносите́льство явно насаждалось в обществе маниакальными поисками верховной властью фактов реального и иллюзорного умаления “государевой чести”, коварного умысла на “государево здоровье” и т.д. С другой стороны, нельзя не учитывать, что для многих доносчиков формула “государева дела” являлась лишь быстрым и надежным способом обличить финансовые злоупотребления, взятки и другие “неправды” местной администрации, “перескочить” через нее и быть услышанным в Москве. Вместе с тем никчемность и надуманность многих изветов по категории “слова и дела” заставляет предполагать в их составителях такие черты, как зависть, желание отомстить, возможность выслу-

житься перед центральной властью; ограниченность кругозора, наконец, просто глупость и склочность характера (яркие примеры “бездельных” доносов можно найти в книге В.А.Александрова и Н.Н.Покровского):

Особыми правами по вынесению смертного приговора воеводы могли наделяться в отношении ссыльных людей, сосланных в Сибирь за политические преступления. Наиболее серьезными из таких преступлений считались измена, “непристойные слова” в адрес царя и членов его семьи, участие в “скопе и заговоре”, направленное против феодального правопорядка в целом или отдельных органов власти. Ссылая некоторых лиц в отдаленные сибирские города, правительство предусматривало с их стороны возможность политического “рецидива” и заранее придавало воеводам исключительные судебные полномочия в отношении этих ссыльных. В 1673 г. в якутскую пашню был сослан подьячий астраханской приказной избы А.Халдеев, писавший грамоты и письма для разинцев. Воеводе Я.П.Волконскому указывалось осуществлять строгий надзор за Халдеевым, а если он и в Сибири “объявитца в воровстве, и его казнить смертью, не описываясь к нам, великому государю”. Аналогичные, но более детальные указания были даны якутскому воеводе относительно некоего Е.Афанасьева, сосланного за “воровство и непристойные слова” (1680 г.): “А буде он, Ермошка, учнет впредь говорить какие непристойные слова, и ему... отсечь рука да нога. А буде и после того он же... учнет какие непристойные слова говорить, и его казнить смертью, не описываясь о том к Москве”¹⁷⁷. Особые судебные права воевод могли распространяться и на целые группы политических ссыльных. В начале 1683 г. в города Енисейского разряда были посланы грамоты по поводу надзора за ссыльными участниками стрелецкого восстания 1682 г. Воеводам давалось право самостоятельно “чинить наказанье”, опираясь на Соборное Уложение и “указные статьи”, по отношению к тем ссыльным, которые неосторожно будут “то дело хвалить” (само восстание в Москве) “или каким образом всчинать и заводить”¹⁷⁸.

Не совсем ясны возможности сибирских воевод по применению смертной казни за политические преступления к местным служилым людям. Скорее всего, эти возможности зависели от разрядного статуса города и географической удаленности от Москвы. Так, якутский воевода И.В.Приклонский приговорил к смертной казни служилого человека К.Михайлова за побег с государевой службы, “за бунт и за составные воровские письма”, а уже затем информировал об этом Сибирский приказ¹⁷⁹. В 1690 г. в Якутске был рас-

крыт заговор 13 служилых людей, намеревавшихся убить воеводу П.П.Зиновьева, захватить запасы и бежать на Камчатку. Зиновьев сам провел следствие с применением пытки (отчего умерли 2 человека) и вынес приговор: признанного главой заговорщиков сына боярского М.Антипина казнили, а остальных били "кнутом на козле и в проводку нещадно"¹⁸⁰.

Если политические преступления русского населения Сибири квалифицировались в основном понятиями "бунта" и "заговора", то выступления туземного населения против царской администрации оценивались как "измена". Согласно какой-то давней судебной традиции, прочно существовавшей к началу XVII в., к изменникам применялась смертная казнь через повешение. Требуя от воевод пресечения "шатости" среди ясачных аборигенов, ареста зачинщиков и проведения следствия, центральное правительство неодобрительно смотрело на случаи самостоятельного вынесения и осуществления смертного приговора. Следует, видимо, различать отношение Москвы к смертной казни, с одной стороны, представителей еще не объясненного и сопротивляющегося русскому подданству аборигенного населения (а потому они рассматривались как враги) и, с другой стороны, зачинщиков разного вида "шатостей" среди объясченных народов (которые в этом случае являлись уже изменниками).

В первые годы укрепления русской власти в Сибири московское правительство вряд ли могло осуждать не санкционированные им смертные казни. Можно вспомнить, что в наказе 1592 г. кн. П.И. Горчакову прямо указывалось пойти на обман вогульского князя Аблегирима (известного своими набегами на чердынское Приуралья еще до похода Ермака), "а приманя князя Пелымского Аблегирима и детей его потому ж, самого князя и сына большего казнить, да с ними человек 5 - 6 пуших, сыскав, казнить"¹⁸¹. Вскоре после основания Березова (1593 г.) он был осажден местными остяками и самоедами. Березовские служилые люди в 1621 г. в Казанском дворце вспоминали, что оставшаяся в живых часть гарнизона сидела в осаде в городе (острог был сожжен) больше полугода, пока из Тобольска не прибыл отряд во главе с Черкасом Александровым. После этого березовские ханты и ненцы были приведены "под царскую высокую руку"; "а которые де остяки и самоедь нам ясаку давать не похотели, и они де тех многих остяков и самоедь, переидав, казнили"¹⁸². Вряд ли эти казни проводились по согласованию с Москвой. В 1598 г. имела место какая-то "измена" ясачных людей Нарымского уезда, в результате чего 10 человек были повешены¹⁸³. В

1607 г. остяки всех волостей Березовского уезда еще раз пытались поднять восстание против русской власти. Предательство в их среде позволило воеводе кн. П.А.Черкасскому вовремя захватить зачинщиков восстания - "лучших людей" (так, крещеный остяк Григорий Ваюев гордился впоследствии доносом на своего отца, в результате которого тот был повешен; предал князя Василия Обдорского и его сын Мамрук). Всего было казнено 12 человек, причем только по поводу судьбы Василия Обдорского воевода запрашивал мнение Москвы¹⁸⁴.

Вместе с тем довольно рано центральное правительство начинает ограничивать вынесение ясачным аборигенам смертных приговоров местной судебной властью. В 1604 г. в Москву поступили сведения об участившихся случаях убийств русских людей со стороны ясачных вогулов Верхотурского уезда. В царской грамоте верхотурским воеводам предписывалось собрать сотников ясачных волостей и после их опроса организовать поимку подозреваемых в "воровстве" лиц. Воеводам разрешалось проводить следствие с заключением в тюрьму и применением пытки. Однако определить меру наказания "прямым пушиим ворами" должны были по воеводским отпискам в Казанском дворце¹⁸⁵. Некоторое затруднение состоит в том, что мы не знаем, как приказные дельцы начала XVII в. квалифицировали данную ситуацию: как политическую или как уголовную.

В литературе хорошо известен и подробно описан конфликт енисейского гарнизона с воеводой А.Л.Ошаниным (1626 г.), который рассматривается как первый сибирский "отказ" воеводе от власти¹⁸⁶. Хотелось бы обратить внимание на исходную точку конфликта, как-то потерявшуюся на фоне последующих событий. Отряд енисейских служилых людей с атаманом В.Алексеевым был отправлен в военный поход на "немирного" тунгусского князя "изменника Тасейко". Однако, удовлетвовавшись ходившими среди тунгусов слухами, что Тасей убит бурятами, Алексеев прекратил поход и вместо этого "погромил" уже объясченных тунгусов, пришедших к нему с ясаком. Было убито 7 мужчин, 14 женщин и детей захвачено в плен. С юридической точки зрения казачий отряд совершил разбойное нападение на подданных московского государя. А.Л. Ошанин должен был отреагировать на нарушение принципов ясачной политики, с чего, собственно, и началось противостояние воеводы и гарнизона¹⁸⁷.

Жестоко расправлялся с якутами за восстание 1642 г. воевода П.П.Головин, что русским населением города было воспринято

как аномалия: "И Петр же Головин после того своего сыску тех якутов лутчих людей и аманатов повесил 23 человека, а иных бил кнутым без пощады и с того кнутья многие якуты померли, и тех мертвых Петр вешал же"¹⁸⁸. Думается, если бы Москва могла держать под контролем деятельность Головина, то следствие в Якутке не приняло бы столь злобещего характера. Умеренная точка зрения верховной власти на наказание "изменивших иноземцев" отражена в резолюции на отписку березовского воеводы М.К.Квашнина. В 1644 г. он сообщал о ряде нападений нижеобской "воровской самояди" на государеву ясачную казну, остатков Березовского уезда и служилых людей, находившихся в Обдорске. Доклад Сибирского приказа по этой отписке слушал сам Михаил Федорович "и указал писати в Тоболеск к воеводам... а велел на самоядь воровскую... послать тобольских и березовских служилых людей... из тех воров пуших воров погромить и привести в Тоболеск... человек двух или трех повесить..."¹⁸⁹.

Во 2-й половине столетия все более заметной становится тенденция центрального правительства лишить воевод нигде не зафиксированного права самостоятельно вершить смертную казнь над коренными жителями Сибири. Легче всего, конечно, подобный запрет можно было ввести через унифицированные воеводские указы, однако это не было сделано. Вместо этого приказные дельцы предпочитали разбираться с каждым конкретным случаем. В предыдущих своих полномочий был обвинен березовский воевода А.П.Давыдов, при котором в начале 1660-х гг. выявилась какая-то "измена" ясачных острогов. По распоряжению из Тобольска Давыдов должен был захватить 10 человек "заводчиков" и отослать их для сыска в разрядный центр. Однако березовский воевода поспешил самостоятельно повесить 18 человек (среди них - князя Ермака Мамрукова, внука Василия Обдорского), о чем в сентябре 1663 г. доносил в Москву: "За измену и за воровскую мысль по государеву указу и по Соборному уложению велел он... их вершить смертную казнь безо всякие пощады". В Сибирском приказе действия Давыдова вызвали недовольство; там отметили, что в выданном воеводе наказе ничего не говорится о мере наказания ясачным людям за измену. (Это верно. Но в наказе нет и запрета "чинить расправу", в то время как Соборное Уложение, на которое опиралась судебная деятельность воеводских изб, довольно ясно определяло состав политических преступлений и наказания за них). Возможно, именно в связи с расследованием этого дела Давыдов по окончании воеводства был задержан в Березове и отпущен из Сибири только в 1668 г.¹⁹⁰

В 1686 г. Сибирский приказ принял решение по частному вопросу, которое, как представляется, отразило общую установку центра на судебные полномочия сибирских воевод в интересующем нас аспекте. Предыстория решения была такова. В 1682/83 г., по донесению мангазейского воеводы, группа ясачных тунгусов расправилась с отрядом сборщиков ясака во главе с И.Рябым (13 человек было убито, один взят в плен) и откочевала из Мангазейского уезда. В 1684 г. эти тунгусы объявились в Якутии и здесь подали воеводе челобитную о разрешении платить ясак в Якутске. Убийство мангазейских казаков тунгусы объяснили жестокостью И.Рябого, который, вымучивая с них "пожитки", грозился поставить виселицы и начать казни (против Рябого выступил один казак, которому и была затем сохранена жизнь). Мангазейские воеводы, рассматривая тунгусов как изменников, требовали их возвращения в свой уезд. Но Сибирский приказ разрешил им платить ясак в Якутске и одновременно в грамоте воеводе М.О.Кровкову указал: "А впредь никому и воеводам тех тунгусов без нашего ... указу не казнить и не вешать, а ясачным зборщикам наказанья не чинить (наказанье отлучалось от смертной казни - *Е.В.*). А чинить наказанье воеводам, смотря по винам их, хто чего доведетца"¹⁹¹. Таким образом, здесь определялось право воевод судить ясачных людей только по уголовным преступлениям и без применения смертной казни. В конце века юридическая мысль по данному вопросу выразила себя в указе от 26 декабря 1695 г., распространявшемся на всю Сибирь. Указ запрещал местным органам власти применять пытки и смертную казнь к аборигенам "без ведома государя", т.е. без специального запроса в центр¹⁹².

Обыденную сторону воеводского управления составлял суд по гражданским имущественно-денежным искам и уголовным преступлениям. Понятно, что количество судебных дел, проходивших через съезжие избы разных сибирских городов, зависело от масштабов города, его важности как транзитного пункта, плотности заселения уезда и некоторых других факторов. О масштабах судебной деятельности воевод по гражданским искам дает представление финансовая документация съезжих изб, которая фиксировала поступившие обязательные судебные пошлины (гривенную пошлину с рубля, "пересуд" и "правый десяток"). Так, по смете Туринского острога на 1628/29 г. сумма судебных пошлин должна была составить 18 руб. 93 коп. (цифра взята сметчиками, очевидно, не "с толка", а из опыта сбора предыдущих лет); реально в казну поступило 16 руб. 89 коп.¹⁹³ Тем не менее эти скромные цифры отражают

прохождение через воеводскую избу нескольких десятков "судных дел" в год. Об этом свидетельствует опубликованная приходная книга Илимского острога за неполный 1648/49 г., где содержатся даты поступления и размеры судебных пошлин с кратким изложением сути исков¹⁹⁴. Всего за сентябрь 1648 – март 1649 г. книга отметила 35 обращений в суд (только русского населения), вследствие которых было собрано пошлин на 46 руб. 11 коп. Но можно заметить, что 28 руб. составили пошлины с двух дел; таким образом, с 33 судебных решений в казну поступило только 18 руб., что вполне сопоставимо с данными по Туринскому острогу.

По характеру указанные дела, разбиравшиеся в Илимске, можно разделить на:

1. Имущественно-денежные иски (15 дел). Причины их предъявления были самые разные, но они не всегда указаны, так как истец нанесенный ему материальный ущерб переводил в денежную сумму. С таких исков взималась гривенная пошлина, "пересуд" и "правый десяток". Поскольку размеры двух последних пошлин оставались неизменными (22 коп.), то рост судебных сборов давала только гривенная пошлина с больших исковых сумм. Среди 15 дел минимальная исковая сумма составляла 95 коп., максимальная – 197 руб. (что являлось редкостью).

2. Иски в неуплате по заемной кабале (14 дел). Пошлина с "незапорной" кабалы ("незапорной", видимо, потому что ответчик "не запырался" в ее правдивости) различалась в зависимости от суммы долга, указанного в кабале: с суммы до 10 руб. взималось 10 коп., свыше 10 руб. – 25 коп.

3. Иски по обвинению в нанесении "бесчестья" (3 дела). Как известно, возмещение "бесчестья" имело денежную форму, размер суммы зависел от сословного и чиновного статуса пострадавшего. В конечном итоге дела такого рода можно отнести к денежным искам; с них уплачивалась обычная гривенная и другие пошлины.

4. Прекращение судебного разбирательства по мировой челобитной до вынесения судебного решения (3 дела). С такой челобитной взималась пошлина 10 коп.

Думается, что эти виды исков наиболее часто встречались в судебной практике Сибири XVII в. Как пример можно привести дело по заемной кабале, разбиравшееся в якутской приказной избе в марте 1646 г. Еще в августе 1641 г. семь ленских служилых людей (среди них – С.И.Дежнев и М.В.Стадухин) заняли у торгового человека Н.Агапитова 15 руб. сроком до 9 мая 1642 г. В случае невозвращения денег в срок условия кабалы предусматривали рост процентов

и привлечение к судебной ответственности любого из семи казаков (по всей сумме долга) в любой удобной для истца судебной инстанции ("где ся кабала выляжет, тут по ней и суд и правож..."). Только в 1646 г. Агапитову удалось привлечь к суду одного из должников – вернувшегося с Колымы Стадухина. Агапитов 1 марта подал челобитную, а 13 марта состоялся воеводский суд, на котором "ответчик по кабале винился". К сожалению, неизвестно, к какой сумме (с процентами или без) суд обязал Стадухина¹⁹⁵.

В XVII в. преступления против личности включали убийство, нанесение ран, увечий, побоев и оскорбления. Широкий круг подобных преступлений, за исключением убийства, квалифицировался как нанесение "бесчестья", под которым подразумевалось оскорбление как словом, так и действием. А.А.Люцидарская, говоря о семейном и общественном положении горожанок Томска, отмечает "факт многочисленных обращений женщин в судебные инстанции" при защите своего достоинства и имущественных прав. Однако, как мне кажется, исследователь напрасно сомневается в том, что большинство таких судных дел "так и оставались нерешенными"¹⁹⁶. Другой вопрос, что само возбуждение дела о бесчестьи в воеводской избе часто заставляло обидчика искать примирения с потерпевшей и подавать мировую челобитную, пока не состоялось судебное решение¹⁹⁷. Условия, на которых стороны заключали "мировую", в судебном делопроизводстве не фиксировались и потому нам не известны.

"Бесчестье" по отношению к женщине включало, видимо, и такое преступление, как изнасилование¹⁹⁸. В 1687 г. воевода Г.Ф.Нарышкин разбирал дело по жалобе верхотурской подгородной крестьянки Пестилимьи Вологжаниновой, которая обвинила стрельца Н.Пахалуева в том, что он зазвал ее к себе в дом и "блудной грех творил самосильством своим", а к тому же сорвал с нее 3 креста и серьги общей стоимостью в 2 руб. 65 коп. (непонятно, зачем Пестилимья носила 3 креста?). Дело осложнялось не отсутствием, а, наоборот, избытком свидетелей. Очевидно, в доме стрельца происходила пирушка по поводу Юрьева вешнего дня (23 апреля), на которой присутствовал ямской охотник Н.Власов с братом, стрелецкий сын И.Беднягин и жена крестьянина Г.Путимцова; все они там и заночевали. Н.Пахалуев и на предварительном допросе, и на очной ставке с истцом отрицал факт изнасилования, подтверждая, впрочем, что Пестилимья вместе с другими ночевала у него в доме. Вологжанинова в ответ заявила, что никаких людей в доме не видела, так как было темно. Н.Власов и другие свидетели дали показания в

пользу стрельца. Тогда Пестилимья подала "на письмо ссылку", в которой перечислялись имена 9 человек, слышавших на улице слова И.Беднягина: "Ночесь де у Микишки Пахалуева свадьба была". Дело разрасталось. Неожиданно нашелся еще один свидетель – гулящий человек Н.Карачанов, который, как оказалось, тоже ночевал у Пахалуева. Он подтвердил факт "блудного насилия", заявив, что его самого хозяин из избы выгнал. Судя по всему, события, происходившие "пьянственным делом", при трезвых воспоминаниях их участников никак не могли обрести четких очертаний. Наконец, 25 мая истец и ответчик, "сыскав в сердцах своих правду", подали мировую челобитную¹⁹⁹.

К особо тяжелым уголовным деяниям в XVII в. относились убийство, разбой и кража (татьба). В розыском процессе по этим преступлениям утвердилось публичное преследование, и мировые с обвиняемыми были законодательно запрещены. Отношение судебных органов к этим преступлениям было самым серьезным, и закон предусматривал суровые кары за их совершение, хотя практика иногда вносила свои коррективы. Почти анекдотичен, например, розыскной процесс по делу о разбое, совершенном 8 ноября 1684 г. в Верхотурском уезде. Пострадавший, крестьянский сын М.Власов, сделал на следующий день словесное заявление приказчику Ирбитской слободы Е.Шубину. По словам Власова, его ограбил на дороге туринский ямской охотник Л.Косарев с двумя братьями. Налетев верхом на лошадях, они отняли у него: бухарского товара в коробке 11 зенденей, 200 аршин китаск, 2 фунта шелка, какое-то количество золота, 20 платов синих и 10 кушаков пестрых. Кроме того, среди "грабленных животных" были коровья и мешочек с товарами, принадлежащие некоему С.Красильникову. Приказчик Шубин в этот же день отправил на место преступления "следственную бригаду", которая состояла из дьячка судной избы, двух земских целовальников, беломестного казака и обоих пострадавших. След действительно "пошел" в Косареву деревню. Арест братьев-разбойников (в избе их оказалось только двое) прошел не совсем гладко. Увидев дьячка и казака, Лучка Косарев без слов "убег в двери", а Васька выпрыгнул в окно и спрятался у кого-то в подполье. Впрочем, Ваську удалось поймать, и на обратном пути он "повинился" в грабеже. Заключенного в ирбитской судной избе Ваську явился вырывать Савка Косарев. Он взялся вернуть грабленное имущество, с ним в качестве конвоира был отправлен казак М.Малюгин. Из своего амбара С.Косарев вынес две коробки, и они отправились в обратный путь. Однако по дороге казака сморил сон (дело было ночью), и проснулся он

только в Ирбитской слободе, когда "заревели" истцы, с нетерпением поджидавшие свой товар и ставшие свидетелями бегства Савки. Последний, видимо, передумал сдаваться властям и бежал, прихватив какое-то сукно, которое у него только что купил незадачливый казак Малюгин. Власов с Красильниковым сами доставили возвращенное имущество в судную избы (оно должно было фигурировать в качестве поличного), но заявили, что его оказалось меньше. Недовольный приказчик распорядился обыскать дома Власова и Красильникова; обыск оказался безрезультатным. Дело, вместе с заключенным и поличным было переправлено в Верхотурье, где Васька Косарев стал отрицать даже сам факт грабежа. Поличное в конце концов вернули Власову. К сожалению, окончание данного дела в архивных документах отсутствует²⁰⁰.

Права воевод разных сибирских городов на вынесение смертного приговора за уголовные преступления выясняются только из конкретных дел. В октябре 1646 г. верхотурский воевода получил приговор Сибирского приказа по делу об убийстве крестьянина Ф.Шадры. Последний был убит гулящим человеком И.Минеевым при содействии жены Шадры Катерины; как выяснило следствие, она с Минеевым "от мужа своего воровала". Приводя приговор в исполнение, воевода Минеева повесил, а казнь Катерины, которую указывалось "окопать в землю", на время отложил, так как она оказалась беременной²⁰¹. Как известно, отношение к женоубийцам в XVII в. было иным: закон не предусматривал для них смертной казни²⁰². Так, илимский воевода Ф.Р.Качанов приговорил крестьянина П.Карпова за убийство жены к наказанию кнутом на козле и отсечению пальца левой руки (в европейской России практиковалось отсечение рук и ног)²⁰³.

Законодательство XVII в. различало убийство умышленное и неумышленное, от чего зависела степень наказания. Так, по приговору того же Ф.Р.Качанова убийца некто А.Лебедев был бит кнутом "нешадно" и лишился пальца руки; его вина состояла в том, что он "зарезал без умысла" посадского человека²⁰⁴. Якутский воевода М.О.Кровков за неумышленное убийство, случившееся от удара палкой по голове, вынес следующее решение: отдать виновного на поруки и обязать его заплатить семье убитого штраф в 50 руб.²⁰⁵ В то же время доказанное умышленное убийство каралось смертной казнью. Так, в 1675 г. из Усть-Кутского острога прислали в Илимск гулящего человека Юдина, убившего казачьего десятника Литвинова. На пытке Юдин признался, что "резал ножом, мстя ему

прежнюю недружбу". Воевода С.О.Аничков, опираясь на Соборное Уложение, приказал убийцу повесить²⁰⁶.

Трагические события произошли в Аятской слободе Верхотурского уезда в мае 1678 г. На дворе у оброчного крестьянина Л. Фомина временно проживал гулящий человек Ф.А.Тумашев, личность с явными нарушениями психики. После Троицына дня он "заперся в скотную избенку" и начал там "блажить". В это время, как позднее показал Фомин, туда пришла "девочка моя Овдюшка полчетверта года, и тот Фирс, ухватя девочку мою, учал сильничать и ножом у ней естество прорезал для ради блуда и ее за горло в то время задавил, чтоб она в то время не крычала и зубами уши и нос грыз, и голову испроломал ... и персты у рук и ног обкусал". Тело ребенка убийца спрятал в лохань с мокрым бельем (не забыв снять крест и серьги), а ночью отнес к церковной паперти и заложил дровами. Тело девочки было обнаружено крестьянами слободы, а Тумашев схвачен и приведен к приказчику Ф.Арапову. Последний, не имевший права судить дела по убийствам, отправил челобитную Фомина и преступника в Верхотурье. Любопытно, что отец жертвы подчеркивал в челобитной, что сам он в этом деле не истец и просил "учинить в душегубстве указ". Следствие проводил верхотурский воевода И.Ф.Пушкин, но по указаниям тобольских властей. Розыск тянулся долго. На допросе с пыткой Тумашев признался только в убийстве, отрицая "блудное наруганье". Ввиду очевидности доказательств (тело девочки осматривали многие крестьяне и их жены Аятской слободы) тобольский воевода П.В.Шереметев указал снова пытать Тумашева и, получив нужные признания, казнить его через отсечение головы. Приведенный 20 марта 1679 г. к пытке, после 35 ударов кнутом, Фирс "в блудном деле винился". Однако Пушкин не спешил привести приговор в исполнение. Вместо этого он отправил в Тобольск заручную челобитную верхотурских "градских людей" с просьбой о помиловании Тумашева и разрешении постричь его, ввиду явной болезни, в монастырь. Но Шереметев подтвердил свой приговор, и 15 сентября 1679 г. Ф.А.Тумашев был казнен²⁰⁷.

В осторожной форме можно заметить, что воеводы западно-сибирских уездов, входивших в Тобольский разряд, обладали меньшей судебной властью в отношении тяжелых уголовных преступлений, чем их восточносибирские коллеги. В 1639 г. пельимский воевода жаловался в Москву на поведение ссыльных "воров" М.Нестерова и С.Рогачова; их к тому же подозревали в отравлении другого ссыльного, К.Саурова. Сибирский приказ принял решение перепра-

вить Нестерова и Рогачова в Тобольск, заключить в тюрьму и там производить следствие²⁰⁸.

Приходилось воеводам сталкиваться и с делами по обвинению во всякого рода "колдовстве" и "чародействе". С одной стороны, эти дела принадлежали к преступлениям против православной религии; с другой, ввиду всеобщей веры в реальные последствия колдовских действий, приобретали характер уголовных преступлений. В 1687 г. М.О.Кровков, не дождавшись решения Сибирского приказа о судьбе не одиножды уличенного в колдовстве И.С.Жеглова, отдал распоряжение о его казни: как богохульник он был сожжен в срубе²⁰⁹. Без колебаний вынес смертный приговор Ф.Р.Качанов вору-рецидивисту И.Д.Томскому, который совершил 3 церковных, 2 часовенных и 12 мирских краж. Высокая воровская квалификация оказалась напоследок плохую услугу Томскому. По законодательству XVII в. церковная татьба и так каралась смертью "безо всякого милосердия". Но вор был признан виновным еще и в "волшебствах": совершая кражи днем, делал он это "невидимо"²¹⁰.

С 1670-х гг. у сибирских воевод прибавилось забот в связи с распространением за Уралом церковного раскола. У них появились обязанности по преследованию, заключению в тюрьмы и наказанию старообрядцев. Малоизвестными страницами истории старообрядчества за Уралом в XVII в. глубоко и успешно занимается А.Т.Шашков, но, по-моему, до сих пор не вполне ясны судебные полномочия воевод отдельных городов в отношении смертного приговора "раскольщикам". Так, в 1679 г. тюменский воевода запрашивал Сибирский приказ: что делать со старообрядцами, как уже содержащимися в местной земляной тюрьме, так и еще не пойманными? Почти в то же время (около 1685 г.) известный нам Кровков в Якутске "за мятеж церковный сжег в срубе" раскольника О.Максимова²¹¹.

Любопытно, что уже в XVII в. практиковалась ссылка "из Сибири в Сибирь". В начале 1680-х гг. тобольский служилый человек Ганка Безрукий, стоя на карауле у бухарских купцов, убил двух своих товарищей и украл из имущества, которое он должен был охранять, "многие животы". Приговоренный к смертной казни, он был помилован и послан на службу в Албазин. Пережив войну с маньчжурами и "Албазинское разоренье", он продолжал служить в Селенгинске²¹².

Осуществляя судебные функции по отношению к русскому населению Сибири, воеводская администрация руководствовалась общероссийским законодательством. Распространялись ли нормы "русского" суда по гражданским и уголовным делам на коренные

народы Сибири? Воеводские указы, как мы видели, предусматривали лишь казус, когда истец принадлежал к "иноземцам", а обидчик – к русскому населению (суд при этом вершился в обычном порядке). Но рассмотрение обратных случаев, а также исков и преступлений, имевших место в среде чисто туземного населения, должно было ставить воевод в недоумение. Следующий пример показывает, что и центральное правительство даже к концу XVII в. не выработало каких-либо четких установок по данному вопросу.

В сентябре 1693 г. в Сибирский приказ поступила отписка енисейского воеводы С.В.Коробьина, основанная на запросе, полученном в Енисейске от приказчика Балаганского острога сына боярского Б.Серебряникова. Вступив в должность, Серебряников столкнулся с проблемой: как судить местных бурят по уголовным преступлениям? Приказчик выяснил, что "в прошлых ... годах, как Балаганского острогу не было, и после того, как поставлен Балаганский острог (в 1654 г. – *Е.В.*), изначалу бывали ... у них, братских мужиков, меж собою смертные убийства и драки и розные кражи, и за то де им ... никакой казни и наказанья не бывало". Под "казню и наказанием" Серебряников имел ввиду применение пенитенциарных мер по русскому законодательству. Прежние приказчики решали подобные дела "по их иноземскому изычаю", т.е. по нормам обычного права бурят. Дотошный Серебряников со слов "лучших братских людей" записал эти нормы и включил их в свою отписку Коробьину. По бурятскому обычному праву за убийство, причинение увечья, кражу, изнасилование виновный должен был заплатить пострадавшему или его родственникам головщину (анзу), состоявшую из определенного количества лошадей и голов крупного и мелкого скота. Буряты жаловались Серебряникову, что приказчики Балаганского острога нарушали нормы обычного права, приговаривая виновных в убийстве к уплате головщины в размере 100 и более голов скота, в то время как принятая анза составляла 66 голов. Часть головщины приказчики брали себе. Буряты просили Серебряникова "впредь при его Борисове сиденье" соблюдать размеры головщины, установленные "по прежнему их всех, братских людей, приговору", и не пересматривать вершенных дел.

Изложив содержание отписки Серебряникова, енисейский воевода поставил перед Сибирским приказом вопрос: вершить ли суд среди ясачных бурят по нормам их обычного права или же русского законодательства? Затрудняясь сразу ответить, на документе поместили: "Выписать и справитца с прежними делами, какие великих государей указы о иноземцах, и что об них в наказах воево-

Рис.5. Боярин кн. И.Б.Репнин, тобольский воевода (1670 - 1672 гг.) и судья Сибирского приказа (1679 - 1697 гг.). 90-е гг. XVII в.

дам пишут". Составление докладной выписки, однако, не помогло решению проблемы. Какой-то подьячий, добросовестно перечитав воеводские указы, был вынужден записать следующее: воеводам "в наказах пишут: велено им промеж иноземцев во всяких их исках суд давать и росправу чинить ... безволокитно, вправду. А с судных дел пошлин с ясачных иноземцев имать не велено. А какая росправа промеж иноземцы чинить и за какие их иски что на виноватых имать, того в наказах имянно не написано". В декабре 1693 г. эту выписку слушал судья Сибирского приказа боярин И.Б.Репнин. Создается впечатление, что он в первый раз обнаружил существование такого важного вопроса по управлению коренными жителями Сибири (а ведь И.Б.Репнин в 1670 – 1672 гг. был главным тобольским воеводой и к 1693 г. уже 13 лет возглавлял свой приказ). Не приняв никакого решения, Репнин указал послать запрос в Енисейск: были ли раньше "такие иноземские дела и как они вершены?" Параллельно с этим во всех столах Сибирского приказа должны были поискать прецеденты решения аналогичных дел, разбиравшихся непосредственно в Москве. Наконец, Репнин распорядился сделать выписки из Соборного Уложения, "как о иноземских делах написано" (затем заведомо безрезультатная, ибо Уложение сибирским ясачным народам вообще не уделяет внимания)²¹³. Таким образом, в течение всего первого столетия освоения Сибири центральное правительство игнорировало разработку принципов осуществления суда среди ясачного населения. Как ни в каком другом вопросе, воеводы должны были действовать здесь "смотря по тамошнему делу и как их Бог вразумит".

Обращение Коробьина в Сибирский приказ не заставило его руководство всерьез заняться изучением и разработкой этой стороны управления народами Сибири. Все осталось по-прежнему. Изменения наступили лишь в 1701 г., причем, как и в предыдущем случае, инициатива шла снизу. В январе 1701 г. в Сибирский приказ непосредственно обратился верхоленский бурят Б.Ахагалов. Лет за 10 до этого его отец был убит бурятом Дагором. Ахагалов жаловался, что Дагор в качестве головы заплатил лишь 16 лошадей и 4 коровы (челобитчик уверял, что "по их вере" анза за убийство состояла из 2 холопов, 2 верблюдов, 3 кукяков, 10 коней, 10 быков и 300 голов рогатого скота). Ахагалов просил взыскать с сыновей уже умершего Дагора остальную часть головы, посплав иркутскому воеводе соответствующий указ.

Снова обратились к последнему наказу иркутскому воеводе, в очередной раз убедившись, что там "за убийство о голове ничего не написано" (Сибирский приказ в это время возглавлял

уже думный дьяк А.А.Виниус). Тогда решили прибегнуть к распросу Ахагалова и еще одного оказавшегося в Москве буряты, Б.Муксанова. Может быть, не без наводящих вопросов они признали, что уплата головы разорительна для бурятских семей, и даже выразили просьбу впредь по уголовным преступлениям "чинить великого государя указ, а поголовщины не имать". В результате 24 января 1701 г. Виниус "с товарищи" приняли решение об отмене норм обычного права при рассмотрении преступлений, совершенных среди ясачных бурят. Иркутскому воеводе Ю.Ф.Шишкину отправлялась грамота с определением мер наказания за наиболее тяжелые преступления. Отныне предписывалось "убойцам чинить великого государя указ по Уложению, при многих людях повесить", а голову не взимать; за кражу лошадей и промысловых орудий - "по явному свидетельству при многих людех бить на козле кнутом, да сверх того резать носы..." Мера наказания за "небольшие какие воровства" воевода должен был определять сам, "смотря по их винам, кто чего достоин"²¹⁴.

Не стоит слишком укорять московских приказных дельцов XVII в. за неумение теоретически ставить и разрешать проблемы управления, в частности, осуществления суда среди ясачного населения. На практике единовременное введение русского уголовного и гражданского суда в отношении всех сибирских "иноземцев" было невозможно. Сибирский приказ доверился здесь естественному течению событий. Еле различимая из Москвы однородная масса "ясачных иноземцев" на деле оказывалась пестрым конгломератом народов, племен, родов, обладавших своими социальными и этнопсихологическими характеристиками. В XVII в. началась не навязываемая сверху адаптация сибирских аборигенов к русскому суду, но ее мотивы, масштабы и темпы для разных народов и районов Сибири были, конечно, не одинаковы (выяснение факторов и условий, способствовавших или препятствовавших этой адаптации представляет большое исследовательское поле для работ историко-этнографического характера).

На практике вторжение русского суда в жизнь ясачного населения было обусловлено или обращением в суд самих истцов, или возможностью ареста людей, виновных в совершении таких уголовных преступлений, которые воеводская администрация не могла оставить без внимания. В свое время С.В.Бахрушин сделал вывод, что "якуты очень быстро освоились с русским судом, а потому в приказную избу дела по челобитьям "иноземцев" поступали в гораздо большем количестве, чем в других городах"²¹⁵. Материалы

якутской приказной избы²¹⁶ и свидетельства современников дают основания для такого вывода. Так, по поводу злоупотреблений воеводы М.С.Лодыженского в Сибирском приказе стало известно, что "он же, Михайло Семенович, судит якутов о кражах и убийствах; и оне, якуты, лучшие князцы, тяжутся промеж себя и ищут скотин по 10 и 40 и больше...". С каждого такого дела Лодыженский часть скота брал себе, так что за год "наживал" по 200 быков и коров. Скот забивали, мясо раздавали в долг вечно полуголодным служилым людям, а при выдаче денежного жалованья его вместо должников получал "дворецкий" Лодыженского. (Попутно отметим, что этот воевода вообще испытывал большую тягу к судейским обязанностям, искусственно создавая конфликтные ситуации. На пирах, куда приглашались дети боярские и казачья верхушка, Лодыженский "смушал" подгулявших служилых драться деревянными тесаками и "бороды драть". Получив удовольствие от потехи, воевода на другой день разбирал возникшие иски, разумеется, не бескорыстно для себя)²¹⁷.

Решая спорные дела, возникавшие среди якутов, М.С.Лодыженский следовал нормам обычного права. С одной стороны, это предоставляло больше возможностей наживы для самого воеводы, а с другой – должно было удовлетворить обе стороны и остановить кровную месть и межродовые столкновения. Впрочем, иногда применение обычного права, как бы санкционированного русским судом, не прекращало начавшейся вражды. Так, воевода Д.А.Францбеков, решая дело об убийстве, взял в пользу родичей убитого голловщину в 40 голов скота; тем не менее кровная вражда между якутами двух волостей, сопровождаемая жестокими убийствами, продолжалась²¹⁸.

Существовавший у многих народов Сибири институт кровной мести не мог не беспокоить воеводскую администрацию: прежде всего потому, что он уменьшал количество плательщиков ясака. В 1654 г. пельымский воевода сообщал в Москву, что у ясачных людей Кондинской волости "меж собою чинится ... великое воровство и убийство, друг на друга ходят разбоем и друг друга грабят и разбивают ... И те ... убийцы пельымским служилым людям не даются, из луков служилых людей стреляют"²¹⁹. Н.Н.Степанов рассмотрел попытки борьбы восточносибирской администрации против родовой мести у тунгусов (эвенков) и ламутов (эвенов). Из примеров, приведенных им, видно, что воеводы наряду с судом по обычному праву применяли, когда это было возможно, и "русские" наказания. Однако следует отметить, что смертный приговор не выносился даже

убийцам; наказание обычно состояло в битье кнутом, "чтоб им вперед так не воровать, друг на друга з грабежом и убийством не ходить". Н.Н.Степанов отметил, что "вследствие решительной позиции администрации в делах об убийстве сами тунгусы все чаще стали обращаться к ней за разрешением спорных вопросов". Исследователь констатировал, что помимо дел об убийстве ясачные тунгусы в том же XVII в. начали прибегать к воеводскому суду по самым разным вопросам, в том числе имущественного и семейно-брачного права²²⁰.

***

Осуществление публично-правовых функций органами государственной власти должно частично оправдывать существование и самого государства. Для подданных московского царя судебной-полицейская деятельность воеводской администрации представляла важнейшую, хотя и неоднозначно оцениваемую сторону управления (показательна сама близость слов "управа", "расправа", обозначающих в юридическом языке XVII в. вынесение приговора по суду, и глагола "управлять", возможно, вторичного по отношению к ним). Для населения Сибири воеводский суд имел еще большее значение, чем в европейских уездах страны, вследствие затрудненности или невозможности переноса дел в московские приказы.

Бытовые конфликты, имущественные тяжбы, уголовные преступления являются частью, если можно так сказать, ткани повседневной жизни. Можно предъявить массу претензий к воеводскому суду, но это не уменьшит его необходимости для людей XVII в. Слитные для средневекового сознания понятия "власть" и "вершение суда" даже без законодательных оговорок делали воеводскую администрацию судебной инстанцией. Едва упоминаемая в наказах воеводам судебная сторона их деятельности для населения, наоборот, имела первостепенное значение. В 1701 г. сургутский воевода Д.М.Вельяминов-Зернов просил о перемене (ему было не менее 65 лет). Вместе с его просьбой в Сибирский приказ поступила челобитная сургутских служилых людей. Они одобряли воеводство Вельяминова-Зернова, но, поддерживая его челобитную, писали, что в настоящее время он "застарел и за болезнью своею во всяких твоих великого государя делах меж грацкими всяких чинов жители расправы не чинит и от того его неуправления между нами чинитца неупроение"²²¹. Не верить этому свидетельству нет оснований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Здесь вряд ли требуется повторять те выводы, которые уже сделаны в конце каждого раздела. Вместо этого мне хотелось бы высказать некоторые соображения по поводу исследования В.А. Александрова и Н.Н. Покровского¹. Во-первых, потому что характеристика воеводского управления в настоящее время невозможна без учета тех проблем и сюжетов, которые рассмотрены в указанной монографии. Во-вторых, работа В.А. Александрова и Н.Н. Покровского получила, на мой взгляд, незаслуженно слабый отклик в научной печати, несмотря на то, что ее проблематика выходит далеко за рамки специальной "сибиреведческой" литературы.

Сами авторы указывают, что "книга посвящена общественному мировоззрению русского населения Сибири на заключительном этапе сословно-представительной монархии в России" (с.3). Это мировоззрение исследуется через сферу взаимоотношений основных групп населения, оформленных в сословные организации (миры), и представителей аппарата государственной власти (на центральном и особенно местном уровнях). По сути основной задачей исследования оказалось наполнение реальным содержанием понятия сословно-представительной монархии в России. При изучении государственного строя первостепенное значение в качестве объекта исследования приобретает организация политической власти и соответствующий ей аппарат управления. В.А. Александров и Н.Н. Покровский справедливо отметили, что в обширной историографии темы "история сословно-представительной монархии рассматривалась сквозь призму деятельности преимущественно земских соборов", в то время как функционированием последних проблема далеко не исчерпывается (с.6). Можно добавить, что споры о реальном значении земских соборов в политической системе сословной монархии XVI – XVII вв. к настоящему времени приобрели характер топтания на месте. С этой точки зрения работа В.А. Александрова и Н.Н. Покровского выводит исследование проблемы на новый уровень, перемещая его в сферу взаимодействия земского представительства и приказной администрации в местном управлении.

Исходя из признания принципиального единства организаци-

онных форм социальной жизни русского населения по обе стороны от Урала, авторы в первых главах книги проследили довольно быстрое складывание у русских переселенцев в Сибирь мирских сословных сообществ: сельской общины, посадской общины (естественно, далеко не во всех городах) и войсковой организации служилых людей. Регенерированные переселенцами на колонизируемых территориях по русскому "образцу" мирские организации выполняли для их членов функции социальной защиты, обеспечения оптимальных условий хозяйствования и др.

Таким образом, сибирское общество XVII в. (за вычетом коренного ясачного населения) представляло совокупность сословных общин, с которыми и имели дело органы государственной власти при осуществлении военной, налогово-податной и судебной политики. В.А. Александров и Н.Н. Покровский подчеркивают активное участие мирских организаций населения в делах местного управления, официально возложенного на воеводскую администрацию. Доказательство этого положения - лейтмотив книги. Авторы прямо указывают, что "мирская организация и воеводское управление являлись двумя взаимодополняющими частями механизма власти" (с.141). Вмешательство населения в компетенцию воеводского управления разграничено на две сферы - сотрудничества и противостояния. В книге убедительно показано, что мирское мнение, оформленное в сословные (или общесословные) челобитные, имело реальный вес при решении воеводской администрацией вопросов самого разного характера. Более того, мирская организация выступала по отношению к воеводскому аппарату как контролирующий орган, вскрывавший перед центральным правительством некомпетентность, коррумпированность и злоупотребления сибирских властей.

Активность сословий, основанная на народном понимании монархии и ее задач, являлась начальным звеном механизма влияния населения на дела местного управления. В книге подробно рассматриваются каналы реализации этого влияния. По существу единственным легальным средством вмешательства населения в государственное управление было право подачи челобитных на имя государя, признаваемое на протяжении всего XVII в. и законодательно закрепленное Соборным Уложением. Другим, нигде официально

не провозглашенным, но упорно отстаиваемым населением являлось право (может, точнее говорить – обычай) общегородского (= уездного) отказа воеводам от власти, т.е. фактического их смещения с должности². Положительная реакция центрального правительства на запросы и предложения, выраженные в челобитных, санкционирование уже произошедшего “отказа” воеводе и его быстрая замена, организация сысков о деятельности воеводской администрации (а всему этому в книге немало примеров) свидетельствуют, по мнению авторов, о наличии налаженного механизма обратной связи между царской властью и сословиями. Такой механизм управления, допускающий непосредственный контакт сословной инициативы с верховной властью, В.А.Александров и Н.Н.Покровский считают признаком сословно-представительной монархии.

Следует отметить, что авторы, безусловно, удачно решили поставленную ими задачу – выявление характерных черт общественно-политического мировоззрения сибиряков XVII в. В отечественной историографии советской эпохи тема “власть и общество” подменялась, как правило, проблематикой классово-борьбы. Картина, нарисованная В.А.Александровым и Н.Н.Покровским, значительно усложняет наши представления о характере взаимоотношений между народом и властью, о взглядах населения на социальное устройство общества, свои обязанности по отношению к государству и государства (в лице монарха) к подвластному народу. Даже хорошо известные факты, ранее безусловно относимые к проявлениям классовой борьбы, обрели в контексте данного исследования иное, более адекватное исторической действительности смысловое содержание.

Вместе с тем концептуальные основы исследования В.А.Александрова и Н.Н.Покровского не бесспорны, что уже отмечалось в литературе³. Авторы исходят из признания этапа сословно-представительной монархии в России и ее постепенной эволюции в XVII в. в сторону абсолютизма. Под этим углом зрения ими и рассматриваются взаимоотношения между государственной властью и сословными организациями. Нацелившись на выяснение признаков сословно-представительного строя в работе местного звена управления, авторы предварительно не остановились на типологических особенностях сословно-представительной феодальной монархии, не пояс-

нили свое понимание таких терминов, как “сословное представительство” и “сословно-представительное учреждение”. Как известно, на характер сословного представительства в России и время его существования в историографии имеются разные точки зрения. Ряд известных специалистов по истории XVI в. довольно скептически оценивают возможности сословно-представительного строя и его учреждений. Так, решительный вывод сделал Д.Н.Альшиц: “Самодержавие пришло на смену сословно-представительной монархии, которая начала свое существование венчанием на царство первого русского царя и закончила его в результате опричного переворота”⁴. С.О.Шмидт выразил сомнение в том, что сословно-представительная монархия и абсолютизм являются последовательными этапами в развитии государственно-политического строя, и отнес зарождение элементов абсолютизма ко времени Ивана Грозного⁵. Представляется, что концептуальная позиция В.А.Александрова и Н.Н.Покровского отразила не явно выраженную в их работе полемику с подобными и другими, более категоричными мнениями, трактующими форму правления в России XVI – XVII вв. как разновидность восточной деспотии; те явления и факты, которые не уместаются в рамки схем о неограниченном характере самодержавия XVII в., рассматриваются авторами как доказательства сословно-представительного строя. Такая позиция с определенной стороны оказывается уязвимой.

Можно ли ставить знак равенства между мирскими организациями сибирского населения и местными сословно-представительными учреждениями, как это фактически делают В.А.Александров и Н.Н.Покровский? Под “сословно-представительным учреждением” следует, видимо, понимать собрание выборных представителей от одного или нескольких сословий, через которое они принимают участие в определении государственной политики и осуществлении публичной власти (на центральном или местном уровне). Это участие выражается в разных формах – через консультативно-совещательные функции сословных собраний, право вотирования налогов, право законодательной инициативы, возможность организовывать органы местного самоуправления. Важным признаком сословно-представительного собрания является легитимность его деятельности. Общепризнано, что таким сословно-представительным учреждени-

ем в XVII в. был земский собор. Местных провинциальных сословных собраний российская практика XVI – XVII вв. не знала. Не являлись ими и сибирские “миры”.

На практике “сословно-представительными учреждениями” можно считать выборные органы местного управления и суда. Но таковыми они становятся тогда, когда конституируются в качестве органов государственного управления. Реформа 1550-х гг., инстигуализируя земскую избу с выборным старостой или “судейкой” во главе как местное звено управления, не создавала в России демократии; наоборот, она сама опиралась на давние институты и традиции общинного самоуправления, уходящие корнями в догосударственный период. И все же общинное самоуправление и сословно-представительные органы местного управления, созданные земской реформой, – не одно и то же. Зыбкая, быть может, граница между ними лежит в государственно-юридическом признании последних и осознанном применении со стороны верховной власти принципа выборного самоуправления. Мирские организации сибирских крестьян, посадских и служилых людей обладали, как это показано в книге В.А.Александрова и Н.Н.Покровского, множеством элементов самоуправляющихся общин, однако легитимно существовавших органов земской власти в Сибири не было (вряд ли ими можно считать выборных должностных лиц отдельных общин). Центральное правительство в XVII в. не обращало на этот факт никакого внимания, так как реальная общественно-политическая активность сибирских миров была важнее официальной стороны дела. Только в 1699 г., при обсуждении возможности проведения реформы городского самоуправления за Уралом, в Москве обнаружили, что, оказывается, в сибирских городах “земских изб нет”⁶.

Сказанное не преследует цель опровергнуть значимость мирских сообществ в местном управлении в эпоху первоначального освоения Сибири. Суть вопроса видится в другом: как трактовать эту сибирскую “демократию” XVII в.? Интересные соображения по этому поводу были высказаны Н.И.Никитиным. По его мнению, традиции и формы самоуправления сообществ “вольных” казаков, сложившихся на периферии государственной территории, генетически восходят к институтам сельской общины раннегосударственной и первобытной эпох: “Вольная казачья община на Дону, Яике или Те-

реке - это, образно выражаясь, “вчерашний” .... день русской крестьянской общины XVII в.”; сообщества вольных казаков – “это, скорее всего, ничто иное как крестьянские общины, вынужденные отстаивать свое существование в особых, экстремальных условиях” и потому возрождающие архаичные по отношению к XVII в. структуры самоуправления⁷. Общеизвестна распространенность элементов самоорганизации и самоуправления “вольного” казачества среди государевых служилых людей Сибири, как и приверженность (идеальная и практическая) к порядкам казачьего “круга” других, не служилых, слоев населения. Однако все это не есть результат прямого влияния образцов “вольного” казачества, уже существовавших на других территориях. И самоуправление вольного казачества, и демократические порядки сибирских сословных обществ – результат параллельной реанимации архаичных форм социальности при особых, вынуждающих к этому условиях. Как пишет Н.И.Никитин, “в условиях относительной слабости позиций государственной власти во многих районах Сибири дух вольного казачества, кажется, просто витал над этим колонизирующимся краем, воплощаясь в самые различные, порой просто неожиданные формы, особенно часто заявлявшие о себе при социальных конфликтах”; однако “правильнее будет говорить не столько о “казачьем”, сколько об “общинном” духе, пронизывавшем основные социальные структуры России XVII в., особенно на окраинах”⁸.

С несколько иной стороны эти размышления дополняются исследованием Л.В.Даниловой, посвященным судьбам сельской общины в средневековой России (основной материал работы относится к XIV – XVI вв.). Для нас представляются ценными ее наблюдения над эволюцией взаимоотношений органов государственного управления и общинным самоуправлением, бывшим когда-то для членов общины единственной формой власти. Указывая на то, что земский строй, базирующийся на первоначальной автаркии и самоуправлении общин, намного древнее, чем сословно-представительные учреждения, Л.В.Данилова обоснованно пишет: “Наряду с феодальным поместьем и вотчиной независимая от сеньориальной власти сельская община-волость являлась территориально-административной ячейкой, частью государственного организма, обладавшей самоуправлением и известным комплексом публично-правовых функций.

Выборные волостные власти выступали одновременно и представителями государственной администрации в ее низовом звене". Это "сращение государственной организации с мирскими выборными" - "типично средневековое явление". Представляется верным и следующий вывод: "Юридически оформленное общероссийским законодательством конца XV - XVI в. участие мирских выборных от городских и сельских общин в аппарате административного управления отнюдь не было новшеством. Нет никаких оснований считать, что до этого подобным правом мирские власти не обладали".

Сказанное можно резюмировать следующим образом. Нет ничего удивительного в том (если принять положение об архаизации социальной жизни у русских переселенцев в Сибирь), что сибирские сословные общины XVII в. пытались строить свои отношения с верховной властью на принципах, характерных для времен Двинской и Белозерской уставных грамот. Центральное правительство, исходя из практических интересов, считалось с этими воззрениями сибиряков, стараясь по возможности ограничить их реальное применение (яркий пример - запрещение в 1619 г. мангазейского морского хода, которое было обусловлено не только интересами сбора государева ясака, но и недопустимостью мысли о неконтролируемой "самодельности" податного населения). Активность сибирских миров при отношениях с воеводской и центральной властью - это проявления первичной стихийной демократии, не умеющей легализовать себя (хотя бы в формах сословного представительства) в условиях все большего давления со стороны органов власти складывающегося абсолютизма. Между тем, формально-юридическая сторона истории сословно-представительных учреждений не является пустой "формальностью".

В модели политического устройства общества, ориентированной на традицию и характерной для сибиряков, с трудом находилось место новым реалиям, в частности воеводскому приказному аппарату. Воеводы в глазах сибирского населения очень часто или непомерно "государятся", или предстают бездельниками и вредителями, мешающими мирским сообществам выполнять свои обязанности перед царем. Исследователи много и ярко описывали злоупотребления сибирских воевод по отношению как к казне, так и подвластному населению. В книге В.А.Александрова и Н.Н.Покровского

представлен длинный ряд фактов, свидетельствующий о действенных мерах, применяемых сибиряками против злоупотреблений и насилий воевод, вплоть до их смещения с должности. И то, и другое соответствует исторической действительности. Возникает естественный вопрос: почему механизм социальной защиты, действовавший (по мысли В.А.Александрова и Н.Н.Покровского) через мирскую организацию, "срабатывал" в одной ситуации и никак не проявлял себя в другой? Можно вспомнить якутское воеводство П.П.Головина, который, опираясь только на свою дворню и небольшую кучку "ушников и горланов" (ситуация совершенно типичная), в течение нескольких лет терроризировал население отдаленного края, в том числе большой гарнизон. Как позднее сокрушенно признавались жители Якутска, "в такой его неправде никакова дурна не заводили ... ждали твоей царской милости и обороньи к себе; видя над собою такую погибель, брат брата отпиралися и друг другу не помогли..."¹⁰ Припоминая перипетии ачинского похода Я.О.Тухачевского, когда "войско" вышло из-под контроля воеводы, нельзя не удивляться молчанию и долготерпению служилых людей "даурского полка" А.Ф.Пашкова (насилия последнего ярко и, думается, правдиво описал протопоп Аввакум). Такие примеры "всего мира молчания" можно привести и в отношении крестьянских и посадских общин. Получается, что степень мирской активности зависела от степени "крутости" характера того или иного воеводы и каких-то временных, трудноуловимых для историка, обстоятельств. За этим, в частности, стоит юридическая неоформленность статуса выборных органов сословного самоуправления по отношению ко всей системе коронной администрации.

Встав в конце XVI в. на путь "бюрократизации" местного управления, центральная власть не собиралась с него сходить. С другой стороны, мне кажется, что историки часто преувеличивают возможности "народоправства" в феодальную эпоху. Представим, что государственная власть полностью не вмешивалась в процесс колонизации Сибири. Тогда сибирское общество русских переселенцев состояло бы из отдельных общин, из которых, возможно, спустя долгое время выросли бы "Соединенные Штаты Сибири" (а скорее всего - они превратились бы в затерянные на просторах Северной Азии локальные поселения типа русской общины в устье Индигирки). Но тогда бы речь уже не шла о собственно истории России.

Воеводы XVII в. были той живой нитью, которая крепко привязывала огромный край к телеге российской государственности. Через их конкретную деятельность осуществлялась государственная политика, которая не является пустым звуком. Простой пример. В особенно голодные для ясачного населения годы воеводам предписывалось снабжать его хлебом из казенных запасов. Или отплатить денежное жалованье, необходимое местному гарнизону, в другие, более отдаленные, города. Как бы здесь поступили власти самоуправляющихся общин? При всем уважении к "народоправству", я думаю, они не отдали бы хлеб или деньги, если бы сами в них нуждались. Через воеводские избы шло распространение русского законодательства и права за Уралом. Воеводы и их помощники обладали определенным политическим кругозором, который был итогом их предыдущих служб военного, придворного, посольского и гражданского характера.

Может быть, не стоит преувеличивать степень неприятия воеводской власти со стороны населения. М.О.Акишин привел интересный архивный материал о возможности распространения городской реформы самоуправления на Сибирь, которая обсуждалась в 1699 – 1700 гг. в Сибирском и Разрядном приказах¹¹. Руководство Сибирского приказа, ссылаясь на мнения являвшихся в приказ по разным делам жителей Сибири (в основном – служилых людей), отказалось проводить реформу. М.О.Акишин считает, что реализация реформы была заблокирована дельцами Сибирского приказа во главе с А.А.Виниусом, действовавшими в интересах "коррупцированной верхушки сибирского воеводского приказного управления". Опросы сибиряков исследователь оценивает, с одной стороны, как фикцию, а с другой – как непредставительные. Надо заметить, что в течение всего XVII в. в Казанском дворце и Сибирском приказе существовала практика опроса случившихся в Москве сибиряков (своего рода консультация) по самым разным проблемам местного управления; однако специально для этих целей из Сибири никогда никого не вызывали. Не очень убедительно мнение М.О.Акишина о том, что большинство опросов (всего их было представлено из Сибирского приказа в Разряд 10) специально было составлено задним числом, "для бюрократической отчетности". Полностью доверяя хронологии переписки между Сибирским приказом и Разрядом, я не вижу в действиях первого злого умысла. Просто в памяти от 20 мая 1699 г. (из Сибирского приказа в Разряд) протоколы опросов не приведены (может, действительно, их было к этому времени только 4). Вследствие настойчивых требований Разряда в начале 1700 г. было

зафиксировано еще 6 опросов (естественно, опрашивали тех людей, которые находились в столице в данный момент). В Сибирском приказе считали, видимо, что этого достаточно, так как в них были приведены мнения жителей 19 городов.

В "допросах" сибиряки показали, что "во всех сибирских городах без воевод ... править никоими мерами невозможно", в частности, русские жители "будут все самовольны, а с ясачных людей ясаку не токмо что вдвое, но и вполы против прежнего не соберут". М.О.Акишин приводит подробную аргументацию "допросов" в пользу воевод (с точки зрения ее содержания, кстати, не так уж важно, кем она была высказана - сибиряками или деятелями Сибирского приказа) и не соглашается с ней. Здесь, видимо, не место подробно разбирать критические высказывания М.О.Акишина, выдвинутые им против доводов "допросов" в пользу воеводского управления. Я с аргументацией "допросов" просто соглашусь. В конце XVII в., если в Москве хотели видеть Сибирь частью государственной территории, а сибиряки - сохранить лояльность самодержавному политическому строю, альтернатив воеводскому (приказному) управлению не было.

Города-уезды, входившие в состав сибирских разрядов XVII в.

Тобольский разряд (до 1629 г. включал все сибирские города) с 1629 г.	Томский разряд с 1629 г.	Ленский разряд с 1638 г.	Енисейский разряд с 1677 г.	Верхотурский разряд дек. 1687-1693 г.
Тобольск Верхотурье (кроме 1688-1693 гг.) Цельм (кроме 1688-1693 г.) Туринск (кроме 1688-1693 гг.) Тюмень Тара Березов Сургут Мангазья (до 1677 г.)	Томск Нарым Кетск Кузнецк Енисейск (до 1677 г.) Красноярск (до 1681 г.)	Якутск* Илимск** (с 1648 г.)	Енисейск Мангазья Нерчинск Албазин (существовал в 1682- 1689 гг.) Иркутск (с 1681-1682 гг.) Красноярск*** (с 1681 до 1688 г.)	Верхотурье Цельм Туринск

* К концу XVII в. Якутский уезд включал всю Северо-Восточную Сибирь.

** В течение второй половины XVII в. Илимск входил то в Ленский, то в Енисейский разряды.

*** Согласно сведениям В.А.Александрова и Н.Н.Покровского, Сибирский приказ в 1688 г. вывел Красноярский уезд из подчинения енисейским воеводам (Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 102).

Несколько слов о приведенном ниже хронологическом перечне воевод сибирских городов. Когда я только начинал работу над темой, я, естественно, пользовался давно известными справочниками К.Б.Газенвинкеля (его "Систематический перечень..." опубликован в кн.: Приложение к календарю Тобольской губернии на 1893 г. Тобольск, 1892) и А.П.Барсукова (Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902). По мере знакомства с архивными материалами и специальной литературой я убедился, что указанные справочники далеко не всегда точны.

Публикуя свой перечень лиц сибирской администрации XVII в., я должен сказать, как он составлен. В его основу положены материалы сибирского летописания (ПСРЛ. М., 1987. Т.36, ч.1. Группа Есиповской летописи). Списки воевод по отдельным городам, составленные по указанному источнику, были затем уточнены и дополнены сведениями, извлеченными из архивных делопроизводственных материалов. Отдавая безусловное предпочтение этим сведениям и используя итоги своей работы с фондом Сибирского приказа РГАДА, я предпринял сплошной просмотр публикаций источников и литературы последних десятилетий по истории Сибири XVII в. (хотя, несомненно, что-то и не попало в поле моего зрения). Из работ по самой разной проблематике я старался извлечь только те факты (относительно фамилий и дат правления воевод), которые непосредственно опирались на архивный источник. Внеся на основе этого определенные коррективы, я сравнил, наконец, полученный список с перечнем К.Б.Газенвинкеля. Последний, как известно, детально проработал опубликованные в XIX в. источники и использовал рукописный перечень воевод Г.Ф.Миллера на немецком языке. Таким образом, последний ряд уточнений (там, где я посчитал возможным) связан со сведениями справочника К.Б.Газенвинкеля. Остается добавить, что публикуемый список воевод совершенно независим от работы А.П.Барсукова.

Поставив цель составить справочник, удобный для пользования, я не стал указывать источники расхождений с предыдущими изданиями аналогичного характера: это бы чрезвычайно загромодило текст. Разумеется, данный перечень не является окончательным. По целому ряду личностей пришлось довольствоваться указаниями только Сибирского летописного

свода: надо думать, что введение в научный оборот новых архивных материалов со временем исправит недостатки данного перечня.

Принцип датировки времени воеводства тех или иных лиц отличается от принятого К.Б.Газенвинкелем. У человека, впервые заглянувшего в его справочник, может сложиться впечатление, что воеводы с удивительной пунктуальностью сменяли друг друга накануне 1-го января. Другими словами, если, например, смена воевод какого-либо города произошла весной 1627 г., то К.Б.Газенвинкель воеводство предыдущего ограничивает 1626 г. В нашем же перечне 1627 г. будет указан дважды – для предыдущего и для нового воеводы.

Точные даты приезда новых воевод для Тобольска зафиксированы в Сибирском летописном своде. Другие известные мне даты смены воевод по разным сибирским городам я не стал указывать ввиду их немногочисленности и разрозненности. В самых сомнительных случаях вместо даты поставлен знак вопроса. Менее всего уверенности в правильности чередования подъячих с приписью (это касается в основном Верхотурья). В "Дополнительных сведениях" иногда указывается дата назначения воеводы или дата составления наказа. Это не одно и то же, хотя обычно между ними лежал небольшой срок (10 – 15 дней).

Принятые сокращения

- бояр. – боярин
 д. – дьяк
 кравч. – кравчий
 ок. – окольничий
 п.г. – письменный голова
 под. с пр. – подъячий с приписью
 ст. – стольник
 стр. – стряпчий

Хронологический перечень сибирских воевод конца XVI - XVII в.

Березов

Фамилия, имя, отчество	Годы правления	Дополнительные сведения
Траханиотов Никифор Васильевич, кн. Волконский Михаил Петрович, п.г. Змеев Иван, затем - п.г. Благый Иван Афанасьевич	1593-1594	И.А.Благый отмечен в 1594 г.
Вольнский Василий Степанович, п.г. Микулин Григорий Иванович	?-1596-1597	Микулин в 1595-1596 гг. был п.г. в Пельме
Плещеев Василий Тимофеевич, п.г. Нащокин Алексей, затем - п.г. Лазарев Тимофей Матвеевич	1597-1599	Т.М.Лазарев сменил А.Нащокина в 1599 г.
Вольнский Иван Григорьевич, п.г. Биркин Иван Петрович	1599-1601	
кн. Борятинский (Манка) Иван Михайлович, п.г. Викентьев Григорий Потапович	1601-1603	
кн. Татев Федор Андреевич, п.г. Кобыков Юрий Игнатьевич	1603-1605	
кн. Черкасский Петр Ахамашукович, п.г. Зубов Иван Игнатьевич	1605-1608	
Вольнский Степан Иванович, п.г. Стромиллов Юрий Яковлевич	1608-1611	
кн. Борятинский (Манка) Иван Михайлович	1611-1613	
Биркин Иван Иванович, Нармацкий Василий Самсонович	1613-1615	В 1615 г. Биркин переведен в Мангазею
Зюзин Беляница Лаврентьевич, Нармацкий Василий Самсонович	1615-1618	В 1617/18 г. Зюзин умер в Березове
Вельяминов Данила Афанасьевич	1619-1620	
Писемский Иван Прохорович, Демьянов Яков Афанасьевич	1620-1623	
кн. Козловский Федор Андреевич, Ширин Андрей Иванович	1623-1625	Назначены 13.01.1623
кн. Волконский Лев Михайлович, Зубов Илья Иванович	1625-1627	Назначены 25.01.1625
кн. Белосельский Михаил Васильевич	1627-1629	
Пушкин Воин Тимофеевич	1629-1631	

Давыдов Иван Никифорович	1631-1633	Назначен 14.01.1631
Плетцев (Менюк) Алексей Афанасьевич	1633-1635	
Точчаинов Афанасий Михайлович	1635-1639	Назначен 21.01.1635
Францесков Иван Андреевич	1639-1643	Назначен в феврале 1639 г.
Квашин Мелентий Клементьевич	1643-1647	
ст. Лодыженский Михаил Семенович	1647-1649	В 1653-1660 гг. был воеводой в Якутске
Лихарев Яков Никитич	1649-1652	
Волков Григорий Васильевич	1652-1655	
Малой Сергей Андреевич	1655-1657	
Миллоков Иван Матвеевич	1657-1659	
стр. Zubov Борис Афанасьевич	1659-1663	
Давыдов Алексей Петрович	1663-1667	
ст. кн. Гагарин Петр Афанасьевич	1667-1670	Переведен из Нарыма. В 1670 г. умер в Березове С.б. из Тобольска
Толбузин Фаддей Ларионович	1670-1672	С.б. из Тобольска
Шульгин Яков Григорьевич	1672-?	С.б. из Тобольска
ст. Огарев Евсвий Григорьевич	1673-1677/78	
ст. кн. Гагарин Василий Михайлович	1677/78 - 1680/81	
ст. Языков Сергей Саввич	1680/81-1683	
ст. Фангорн Михаил Иванович	1683-1686	
ст. Грибослов Иван Федорович	1686-1689	В 1688 г. оставлен на второй срок по челобитью жителей
ст. Кишкин Тимофей Алексеевич	1689-1691	
ст. Кайсаров Иван Иванович	1691-1693	Наказ от января 1691 г.
ст. Тальзин Лукьян Иванович	1693-1696	
ст. Хрущев Леонтий Федорович	1696-1701-?	

Верхотурье

Фамилия, имя, отчество	Годы правления	Дополнительные сведения
Головин Василий Петрович, п.г. Восейков Иван Васильевич	лето 1598 - апр. 1599	
кн. Вяземский Иван Михайлович, п.г. Салманов Гавриил Самойлович	апр. 1599-1601	Вяземский умер в Верхотурье в июле 1600 г.
кн. Львов Матвей Данилович, п.г. Новосильцев Угрюм Васильевич	1601-1603	
Плещеев Неудача Остафьевич, п.г. Хлопов Матвей Степанович	1603-1605	

Годунов Степан Степанович, п.г. Загряжский Алексей Федорович	1605-1608	
Годунов Степан Степанович, Плещеев Иван Михайлович	1609-1613	В 1613 г. Годунов - уже боярин
бояр. Годунов Степан Степанович, Зювин Беляница Лаврентьевич	1614 г.	В 1614 г. Годунов умер
Головин Иван Васильевич, Плещеев Федор Иванович, под. с пр. Спицын Василий	?-1616	
Плещеев Федор Савич, Дуров Федор Демитьевич, под. с пр. Ильин Василий	1616-1620	
Пушкин Иван Иванович, Zubov Дмитрий Иванович	1620-1623	В 1622 г. указан только Пушкин
кн. Борятинский Никита Петрович, Языков-Хомяков Максим Семенович, под. с пр. Иевлев Андрей	1623-1625	
кн. Пожарский Дмитрий Петрович, Уваров Игнатий Андреевич, под. с пр. Страхов Кална	апр. 1625-весна 1627	
кн. Гагарин Семен Никитич, под. с пр. Максимов Петр	1627-1629	
Плещеев Никифор Юрьевич, под. с пр. Максимов Петр	1629-1631	В сент 1630 г. указан под. Н.Т. Матюшкин
Бояшев Федор Михайлович, под. с пр. Матюшкин Никифор	1631-1633	В 1631 г. Матюшкин умер. На его место назначен В.Шестаков
Милославский Данила Иванович, под. с пр. Шестаков Второй	1633-1635	
Бропкин Иван Федорович, под. с пр. Селетцын Иван	1635-1639	
Корсаков Воин Лукьянович, под. с пр. Михайлов Петр	1639-1641	Назначены в февр. 1639 г. Корсаков в 1627/28-1629 гг. - воевода в Туринске
кн. Мешерский Никифор Федорович, под. с пр. Зягин Семен	1641-1644	
Стрепнев Максим Федорович, под. с пр. Лихачев Максим	1644-1646	В февр. 1646 г. Лихачев сменил Ф.Постников
Дворянинов Борис Семенович, под. с пр. Постников Федор - затем под. с пр. Недовесков Игнатий	1646-февр. 1649	В 1649 г. Дворянинов умер в Верхотурье
Всеволожский Раф Родионович, под. с пр. Марков Алексей - затем под. с пр. Похабов Григорий	1649-1652	

Измайлов Лев Тимофеевич, под. с пр. Постников Михаил	1652-1656	
ст. Хигрово Иван Севастьянович, под. с пр. Каменский Федор	1656-1659	
ст. Камынин Иван Богданович	1659-1664	С янв. 1661 г. под. с пр. И.С.Бактемиров
ст. Колтовской Иван Яковлевич, под. с пр. Богданов Василий	1664-1669	
ст. Хрущев Федор Большой Григорьевич, под. с пр. Софонов Богдан - затем под. с пр. Тютчев Савва Юрьевич	1669-1676 с 1673	С 24 нояб. 1672 по 13 марта 1673 г. временно воеводствовал в Тобольске
ст. Пушкин Иван Федорович, д. Афанасьев Дмитрий Иванович	1676-1679	Пушкин в 1673-1676 гг. был вторым воеводой в Тобольске
ст. Павлов Родион Михайлович, под. с пр. Иванов Автоном	1679-1680	В 1664-1670 гг. Павлов был воеводой в Малгазе
ст. Лопухин Федор Абрамович, под. с пр. Парфенов Афанасий	1680-1682	
ст. Толстой Михаил Андреевич, д. Палицын Осип - затем д. Бурцев Петр	март 1682- февр. 1685	
ст. Нарышкин Григорий Филимонович, д. Бурцев Петр - затем д. Иванов Осип	февр. 1685-1691	Бурцев в Верхотурье умер. Нарышкин в 1688 г. стал околыничем
ст. Нарышкин Михаил Григорьевич	1691-1693	
думный дворянин Цыклер Иван Елисейевич под. с пр. Колошин Лука	1693-1696	Цыклер казнен 4 марта 1697 г. за участие в заговоре против Петра I
ст. Протасьев Дмитрий Петрович, ст. Протасьев Василий (сын Д.П.), под. с пр. Колошин Лука	1696-1698	
ст. Козлов Кузьма Петрович, ст. Козлов Г.И. (племянник К.П.), под. с пр. Пустобородов Алексей - затем под. с пр. Бобоседов Кузьма	1698-1702	Наказ от сент. 1697 г.

Енисейск

Фамилия, имя, отчество	Годы правления	Дополнительные сведения
Албычев Петр, Рукин Черкас	лето 1619 г.	Албычев - с.б. из Пельма, потомок местных князей. Рукин - ступенчатый сотник
Трубачинов Максим	осень 1619-1620	С.б. из Тобольска

Ушаков Михаил Прокопьевич	1620-авг. 1621	С.б. из Тобольска
Байгалин Михаил Осипович	1621-1622	С.б. из Тобольска
Хмелевский Павел	1622-1623	С.б. из Тобольска
Хрипунов Яков Игнатьевич	апр. 1623-1625	Первый воевода, при- ехавший из Москвы
Ошанин Андрей Леонтьевич	1625-1627	
Аргамаков Василий Алексеевич	1627-1629	
кн. Шаховской (Харя) Семен Иванович	1629-1631	Известный писатель XVII в.
Кондрев Ждан Васильевич	1631-1633	Назначен 4 янв. 1631 г.
Племянников Андрей Андреевич	1633-1635	Назначен 11 окт. 1632 г.
ок. Соковнин Прокопий Федорович	1635-1638	Назначен 21 янв. 1635 г.
Вережкин Никита Логинович	1638-1641	Приехал в Тобольск в 1636 г. с архиепископом Нектарием переписывать вмучество Софийского дома
Аничков Осип Герасимович, под. с пр. Шпилькин Василий Григорьевич	1641-1644	Аничков умер в Енисейске 8 дек. 1644 г.
Уваров Федор Федорович, под. с пр. Шпилькин Василий Григорьевич	1645-1647	В 1647 г. Уваров посажен в Енисейске на 3 дня в тюрьму - за конфликт с воеводами Томска
Полибин Федор Потапович	1647-1650	
Пашков Афанасий Филиппович, под. с пр. Панов Викула	1650-1655	Весной 1656 г. Пашков отправился с отрядом служилых людей в Забайкалье
Акинфов Иван Павлович	1655-1657	В 1651-1653 гг. был воеводой в Якутске
Ртищев Максим Григорьевич	1657-1659	Назначен 17 февр. 1656 г.
ст. Ржевский Иван Иванович, под. с пр. Панов Викула	1659-1663	
Голохвастов Василий Елизарович	1663-1666	
ст. Яковлев Кирилл Аристархович	1666-1673	В 1682-1684 гг. - второй воевода в Тобольске
ст. Приклонский Михаил Васильевич	1673-1677	В 1680-1681 гг. - второй воевода в Тобольске
бояр. кн. Борятинский Иван Петрович, д. Телицын Василий Иванович, п.г. Козмин Дмитрий Лазарев Кузьма	1677-1680	Первая разрядная адми- нистрация в Енисейске. Борятинский в 1666-1670 гг. был воеводой в Якутске

ст. Салтыков Александр (Федор) Петрович, д. Софонов Богдан Леонтьевич, п.г. Кислянский Леонтий Константинович	1680-1683	Салтыков был внуком М.Г.Салтыкова, который в 1612 г. эмигрировал в Польшу. А.П. вернулся при Алексее Михайловиче. В янв. 1684 г. царь Иван Алексеевич женился на его дочери Прасковье
бояр. кн. Щербатый Константин Осипович, д. Софонов Богдан Леонтьевич, п.г. Акулов Василий Панкратович Кислянский Леонтий Константинович	1683-1685	
ст. Собакин Степан Афанасьевич, д. Юдин Иван Яковлевич, п.г. Горчаков Алексей Львович	1685-июль 1686	
ст. Новосильцов Григорий Владимирович	1686-1688	Смешен с воеводства по челобитью горожан. Временно должность воеводы исполнял с.б. Иван Перфильев
ст. кн. Вяземский Яков Иванович	1689-1691	
ст. Коробьин Степан Васильевич	1691(?) -1694	
ст. Римский-Корсаков Михаил Игнатьевич, п.г. Кафтырев Христофор	1694-июнь 1697	
ст. Глебов Богдан Данилович	июнь 1697-1706	В 1686-1689 гг. был вторым воеводой в Тобольске

Илимск

Фамилия, имя, отчество	Годы правления	Дополнительные сведения
Шушерин Тимофей Васильевич	сент.1649-март 1651	12 марта 1651 г. Шушерин умер. "Досуживал" его зять А.Я.Львов
Оладын Богдан Денисович	сент.1651-окт.1656	
стр. Бунаков Петр Андреевич	1656-1660	
Вяздомский Тихон Андреевич	1660-1662	Наказ от 21 апр. 1659 г.
Обухов Лаврентий Андреевич	1662-1665	Убит во время восстания под предводительством Н.Р.Черниговского

Расторгуев-Сащалов Алексей Ларионович	май 1665-окт.1666	С.б. из Тобольска
Аничков Сила Осипович	окт.1666-1676	
ст. Зубов Иван Дмитриевич	сент.1676-1679	
ст. кн. Гагарин Иван Петрович	окт. 1679-1683	В 1691-1694 гг. был воеводой в Иркутске
ст. Змеев Илья Андреевич	1683-1686	
Павлов Федор Михайлович	1686-1689	В 1687 г. был посажен в местную тюрьму по указу тобольского воевог.м А.П.Головина
ст. Пятой Еремей Ларионович	1689-1691	
ст. Грибослов Григорий Федорович	сент.1691-1694	
ст. Челишев Богдан Анфимович	сент.1694-лето 1696	Смешен населением города. В 1691-1693 гг. был воеводой в Туринске
Качин Иван Никифорович	лето 1696-2 апр.1697	Иркутский с.б., представитель выборного самоуправления.
Перфильев Остафий Иванович	2 апр.1697-сент.1698	Иркутский с.б.
Качанов Федор Родионович	сент.1698-1707	

Иркутск

Фамилия, имя, отчество	Годы правления	Дополнительные сведения
Похабов Яков Иванович	1661	С.б. из Енисейска основатель Иркутского острога
До 1681 г. в Иркутск назначались приказные люди из Енисейска		
ст. Власов Иван Евстафьевич	нач.1681-февр.1684	В 1684-1690 гг. был воеводой в Нерчинске
ст. Кислянский Леонтий Константинович	февр.1684-1687	С 1680 г. был п.г. в Енисейске
ст. Снявин Алексей Сидорович	1687-1689	В 1693-1696/97 гг. был воеводой в Кузнецке
ст. Кислянский Леонтий Константинович	1689-1691	Наказ от 25 мая 1688 г.
ст. кн. Гагарин Иван Петрович, ст. кн. Гагарин Матвей Петрович	1691-1694	И.П.Гагарин в 1679-1683 гг. был воеводой в Илимске
Савлов Афанасий Тимофеевич	1694-весна 1697	Получил "отказ" от воеводства со стороны служилых людей

ст. Полтев Семен Тимофеевич		Умер, не доехав до Иркутска.
Перфильев Иван	весна 1697- окт. 1698	Иркутский с.б., временно исполнял обязанности воеводы
ст. Николев Иван Федорович	окт. 1698-1700	Переведен в 1700 г. воеводой в Туруханск
ст. Шишкин Юрий Федорович, ст. Шишкин Михаил Юрьевич (сын Ю.Ф.)	с 1700	Переведены из Туруханска

Кетск

Фамилия, имя, отчество	Годы правления	Дополнительные сведения
Федоров Тутарин	1602-?	Сургутский казачий атаман, предположительно основатель Кетского острога
Нет сведений	1603	
п.г. Бельский Постник	1604-1605	П.г. из Тобольска
п.г. Молчанов Владимир	1607-1608	
Елизаров Григорий Федорович	1608-1612	
Федоров Тутарин	1614	
Челищев Чеботай Федорович	1615-1620	13 июля 1620 г. из Тобольска послан с.б. В.Тырков отстранить Челищева от должности и привести в Тобольск
Колтовской Яков Васильевич	1621-1623	Назначен 29 февр. 1620 г.
Басакаев Иван Алексеевич	1623-1625	
Кологривов Иван Петрович	1625-1627	
Полтев Давида Иванович	1627-1629	
Сумин Лармон Григорьевич	1629-1631	
Румянцев Иван Иванович	1631-1633	Назначен 14 янв. 1631 г.
кн. Шелеспанский Семен Иванович	1633-1635	Назначен 11 окт. 1632 г.
Уваров Яков Иванович	1635-1639	Назначен 25 янв. 1635 г.
Отязв Василий Петрович	1639-1643	Назначен в февр. 1639 г. На обратном пути посажен в Тобольске на 1 мес. в тюрьму
Нелепинский Василий Васильевич	1643-1647	
Дурново Герасим Федотович	1647-1650	
Лутовинов Степан Ефимович	1650-1659	
Загарин Григорий Борисович	1659/60-?	
стр. Хрущев Давида Иванович	?-1666	

Монастырев Иван Федорович	1666-1673	С авг. 1667 г. - одновременно воевода Нарыма
стр. Губин Антон Давидович Губин Иван (сын А.Д.)	1673-1676/77	Одновременно воевода в Нарыме
Бахметьев Андрей Петрович	1676/77-1680	
Шишкин Василий Федорович Шишкин Михаил (сын В.Ф.)	1680-1682	Одновременно воевода в Нарыме

В последующие годы воевода в Кетске являлся одновременно воеводой в Нарыме

Красноярск

Фамилия, имя, отчество	Годы правления	Дополнительные сведения
Дубенский Андрей Ануфриевич	1628-1629	Основатель Красноярского острога. Московский дворянин, приехал в Сибирь с енисейским воеводой Хрипуновым в 1623 г.
Акифов Архип Федорович	1629-1631	Первый воевода, приехавший из Москвы. Наказ от 31 янв. 1629 г.
Карамышев Никита Иванович	1632-1636	Наказ от 25 янв. 1632 г.
Мякинин Федор Михайлович	1636-1639	
Басакаев Алферий Петрович	1640-1644	
Протасьев Петр Ануфриевич	янв. 1645-1647	
Дурново Михаил Федорович	1648-1649	В 1649 г. умер в Красноярске
Бунаков Андрей Андреевич	1649-1652	
Аничков Матвей Осипович		Умер в Тобольске в 1651 г. по дороге в Красноярск
Скрябин Михаил Федорович	1652-1654	
Мотовилов Давида Харипонович	1654-?	
Веригин Андрей Васильевич	?-1664	
Никитин Герасим Петрович	1664-1667	
Сумароков Алексей Михайлович	1667-1675-?	
Загряжский Давида Григорьевич	?-1678-1679-?	
Корсаков Дмитрий Степанович	?-1680-1684	
ст. Шишков Григорий Иванович	1684-1686	
Башковский Игнатий Васильевич	1686-1689	
ст. Поскочин Лев Миронович	авг. 1689-1691	
ст. Мусин-Пушкин Петр Саввич	1691-1694	
ст. Башковский Алексей Игнатьевич	1694-май 1695	Получил "отказ" от воеводства со стороны жителей Красноярска

Башковский Мирон Игнатьевич	авг.1695- приезд	Сидел в ошце от красноярцев 10 мес.
ст. Дурново Семен Иванович	авг.1696- март 1698	В апр.1698 г. уехал в Енисейск, в авг. 1698 г. вернулся, но был выгнан из города
Лисовский Степан Самойлович	март 1698- 28 авг. 1698	П.г. из Енисейска
Бейтон Яков	28 авг. 1698-?	Московский дворянин, назначен из Енисейска
ст. Мусин-Пушкин Петр Саввич, Мусин-Пушкин Федот (сын П.С.)	1699-1703	

Кузнецк

Фамилия, имя, отчество	Годы правления	Дополнительные сведения
Боборыкин Тимофей Степанович, Аничков Осип Герасимович	1620-1623	Т.С.Боборыкин - племянник томского воеводы Ф.В. Боборыкина
Баскаков Евдоким Иванович	1623-1625	В 1633-1635 гг. был воеводой в Пелыме
Голенищев-Кутузов Федор Иванович	1625-1627	
Языков Савва Александрович	1627-1629	
кн. Волконский Иван Михайлович	1629-1631	
Нащокин Федор Иванович	1631-1633	Назначен 14 янв. 1631 г.
Хонсисев Федор Кузьмич	1633-1635	Назначен 11 окт. 1632 г.
Кушелев Григорий Яковлевич	1635-1639	Назначен 21 янв. 1635 г.
Кафтырев Дементий Васильевич	1639-1643	
Зубов Афанасий Иванович	1643-1648	
Сыгин Афанасий Филиппович	1648-1651	
Баскаков Федор Евдокимович	1651-1652-?	
Павлов Федор Давидович	?-1656-1659	
Овшин Василий Дмитриевич	1659-1664	
Кокоскин Иван Романович	1664-1666	
Доможиров Никита Борисович	1666-1672	Умер в Кузнецке в нояб. 1672 г.
Доможиров Логин Никитич (сын Н.Б.)	конец 1672-1674	"Досаживал" вместо умершего отца
Волков Григорий Васильевич	1674-1676/77	
ст. Давыдов Иван Ильич	1676/77-1681	
Дубровский Петр Иванович	1681-1684	Назначен 13 февр.1681 г.
Конищев Иван Меркурьевич	1684-1689	
Скрыплев Степан	1689-1691	

ст. Писарев Алексей Федорович	1691-1693	
ст. Снявину Алексей Сидорович	1693-1696/97	Иркутский воевода в 1687-1689 гг.
Нарыков Лев Деметьевич	1696/97-1699	
ст. Снявину Ларион Якимович	1699-1703	Переведен из Нарыма

Мангазель

Фамилия, имя, отчество	Годы правления	Дополнительные сведения
кн. Шаховской Мирон Михайлович, п.г. Хрипунов Данила	1600	Возглавляли неудачный поход с целью постройки Мангазейского острога
кн. Кольцов-Мосальский Василий Михайлович, п.г. Пушкин Савлук Евстафьевич	1601-нач.1603	Строители острога. Кн. Мосальский - п.г. из Тобольска, Пушкин - сын тобольского воеводы Е.М.Пушкина
Булаков Федор Юрьевич, п.г. Елчанинов Никифор Григорьевич	1603-1606	Наказ от 25 янв. 1603 г.
Жеребцов Давид Васильевич, п.г. Давыдов Курдюк Петрович	1606-1608	
Нелединский Иван Юрьевич, п.г. Забелин Степан Федорович	1608-1613	Наказ от 16 февр. 1608 г. В 1613 г. Нелединскому указано ехать в Москву, город сдать Забелину
Новокшенов Воин Афанасьевич, п.г. Забелин Степан Федорович	1613-1615	
Биркин Иван Иванович, Новокшенов Воин Афанасьевич	1615-1618	Биркин в 1613-1615 гг. был воеводой в Березе
Вольнский Петр Васильевич	1618-1620	
Погожий Дмитрий Семенович, Тонсеев Иван Федорович	1620-1623	Назначены 29 февр. 1620 г.
Пушкин Иван Никитич, Уваров Федор Владимирович	1623-1625	
кн. Мышецкий Ефим Федорович, Волохов Андрей Афанасьевич	1625-1627	
Боборыкин Тимофей Васильевич, Полтев Поликарп Семенович	1627-1629	Назначены 18 янв.1627 г. В 1629 г. дела новым воеводам сдавал только Полтев
Кокорев Григорий Иванович, Палицын Андрей Федорович	1629-1631	
Давыдов Василий Алексеевич, Клокачев Дмитрий Федорович	1631-1633	Назначены 14 янв. 1631 г.

Орлов Григорий Никитич, д. Атарский Василий Елизарьевич	1633-1635	Назначены 11 окт. 1632 г.
Пушкин Борис Иванович, д. Спиридонов Павел	1635-1639	Назначены 21 янв. 1635 г.
кн. Борятинский Никита Михайлович, д. Обоуров Богдан	1639-1642	Борятинский здесь умер, "досаживал" дяк
кн. Ухтомский Петр Михайлович, д. Обоуров Богдан	1642-1647	Новый дяк Григорий Те- ряев умер по дороге в Мангазею в янв. 1644 г.
Тухачевский Яков Остафьевич	1647	Был на воеводстве 6 недель, умер 17 сент. 1647 г. До весны 1648 г. "досаживал" его сын Василий
Секерин Андрей Тихонович, под. с пр. Черной Яков Иванович	1648	Секерин - пл. из Тобольска. Умер в Мангазее
Секерин Андрей Андреевич (сын А.Т.), под. с пр. Черной Яков Иванович	осень 1648-1649	
Байков Федор Исаевич	1649-1652	Наказ от 31 дек. 1648 г. В 1654-1657 гг. возглавлял посольство в Китай
Корсаков Игнатий Степанович	1652-1656	
Ларионов Семен Васильевич	1656-1659	
Квацнин Исай Максимович	1659-1664	Назначен 3 февр. 1659 г.
Павлов Родион Михайлович	1664-1670	В 1679-1680 гг. был воеводой в Верхотурье
стр. Наумов Данила Трофимович	1670-1676	В 1672 г. переехал в Туруханск (Новую Мангазею)
В 1672 г. мангазское воеводство переведено в Туруханск (указ от сент. 1671 г.)		
ст. Савелов Иван Петрович, под. с пр. Сафонов Богдан Леонтьевич	1676-1680	Савелов отстранен подьячего от дела и выслан из города
ст. Беклемишев Михаил Петрович	1680-1684	
ст. Полтев Иван Федорович	1684-1686	Здесь умер. "Досаживал" его сын Роман
ст. Протасьев Александр Петрович	1686-1691	
ст. Заболотский Андрей Владимирович	1691	
ст. Сытин Карл Евтихьевич	1691/92-1693	
стр. Волчков Михаил Семенович	1693-1697	
ст. Шишкин Юрий Федорович, ст. Шишкин Михаил (сын Ю.Ф.)	1697-1700	Переведены в Иркутск
ст. Николов Иван Федорович	с 1700	Переведен из Иркутска

Фамилия, имя, отчество	Годы правления	Дополнительные сведения
Федоров Тугарин	1598-?	Сургутский казачий атаман, строитель острога
Нет сведений	1599-1610	
Хлопов Мирон Тимофеевич	1611-1615	
Языков-Хомяков Иван Петрович	1615-1622	
Янов Василий Федорович	1622-1625	
Полтев Федор Иванович	1625-1627	
Ушаков Степан Михайлович	1627-1628	Умер в Нарыме в 1628 г.
Салманов Павел Иванович	1628-1629	П.г. из Тобольска
Усов Анарей Васильевич	1629-1631	
Бестужев Иван Никифорович	1631-1633	Назначен 14 янв. 1631 г.
Загоскин Иван Андреевич	1633-1635	Назначен 11 окт. 1632 г.
Племьянников Владимир Семенович	1635-1639	Назначен 21 янв. 1635 г.
Скобельцын Иван Леонтьевич	февр. 1639- июль 1643	Назначен в февр. 1639 г.
Чадаев Иван Артемьевич	1643-1647	
Нарбеков Афанасий Самойлович	1647-1649	
Головачев Федор Федорович	1649-1652	
Баскаков Алферий Петрович	1652-1654	Здесь умер
Нашокин Семен Владимирович	1655-1656	Племьянник томского воеводы Н.О.Нашокина
Лодыженский Алексей Иванович	1656-1659	Назначен 17 февр. 1656 г.
Золотарев Яков Иванович	1659-?	
Засецкий Иван Матвеевич	?-1665	
ст. кн. Гагарин Петр Афанасьевич	1665-1667	В 1667 г. переведен воеводой в Березов
Монастырев Иван Федорович	1667-1673	Один воевода для Кетска и Нарыма. В 1671-1673 гг. - еще и томский воевода
стр. Губин Антон Данилович, Губин Иван (сын А.Д.)	1673-1676/77	Одновременно воевода в Кетске
ст. Бухвостов Василий Борисович	1676/77-1680	В 1680-1682 гг. был воеводой в Пелыме, в 1689 г. - в Сургуте, в 1693-1695 гг. - вторым воеводой в Тобольске
Шишкин Василий Федорович, Шишкин Михаил (сын В.Ф.)	1680-1682	Одновременно воевода в Кетске
В последующие годы воевода в Нарыме являлся одновременно и воеводой в Кетске		
ст. Павлов Иван Семенович	1682-1686	
Трегубов Василий Матвеевич	1686-1689	
ст. Дурново Иван Иванович	1689	Переведен в Томск
ст. Дурново Нефед Петрович	1689-?	
ст. Биркин Алексей Васильевич	?-1693-1697	
ст. Сиявяин Ларион Якимович	1697-1699	
ст. Черкасов Иван Миронович	1699-1707	

Нерчинск и даурские остроги

Фамилия, имя, отчество	Годы правления	Дополнительные сведения
Пашков Афанасий Филиппович, Пашков Еремей (сын А.Ф.)	1656-1661	Возглавлял экспедиционный корпус в Забайкалье. В 1658 г. А.Ф.Пашков перенес Нерчинский острог (осн. в 1653 г.) на другое место
Толбузин Ларион Борисович	1661-1668	С.б. из Тобольска
Аршинский Данила Данилович	1668-1673	Ротмистр литовского списка из Тобольска
Шульгин Павел Яковлевич	нояб. 1673-1677	С.б. из Тобольска
Лопшаков Григорий	1677-1679	С.б. из Енисейска
ст. Восейков Федор Демитриевич	?-1681-1684	Первый воевода, приехавший из Москвы
ст. Власов Иван Евстафьевич	1684-1690	В 1681-1684 был воеводой в Иркутске
ст. Скрипичин Федор Исаевич	1690-1693	
ст. кн. Гагарин Матвей Петрович	1693-1695	В 1691-1693 гг. был товарищем иркутского воеводы (родного брата - Гагарина И.И.)
Савелов Антон Тимофеевич	1695-1697	В окт. 1695 г. получил "отказ" от воеводства со стороны служилых людей и жителей Нерчинска
Аршинский Иван	конец 1695-1697	Нерчинский с.б. Представитель выборного самоуправления
Николев Самойло Федорович	1697-1698	Здесь умер в 1698 г. По указу "досиживал" его сын
Николев Иван (сын С.Ф.)	1698-1702	

Пельм

Фамилия, имя, отчество	Годы правления	Дополнительные сведения
кн. Горчаков Петр Иванович, п.г. Ушаков Семен	1593-?	Строитель Пельмского острога
Толстой Василий	?-1594-?	
Полев Богдан Иванович, п.г. Микулин Григорий Иванович	?-1595- июнь 1596-?	Микулин в 1596-1597 гг. - п.г. в Березюк
Шаховской Петр Михайлович, п.г. Юшков Деметрий Григорьевич	?- 1597- 1598-?	В мае 1598 г. Юшков указан один

Траханиотов Тихон Иванович, п.г. Вердеревский Петр Григорьевич	1599-1601	
кн. Долгорукий (Чертенюк) Василий Григорьевич, Пушкин Гавриил Григорьевич	1601-1603	
Зюзин Алексей Иванович, п.г. Радилов Максим Иванович	1603-1605	
Годунов Иван Михайлович, п.г. Загряжский Петр Иванович, затем - п.г. Исленьев Петр Данилович	1605-1609	
Вольнский С.	1610-?	
Исленьев Петр Данилович	1612	
Годунов Федор Алексеевич, Орлов Григорий Никитич	1613-1616	
Вельяминов Иван Яковлевич, Орлов Григорий Никитич	1616-1620	
кн. Волконский Никита Андреевич, затем - Зубатой Иван Федорович	1620-1621	Волконский здесь умер. В 1613-1620 гг. Зубатой был вторым сургутским воеводой
Вельяминов Петр Никитич	1621-1623	Назначен 30 янв. 1621 г.
Вельяминов Иван Матвеевич	1623-1625	Назначен 13 янв. 1623 г.
Вердеревский Иван Петрович	1625-1627	Назначен 25 янв. 1625 г.
Корсаков Воин Лукьянович	1627/28	Переведен в Туринск
Алябов Григорий Андреевич	1627/28-1630	
Горихвостов Григорий Иванович	1630-1631	
Урусов Иван Степанович	1631-1633	Назначен 14 янв. 1631 г.
Басакаев Ефодким Иванович	1633-1635	Назначен 11 окт. 1632 г. В 1635 г. попал под смск. В 1623-1625 гг. был воеводой в Кузнецке
Усов Андрей Васильевич	1635-1639	Назначен 21 янв. 1635 г.
кн. Волконский Петр Федорович	1639-1643	Назначен в февр. 1639 г.
Булгаков Андрей - затем кн. Несвицкий Андрей Матвеевич	1643-1646	
Давыдов Андрей Афанасьевич	1646-1649	
Пушкин Иван Никитич	1649-1652	
Львов Петр Иванович	1652-1655	
Измайлов Петр	1655-?	
Веригин Герасим Васильевич	?-1659	
Аничков Иван Никифорович	1659-1664	
Майоров Михаил Иванович	1664-1667	
Стр. Панаев Иван Иванович	1667-1674	
Мотовилов Василий Иванович	1674-1678	
Измайлов Степан Степанович	1678-1680	

ст. Бухвостов Василий Борисович	1680-1682	Переведен из Нарыма. В 1689 г. был воеводой в Сургуте, в 1693-1695 гг. - вторым воеводой в Тобольске
Ушаков Иван Михайлович	1682-1683	Голова тобольских пеших казаков, получил назначение из Москвы
Дурново Иван Иванович	1683-1686	Переведен в Туринск
ст. Ивашкин Нестор Саввич	1686-1689-?	
Бибиков Михаил Афанасьевич	1691-1692	Верхотурский с.б.
ст. Леонтьев Осип Романович	?-1693	
Тырков Михаил Большой Иванович	1693	Верхотурский с.б.
ст. Дурново Степан Иванович	1693-1695	
ст. Рыкачев Матвей Иванович	1695-1701	

Сургут

Фамилия, имя, отчество	Годы правления	Дополнительные сведения
кн. Борятинский Федор Петрович, п.г. Аничков Владимир	1594	В том же 1594 г. Аничков указан один
Плещеев Осип Тимофеевич, п.г. Колемин Иван Иванович	1595-1597	Наказ от 19 февр. 1595 г.
кн. Лобанов-Ростовский Семен Михайлович, п.г. Ржевский Иван Никитич	1597-1599	
кн. Долгорукий Федор Тимофеевич, п.г. Голохвастов Алексей Иванович, п.г. Курлаков Афанасий Иванович	1599-1601	
кн. Борятинский Яков Петрович, п.г. Пивов Владимир	1601-1603	
Головин Федор Васильевич, п.г. Писемский Гаврила Иванович	1603-1604-?	По грамоте от 23 марта 1604 г. Писемский послан для строительства Томска
кн. Жировой-Засекин Иван Федорович, п.г. Тушин Григорий	?-1608	
Вольнский Федор Владимирович, Благой Иван Владимирович	1608-1613	Наказ от 16 февр. 1608 г. В 1612-1613 гг. упоминается один Благой
Корсаков Елизар Фомич, Зубатой Иван Федорович	1613-1615	
Вельяминов Гаврила Григорьевич, Зубатой Иван Федорович	1615-1620	Зубатой в 1620-1621 гг. - воевода в Пельме
Кутузов (Щука) Иван Захарович, Феофильтьев Григорий Иванович	1620-1623	

Безобразов Иван Романович, Шишкин Федор Григорьевич	1623-1625	Шишкин в 1633-1635 гг. был воеводой в Томске, в 1647-1649 - в Туринске
Пушкин Никита Евстафьевич, Белкин Богдан Иванович	1625-1627	
кн. Гагарин (Турок) Михаил Семенович	1627-1629	В 1643-1646 гг. был вторым воеводой в Тобольске
Кокорев Борис Иванович	1629-1631	
кн. Козловский Михаил Григорьевич	1631-1633	Назначен 31 янв. 1631 г.
кн. Львов Петр Дмитриевич	1633-1635	Назначен 11 окт. 1632 г.
кн. Гагарин Данила Григорьевич	1635-1639	Назначен 21 янв. 1635 г.
Вельяминов Андрей Степанович	1639-1642	Назначен в февр. 1639 г.
Воейков Андрей Степанович	1642-1643	
Измайлов Андрей Артемьевич	1643-1645/46	Здесь умер
Костылецкий Гаврила Данилович	1646	С.б. из Тобольска
кн. Кропоткин Петр Васильевич	1646-1647	
кн. Демский Смирной Григорьевич	1647-1649	
кн. Кропоткин Александр Васильевич	1649-1652	
кн. Мещерский Никифор Федорович	1652-1655	Здесь умер
Костылецкий Гаврила Данилович	1655-1656	С.б. из Тобольска
Кондырев Петр Жданов (Тимофеевич)	1656-?	Назначен 17 февр. 1656 г. Здесь умер
Елдезин Никифор Иванович	?	П.г. из Тобольска
Щетнев Василий Федорович	?-1659-?	
Зыков Федор Андреевич	?-1665	
ст. кн. Козловский (Зима) Григорий Савельевич	1665-1671/72	
Козинский Ефим Иванович	1671/72-1672/73	П.г. из Тобольска
ст. Кологривов Мирон Лаврентьевич	1672/73-1676	
ст. кн. Щербатый Константин Нефедьевич	1676-1678/79	
ст. Лихарев Дмитрий Иванович	1678/79-1681	
кн. Борятинский Юрий Афанасьевич	1681-1683	
ст. Вельяминов Лев Андреевич	1683-1686	
ст. Потемкин Федор Иванович	1686-1689	
ст. Бухвостов Василий Борисович	1689-?	В 1676/77-1680 гг. был воеводой в Нарыме, в 1680-1682 гг. - в Пельме, в 1693-1695 - вторым воеводой в Тобольске
ст. Юшков Алексей Александрович	?-1693-1695	
Трусов Михаил Сергеевич	1695-1697	
ст. Вельяминов-Зериов Лев Миронович	1697-1701	

Тара

Фамилия, имя, отчество	Годы правления	Дополнительные сведения
кн. Елецкий Андрей Васильевич, п.г. Елизаров Григорий Доможиров Борис	1594-1595	Основатели города Тара
кн. Елецкий Федор Борисович, п.г. Хлопов Василий Михайлович	1595-1597	Наказ от 10 февр. 1595 г.
Кузьмин Степан Васильевич, п.г. Воейков Андрей Матвеевич, Пивов Петр Васильевич	1597-1599	Наказ от 30 янв. 1597 г.
Старков Яков Иванович, п.г. Пивов Петр Васильевич, Рябинин Федор П.	1599-1601	Наказ от 7 авг. 1599 г.
кн. Бахтеаров-Ростовский Андрей Иванович, п.г. Акинфиев В., Головиников А.	1601-1603	
кн. Солнцев-Засекин Иван Андреевич, п.г. Безобразов Захар Иванович	1603-1606	Наказ от янв. 1603 г.
кн. Гагарин Сила Иванович	1606-1608	Наказ от дек. 1605 г.
кн. Кольцов-Мосальский Иван Владимирович	1608-1611	Наказ от февр. 1608 г.
Годунов Иван Михайлович, Старой Федор	?-1613-1614	
Лутохин Петр Семенович, Старой Федор	1614-?	Наказ Лутохину от марта 1614 г.
Воронцов-Вельяминов Кирилл Семенович,	1616-1619	
Лутохин Петр Семенович		
Вельяминов Сила Яковлевич, Скрябин Федор Андреевич	1620-1623	
Сунбулов Исая Никитич, Чириков Петр Гаврилович	1623-1625	Назначены 13 янв. 1623 г.
Исленьев Степан Иванович, Аргамачов Иван Алексеевич	1625-1627	Назначены 25 янв. 1625 г.
кн. Шаховской Юрий Иванович, Кайсаров Михаил Федорович	1627-1629	С 1629 по 1633 г. жили в Тобольске в опале
Волконский Федор Федорович, Байков Исаак Петрович	1629-1631	
кн. Борятинский Никита Михайлович, С. пин Константин Селиверстович	1631-1633	Назначены 14 янв. 1631 г.
кн. Бельский Федор Самойлович, Кокоскин Неупкой Анд. ревич	1633-1635	Назначены 11 окт. 1632 г.

кн. Борятинский Федор Петрович, Кафтырев Григорий Аггеевич	1635-1639	Назначены 21 янв. 1635 г.
ст. Чоголков Василий Александрович, Тухачевский Яков Остафьевич	1639-1643	Назначены в февр. 1639 г.
кн. Шетинин Петр Иванович, Головачев Федор Федорович	1643-1646	
Бутурлин Григорий Иванович	1646-1649	
ст. кн. Горчаков Василий Андреевич	1649-1652	
Чаадаев Иван Артемьевич	1652-1656	
ст. Измайлов Михаил Тимофеевич	1656-1659	Назначен 17 февр. 1656 г.
кн. Шаховской Михаил Никитич Измайлов Степан Степанович	1659-1662 июль 1662- осень 1667	
кн. Мещерский Федор Никитич	1667-июнь 1673	Переведен из Томска. Ввиду болезни Ф.Н. фактически воеводой был его сын Борис
Клокачев Тимофей Дмитриевич	1673-1674	Здесь умер
Ушаков Иван Гаврилович	1674-1676	П.г. из Тобольска. Здесь умер
Кох Федор Петрович	апр.1676-1678	П.г. из Тобольска
Науум Никита Лаврентьевич	1678	Умер в этом году
Тальзин Иван Лукьянович	1678-1679	П.г. из Тобольска
ст. Лодыгин Матвей Уварович	1679-1681	
ст. Елагин Гаврила Кондратьевич	1681-1684	
ст. Павлов Карп Федорович	1684-1687	
ст. кн. Волконский Гаврила Степанович	1687-1689	
ст. Ивашкин Никита С.	1689-1691	
ст. Сытин Данила Иванович	1691-1694	Наказ от сент. 1690 г.
ст. Турганев Михаил Денисович	1694-1696	Умер здесь в 1694/95 г. "Досяжал" его сын Дмитрий
ст. Воронцов-Вельяминов Митрофан Иванович	1696-1707	

Тобольск

Фамилия, имя, отчество	Годы правления	Дополнительные сведения
п.г. Чулков Данила Данилович	1587-1588	Основатель Тобольска
кн. Кольцов-Мосальский Владимир Васильевич	1588-1590	
кн. Лобанов-Ростовский Федор Михайлович, Вельяминов-Воронцов Батрак Андрей Иванович	1590-1594	

кн. Щербитый Меркурий Александрович, кн. Волконский Михаил, п.г. Пивов Михаил Васильевич	1594-1597	
Бутурлин Ефим Варфоломеевич, п.г. Колядинский Василий Григорьевич, Ржевский Иван Никитич	1597-1599	
ок. Сабуров Семен Федорович, Третьяков Алексей Фомич, д. Витовтов Тимофей Андреевич, п.г. Черемисинов Демид Иванович Алферьев Василий Романович кн. Шаховской МIRON Михайлович	1599-1601	Сабуров здесь умер (не ранее июня 1600 г.)
Шереметев Федор Иванович, Пушкин Евстафий Михайлович, д. Кудрин Тимофей п.г. Образцов Григорий, Милоков Амвросий, Кольцов-Мосальский Василий Михайлович	1601-1603	Наказ от 11 февр. 1601 г.
кн. Голицын Андрей Васильевич, Пушкин Никита Михайлович, д. Панов Василий Никитич, п.г. Бельский Постник Андреевич, Хлопов Гаврила Васильевич	1603-1606	
кн. Троскуров Роман Федорович, Внуков Иван Иванович, д. Голенищев Филипп Федорович, п.г. Вешняков Владимир	1606-1608	
ок. Салтыков Михаил Михайлович, кн. Катыв-Ростовский Иван Михайлович, Нащокин Борис Иванович, д. Федоров Нечай, п.г. Хлопов МIRON Тимофеевич, Шаблыкин Александр Иванович	1608-1612	Салтыков умер в Верхотурье по дороге в Тобольск. На его место был назначен Катыв-Ростовский (шурин Михаила Федоровича Романова)
кравч. кн. Буйинов-Ростовский Иван Петрович, Плещеев Наум Михайлович, д. Федоров Нечай - затем Булыгин Иван Григорьевич, п.г. Плещеев Василий Наумович	1613-1616	Н.Федоров умер здесь в 1613 г.

бояр. кн. Куракин Иван Семенович, кн. Гагарин Григорий Иванович, д. Булыгин Иван Григорьевич, Губин Богдан, п.г. Хрипунов Гаврила Юдин, Секерин Иван Борисович	январь 1616- май 1620	Гагарин в Тобольске умер в 1616 г. Хрипунов и Секерин в 1616 г. отправлены воеводами в Томск
бояр. Годунов Матвей Михайлович, кн. Волконский Иван Федорович, д. Шевырев Иван Афанасьевич	май 1620- май 1623	
бояр. кн. Сулешев Юрий Яншеевич, Плещеев Федор Кириллович, д. Мартемьянов Герасим, Леонтьев Никита, п.г. Зловодов Григорий Клементьевич, Беглецов Никита Наумович	июль 1623- май 1625	
бояр. кн. Трубенкой Дмитрий Тимофеевич, кн. Хованский Андрей Андреевич, Вельяминов МIRON Андреевич, д. Федоров Иван, Угодский Степан, п.г. Лупандин Богдан Полыкарпович, Чаплин Семен Васильевич	май 1625- март 1628	Трубенкой умер 24 июня 1625 г. в Тобольске. В конце 1625 г. на его место прибыл Хованский (был до марта 1628 г.). В 1627 г. Вельяминов сменил И.В. Вольянский Птица. С ним приехали п.г.: Н.С. Бибиков, П.И. Салманов, В.А. Пелинский, Г.К. Челюскин
ст. кн. Трубенкой Алексей Никитич, Вольянский Птица Иван Васильевич - затем Загряжский Григорий Алексеевич, д. Собакин Семен, Евсеев Емельян, п.г. Башмаков Лукьян Данилович, Обрезков Дмитрий Михайлович	март 1628- май 1631	Наказ от января 1628 г. Вольянский Птица умер в Тобольске в 1629 г.
ст. Телятевский Федор Андреевич, Погожий Федор Иванович, д. Прокопьев Дмитрий, Петров Наум, п.г. Юрьев Степан Борисович, Шарапов Федор Иванович, Мартюхин Алексей Юрьевич	май 1631- май 1633	Шарапов бит батогами за неудачный поход в степь

кн. Голицын Андрей Андреевич, Замыцкий Данила Андреевич, д. Полуектов Леонтий Яковлевич, Копылов Семен Матвеевич, п.г. Владыкин Тимофей Степанович, Александров Василий Никитич, Августов-Смышляев Петр Ерофеевич	май 1633- май 1635	
ст. кн. Темкин-Ростовский Михаил Михайлович, Вольнский Андрей Васильевич, д. Пустыльников Дорофей, Протопопов Григорий Евтихеевич, п.г. Волохов Андрей Афанасьевич, Сабуров-Долгих Матвей Владимирович	май 1635- май 1639	
кн. Пронский Петр Иванович, Ловчиков Федор Иванович, д. Трофимов Иван, Галкин Андрей Андреевич, п.г. Бунаков Аника Сидорович, Басакаов Станислав Ульянович	май 1639-1643	Дьяки попали под сыск за растрату и жалы в Тобольске еще 4 года
кн. Куракин Григорий Семенович, кн. Гагарин (Турок) Михаил Семенович, д. Переносов Иван Григорьевич, Лукин Григорий, п.г. Семичев Григорий Леонтьевич, Коквинский Алексей Александрович	май 1643- май 1646	В июне 1646 г. Переносов умер. Гагарин в 1627-1629 гг. был воеводой в Сургуте
бояр. Салтыков Иван Иванович, ст. кн. Гагарин (Ветчина) Иван Семенович, д. Карпов Дмитрий Герасимович, Васильев Третьяк, п.г. Секерин Андрей Тихонович, Гагарин Андрей Федорович	май 1646- май 1649	
ст. Шереметев Василий Борисович, Лодыгин Тимофей Дмитриевич, д. Васильев Третьяк - затем Углев Григорий Родионович, Атарский Василий Елизарьевич, п.г. Спешнев Григорий Семенович, Скворцов Степан Львович	май 1649- май 1652	Наказ от 10 дек. 1648 г. Углев сменил Васильева в дек. 1651 г.

ст. кн. Хилков Василий Иванович, Болтин Баим Федорович - затем кн. Гагарин (Постный) Иван Иванович, д. Обобуров Богдан, Углев Григорий Родионович, п.г. Полуектов Иван Леонтьевич, Елдезин Никифор Иванович	май 1652- авг.1656	Гагарин сменил Болтина в марте 1654 г.
ст. кн. Буйносов-Ростовский Алексей Иванович, кн. Гагарин (Постный) Иван Иванович, д. Обобуров Богдан, Углев Григорий Родионович - затем Михайлов Иван Поликарпович, п.г. Полуектов Иван Леонтьевич - затем Дохтуров Кирилл Семенович	авг.1656- май 1659	Гагарин умер в 1656 г., Обобуров - в 1657 г., Углев - в 1658 г. Михайлов прислан в авг. 1658 г. Полуектов отозван в 1657 г., его заменил Дохтуров
бояр. Хилков Иван Андреевич, Одинец-Беклемишев Василий Михайлович - затем Яковлев Данила Семенович, д. Головин Герасим Сергеевич, Румянцев Семен Владимирович, п.г. Головин Варфоломей Сергеевич, Марков Борис Иванович	май 1659- май 1664	Беклемишев умер в февр. 1660 г., Яковлев - в 1664 г. в Тобольске
бояр. Голицын Алексей Андреевич, ст. Бутурлин Григорий Федорович, д. Чершев Иван Борисович, Елчуков Степан Никитич, п.г. Дохтуров Кирилл Семенович, Сильвестров Иван Афанасьевич	май 1664- май 1667	Наказ от февр. 1664 г.
ст. Годунов Петр Иванович, кн. Бельский Федор Федорович, д. Жданов Григорий Григорьевич, Посников Михаил Анисимович, п.г. Сильвестров Иван Афанасьевич	май 1667- сент. 1669	В июне 1668 г. Бельский отозван в Москву
Акинфов Андрей Павлович, д. Давыдов Иван Степанович	сент.1669- май 1670	Сыщики, расследовавшие причину раздора между Годуновым и Бельским
бояр. кн. Репнин Иван Борисович, ст. кн. Шербатый Иван Федорович, д. Чириков Михаил Никитич, Блудов Юрий Алексеевич, п.г. Козинский Ефим Иванович, Поскочин Лев Миронович	май 1670- нояб.1672	Шербатый в апр. 1672 г. умер. В нояб. 1672 г. дела приняты верхотурский воевода Ф.Г.Хрушев, а Репнин отбыл в Москву

бояр. Салтыков Петр Михайлович, ст. Пушкин Иван Федорович, д. Протопопов Федор Порфирьевич, Михайлов Григорий Алексеевич, п.г. Ушаков Иван Гаврилович, Тютчев Иван Никитич	март 1673- март 1676	
бояр. Шереметев Петр Большой Васильевич, ст. Стрешнев Иван Иванович, д. Протопопов Федор Порфирьевич, Михайлов Григорий Алексеевич, п.г. Кох Федор Петрович, Поленов Федор Петрович	апр.1676- март 1678	Протопопов умер в марте 1677 г.
ст. Квашнин Михаил Мелентьевич	март-май 1678	Томский воевода, временно замещал тобольских воевод
бояр. Шереметев Петр Молодой Васильевич, ст. Глебов Михаил Иванович, д. Алмаз Чистой Иван Иванович, Оловенников Порфирий Федорович, п.г. Ушаков Дмитрий Григорьевич, Талызин Иван Лукьянович	май 1678- апр.1680	Шереметев отбыл в Москву в дек. 1679 г.
ст. Шенц Алексей Семенович, ст. Приклонский Михаил Васильевич, д. Алмаз Чистой Иван Иванович, Оловенников Порфирий Федорович, п.г. Суворов Иван Федорович, Резанов Григорий Максимович	апр. 1680- дек. 1681	Приклонский в 1673-1677 гг. был воеводой в Енисейске
бояр. кн. Голицын Алексей Андреевич, ст. Яковлев Кирилл Аристархович, д. Алмаз Чистой Иван Иванович, Злобин Федор Артемьевич, п.г. Владыкин Никита Яковлевич, Орлов Родион Пимсович	1 янв. 1682- апр. 1684	В 1664-1667 гг. Голицын был первым воеводой в Тобольске. В дек. 1683 г. Голицын отбыл в Москву, "досиживал" Яковлев. Яковлев в 1666-1673 гг. был воеводой в Енисейске
бояр. кн. Прозоровский Петр Семенович, ст. кн. Солнцев-Засекин Борис Андреевич, д. Парфенов Афанасий, Калинин Федор Степанович, п.г. ст. Плохой Василий Богданович, Августов Степан Васильевич	апр.1684- март 1686	Калинин умер в янв. 1685 г.

бояр. Головин Алексей Петрович, ст. Глебов Богдан Данилович, д. Столетов Гервасий Федорович, Данилов Максим, п.г. ст. Синявин Григорий Фролович, Спешнев Иван Денисович	март 1686- февр.1690	Глебов вместе с Синявиным уехали из Тобольска в янв. 1689 г. Глебов был в 1697-1706 гг. воеводой в Енисейске
бояр. Салтыков Степан Иванович, ст. Салтыков Федор (сын С.И.), д. Тимофеев Артамон, Жижарев Григорий - затем Протопопов Алексей Афанасьевич, п.г. ст. Шарыгин Павел Семенович	февр. 1690- дек.1692	Жижарев умер в 1691/92 г. На его месте был назначен Протопопов
Сытин Данила Иванович, д. Тимофеев Артамон, Протопопов Алексей Афанасьевич	дек.1692- апр.1693	Сытин - тарский воевода, временно замещал тобольских воевод
ближний ст. Нарышкин Андрей Федорович, дворянин Бухвостов Василий Борисович - затем ст. Нарышкин Андрей (сын А.Ф.), д. Протопопов Алексей Афанасьевич, Герасимов Афанасий Васильевич, п.г. ст. Хомутов Герасим Минич	апр.1693- янв.1698	Наказ от февр. 1693 г. А.А.Нарышкин сменил Бухвостова в 1695 г. Бухвостов ранее был воеводой в Нарыме, Петые и Сургуте
ст. Раевский Тит Васильевич	19 янв.1698- 27 февр.1698	Тюменский воевода, временно замещал тобольских воевод
бояр. кн. Черкасский Михаил Яковлевич, ст. кн. Черкасский Петр (сын М.Я.), д. Обрютин Иван Самсонович, Герасимов Афанасий Васильевич - затем Парфенов Афанасий	февр.1698- 1710	Наказ от 1 сент. 1697 г. П.М.Черкасский умер в сент. 1701 г. в Тобольске. Парфенов сменил Герасимова в мае 1700 г.

Томск

Фамилия, имя, отчество	Годы правления	Дополнительные сведения
п.г. Писемский Гаврила Иванович, Тырков Василий Фомич	1604-1606	Основатели Томска. Наказ от 25 марта 1604 г. Тырков - тобольский с.б.
п.г. Ржевский Матвей Бартеяев Семен	1606-1608	Наказ от янв. 1606 г.

Вольнский Василий Васильевич, Новосильцов Михаил Игнатьевич	окт. 1608-1613	Наказ от 15 февр. 1608 г.
Тырков Василий Фомич	1613-1614-?	Тобольский с.б.
Хрипунов Гаврила Юдин, Секерин Иван Борисович	1616	Секерин не позднее дек. 1616 г. переведен в Түмән
Боборыкин Федор Васильевич, Хрипунов Гаврила Юдин	1616-1620	Боборыкин не позднее дек. 1616 г. переведен из Тюмени
кн. Шаховской Иван Федорович, Радилов Максим Иванович	1620-1623	
кн. Гагарин Афанасий Федорович, Дивов Семен Васильевич	1623-1625	Гагарин здесь умер
Хлопов Осип Тимофеевич, Нармацкий Иван Ворисович	1625-1627	
кн. Козловский Петр Андреевич, Бартенев-Чулков Грязной Иванович	1627-1629	
кн. Пронский Петр Иванович, Собакин Алексей Степанович, д. Степанов Бажан п.г. Огарев Иван Кириллович, Кафтырев Никита Васильевич	не ранее авг. 1629-1631	
кн. Татев Иван Федорович, Воейков Семен Иванович, д. Бутримов Яков, Кашин Ермолай п.г. Челюскин Михаил Курбатов, Дементьев Федор Федорович, Дмитриев Степан Постников	1631-1633	Назначены 14 янв. 1631 г.
ст. кн. Егупов-Черкасский Никита Иванович, Шинкин Федор Григорьевич, д. Строев Андрей Еддокимович, п.г. Зиновьев Федор Петрович	1633-авг.1635	Назначены 11 окт. 1632 г. Шинкин в 1623-1625 гг. был посолой в Сургуте, в 1647-1649 гг. - в Туринске
ст. кн. Ромодановский Иван Иванович, Бунаков Андрей Андреевич, д. Трофимов Анисим, п.г. Жедринский Никифор Владимирович, Барков Афанасий Семенович	авг.1635-1639	Назначены 21 янв. 1635 г.
ст. кн. Лобанов-Ростовский Иван Иванович - затем ст. кн. Клубков-Мосальский Семен Васильевич,	1639-1644	Назначены в февр. 1639 г. Лобанов-Ростовский умер в Нарыме в 1639 г. по пути в Томск. Клубков-Мосальский приехал в 1640 г.

Кобьельский Иван Семенович - затем Молвянинов Андрей Афанасьевич, д. Жеребилов Дмитрий		2 июля 1642 г. Кобьельский возглавил поход в Ачинскую землю, его сменил Молвянинов
кн. Щербатый Дмитрий Иванович, Молвянинов Андрей Афанасьевич, д. Патрикеев Борис Исакович	1644-1645	Щербатый здесь умер
кн. Щербатый Осип Иванович, Молвянинов Андрей Афанасьевич - затем Бунаков Илья Никитич, д. Патрикеев Борис Исакович - затем Ключарев Михаил Наумович	1646-1649	Патрикеев умер в Томске 28 мая 1648 г. Ключарев приехал в Томск 30 июля 1648 г.
Вольнский Михаил Петрович, Коквинский Ботан Андреевич, д. Ключарев Михаил Наумович	8 авг.1649 г.- 1652	
ст. Нацкокин Никифор Осипович, Болтин Аверкий Федорович, д. Михайлов Петр	1652-1656	
кн. Примиков-Ростовский Иван Наумович, Коквинский Алексей Андреевич, д. Марков Алексей	1656-1659/60	Назначены 17 февр. 1656 г.
ст. Бутурлин Иван Васильевич, Повозов Прокопий Прокопьевич, д. Марков Алексей	1659/60-1664/65	Все трое умерли в Томске
стр. Хрущев Давила Иванович	1664/65-1666	Восвоя из Кетского острога, временно исполнял восводские обязанности в Томске
ст. Салтыков Иван Лаврентьевич, кн. Мещерский Федор Никитич, д. Шилькин Василий Григорьевич	авг.1666-1667	В 1667 г. Мещерский переведен восводой на Тару
ст. Вельяминов Никита Андреевич, д. Шилькин Василий Григорьевич	4 авг.1667- 22 авг.1671	Отстранен от восводства по челобитью горожан
Монастырев Иван Федорович, д. Шилькин Василий Григорьевич	22 авг.1671-1673	Монастырев, нарымский в кетский восвода, проводил расследование о злоупотреблениях Вельяминова. Шилькин умер в Томске 12 дек. 1671 г.
кн. Борятинский Давил Афанасьевич	июль 1673-1677	

ст. Львов Петр Лукич, д. Леонтьев Никита Федорович	1677-1680	Леонтьев - с 1678 г.
ст. кн. Кольцов-Мосальский Иван Михайлович, д. Леонтьев Никита Федорович	июль 1680-1683	В 1682 г. Леонтьев отпущен в Москву
ст. кн. Кольцов-Мосальский Андрей Михайлович	май 1683-1686	
ст. кн. Вяземский Семен Петрович	июнь 1686-1689	
ст. Дурново Иван Иванович	1689-1691	Переведен из Нарьма. Томичи просят оставить его на второй срок
ст. кн. Пулятин Степан Иванович	июль 1691-1694	
ст. Ржевский Василий Андреевич, под. с пр. Великосельский Сила	июль 1694-1699	
ст. Петрово-Солового Григорий Михайлович, ст. Петрово-Солового Лаврентий (сын Г.М.), под. с пр. Великосельский Сила	авг. 1699-1709	

Турунск

Фамилия, имя, отчество	Годы правления	Дополнительные сведения
п.г. Янов Федор Осипович	1600-не позднее марта 1601	Основатель Турунского острога
п.г. Фофанов Федор Константинович	1601-1603	
п.г. Лихарев Иван Федорович	1603-1605-?	
Годунов Иван Никитич	1606-1610	
Акинфов Федор Петрович	1610-1612	
Желябужский Петр Григорьевич	1613-1614-?	
Вельяминов Данила Афанасьевич	1616-1619	
Милославский Данила Иванович	1619-1622	
Алехтин Семен Дмитриевич	февр. 1622-1625	Назначен 7 нояб 1621 г.
Баклановский Иван Иванович	1625-1627	
Корсаков Воин Лукьянович	1627/28-1629	Переведен из Пельма. В 1639-1643 гг. был воеводой в Верхотурье
Зубов Афанасий Иванович	март 1629-1631	
Волянец Гурий Иванович	1631-1633	Назначен 14 янв. 1631 г. Умер в Турунске до июня 1633 г. Временно воеводские обязанности исполнял тобольский с.б. М.Тюхин
Полтев Лукьян Андреевич	1633-1635	Назначен 11 окт. 1632 г.

Объедов Семен Федорович	1635-1639	Назначен 21 янв. 1635 г.
Кафтырев Никита Васильевич	1639-1643	
кн. Борятинский Петр Романович	1643-1647	
Шипкин Федор Григорьевич	1647-1649	В 1623-1625 гг. - был воеводой в Сургуте, в 1633-1635 гг. - в Томске
Кокорев Василий Борисович	1649-1652	
Мусин-Пушкин Матвей Максимиович	1652-1656	
Акинфиев Леонтий Андреевич	1656-1659	
ст. к.п. Мещерский Иван Иванович	1659-1662	Назначен 3 февр. 1659 г.
стр. Трегубов Василий Матвеевич	1662-1665/66	
Беклемишев Алексей Михайлович	1665/66-1670	В 1670 г. переведен в Тюмень
Беклемишев Матвей Алексеевич (сын А.М.)	1670-1673	
Суздальцев Иван Васильевич	1673-1677	
Пятой Еремей Ларионович	1677-1680	
ст. Погожий Иван Федорович	1680-1682/83	
Алфимов Михаил Иванович	1682/83-1686	По челобитью жителей оставлен на второй срок
Дурново Игнатий Иванович	1686	2 дек. 1686 г. умер в Турунске от "коловской порчи" Временно воеводские обязанности исполнял ст. Г.Ф. Сивягин - п.г. из Тобольска
ст. Юшков Алексей Александрович	1687-1689	За исполнение тобольскому воеводе Головину указано Юшкова посадить в тюрьму на неделю
ст. Кром Кондратий Иванович	1689-1691	Умер в Турунске. Временно воеводские обязанности исполнял верхотурский с.б. М.Евников
ст. Челищев Богдан Афиногенович	1691-1693	Наказ от янв. 1691 г. Получил "отказ" со стороны жителей Турунска, 30 янв. 1693 г. смещен с должности Сибирским приказом. В 1694-1696 гг. был воеводой в Илимске
ст. Морев Иван Семёнович	1693-1696	
ст. Лутовинов Василий Елисеевич	1696-1699	
Чернышов Яков Афанасьевич	1699-1701	Умер в Турунске в 1701 г.

Тюмень

Фамилия, имя, отчество	Годы правления	Дополнительные сведения
Сукин Василий Борисович, Мясной Иван Никитич	1586-1587-?	Основатели Тюмени
Нет сведений	1588-1592	
Булпаков Юрий Дмитриевич, Воейков Богдан	1593	
кн. Борятинский Петр Иванович, Воейков Богдан	1594	
кн. Долгорукий Григорий Иванович, Нагой Иван Григорьевич	1595	И.Г.Нагой ранее был воеводой в Лозьянском городке, переведен в начале 1595 г.
кн. Долгорукий Григорий Иванович, п.г. Хлопов Василий Михайлович, Доможиров Борис	1596	
кн. Бахтеяров-Ростовский Владимир Иванович, п.г. Петров Алексей Тимофеевич	1597-1599	
кн. Щербатый Лука Осипович, п.г. Янов Федор Осипович	1599-1601	В янв. 1600 г. Янову указано строить Туринский острог
кн. Приймков-Ростовский Александр Давылович, Пушкин Федор Семенович	1601-1603	
п.г. Безобразов Алексей Иванович	1603-1605	
Годунов Матвей Михайлович, Изьединов Назар Михайлович - затем Вольнский Семен Иванович	1605-1613	Вольнский - приблизительно с 1608 г. В 1611 г. Вольнский указан один
бояр. Годунов Матвей Михайлович, Боборыкин Федор Васильевич	1613-1615/16	В 1620-1623 гг. Годунов был главным воеводой в Тобольске
кн. Корходинов Федор Семенович, Боборыкин Федор Васильевич - затем Секерин Иван Борисович	1616-1618	В 1616 г. Боборыкин переведен в Томск, на его место переведен из Томска Секерин - п.г. из Тобольска
кн. Мезецкий Никита Михайлович, Щелкалов Иван Васильевич	1618-1620	
Пушкин (Бобрицев) Федор Федорович, Елизаров Михаил Григорьевич	1620-1623	Назначены 10 марта 1620 г.
кн. Долгорукий Михаил Борисович, Редриков Юрий Афанасьевич	1623-1625	
Плещеев Иван Васильевич, Ярлыков Иван Иванович	1625-1627	

Пушкин Петр Тимофеевич	1627-1629	
Измайлов Прокопий Хрисанфович	1629-1631	
Жеребцов Семен Иванович	1631-1633	Назначен 14 янв. 1631 г.
Милоков Иван Иванович	1633-1635	Назначен 11 окт. 1632 г.
кн. Львов Меньшой Иван Андреевич	1635-1639	Назначен 21 янв. 1635 г.
кн. Борятинский Григорий Петрович	1639-1643	Назначен в февр. 1639 г.
Колтовской Яков Васильевич	1643	Умер в Тюмени в 1643 г. Временно воеводские обязанности исполнял п.г. из Тобольска Г.Л.Семичев
Бобрицев-Пушкин Иван Гаврилович	1644-1646	
Турганев Иван Юрьевич	1646-1648	
Чоголков Селиверст Александрович	осень 1648-1652	
Веригин Иван Тимофеевич, под. с пр. Жданов Григорий	1652-февр.1654	Смешен вследствие "отказа" со стороны жителей Тюмени
Елзезин Никифор Иванович	февр. 1654-1655	П.г. из Тобольска. Смешен вследствие "отказа" со стороны жителей Тюмени
Полуектов Матвей Андреевич, под. с пр. Чермной Яков Иванович	нач. 1655-1656	Полуектов - родственник тобольского воеводы кн. В.И.Хилкова. Прислан из Тобольска
Шадрин Иван Титыч	1656-1658	
Веригин Федор Иванович	1658	Смешен по челобитью тюменских жителей осенью 1658 г.
Новгородов Алексей	осень 1658-1659	Казанский осыльный голова, прислан из Тобольска
Кафтырев Андрей Васильевич	1659-1660	Здесь умер
Струна Иван Васильевич	1660	С.б. из Тобольска
Павлов Михаил Данилович	1660/61-1666	
Лодыгин Иван Иванович	1666-1668	В конце 1668 г. был смешен тобольским воеводой П.И. Годуновым, поручившим воеводские обязанности стрелцкому голове С.Блудову
Беклемишев Алексей Михайлович	1670	Переведен из Туринска. В этом году умер в Тюмени
Козинский Ефим Иванович	1670-1671	П.г. из Тобольска
Толбузин Лармон Борисович	1671-1673	С.б. из Тобольска
Загряжский Кирилл Александрович	1673-1676/77	

ст. Квашин Михаил Мелентьевич	1676/77-1680	В 1678 г. 4 месяца исполнял обязанности тобольского воеводы
ст. кн. Козловский Андрей Афанасьевич	1680-1682	
Ртищев Тимофей Григорьевич	1682-1684	
ст. Колобов Никифор Иванович, под. с пр. Борисов Матвей	1684-1689	По челобитной томенских жителей оставлен на второй срок
Полуектов Дмитрий Иванович	1689-1691	8-28 февр. 1690 г. исполнял обязанности воеводы в Тобольске
ст. Ордин-Нащокин Лаврентий Богданович	1691-1692	Здесь умер (до июня 1692 г.)
Шульгин Федор Яковлевич	1692-1693	С.б. из Тобольска
ст. Расвский Тит Васильевич, Расвский А. (сын Т.В.), под. с пр. Ромянов Максим	1693-1699	
ст. Тухачевский Осип Яковлевич, под. с пр. Бекляшев Кирилл Федорович	1699-1706	Наказ от янв. 1699 г.

Якутск

Фамилия, имя, отчество	Годы правления	Дополнительные сведения
ст. Головин Петр Петрович, ст. Глебов Матвей Богданович, д. Флатьев Ефим Варфоломеевич, п.г. Поярков Василий Данилович, Бахтияров Еналей Леонтьевич	1641-1646	Наказ от 6 авг. 1638 г. Приехали в Ленский острог 18 июля 1641 г.
Пупкин Василий Никитич, Супонев Кирилл Осипович, д. Стеньшин Петр Григорьевич	1646-1648	Приехали в Якутск в июне 1646 г. Пупкин здесь умер в 1648/49 г.
Францбеков (Фаренсбах) Дмитрий Андреевич, д. Степанов Осип	1648-авг. 1651	
ст. Акинфов Иван Павлович, д. Степанов Осип	авг. 1651-май 1653	
ст. Лодыженский Михаил Семпович, д. Тонково Федор В.	май 1653-1660	Тонково умер в Якутске не ранее авг. 1658 г. Лодыженский в 1647-1649 гг. был воеводой в Березов. Умер в Якутске не ранее 25 марта 1660 г.

ст. Голенищев-Кутузов Иван Большой Федорович, д. Бородин Иван Иванович	1660-1666	Бородин до Якутска не доскал, из Енисейска был возвращен в Кайгородок по обвинению в убийстве Голенищев-Кутузов умер в Якутске в 1666 г., "доскаживал" его сын Михаил
ок. кн. Борятинский Иван Петрович, д. Елчуков Степан Никитич, п.г. Козинский Ефим Иванович	1666-1670	Елчуков в Якутске - приблизительно с 1669 г. Борятинский в 1677-1680 гг. был первым воеводой в Енисейске
ст. кн. Волконский Яков Петрович, д. Елчуков Степан Никитич	1670-22 авг. 1675	Елчуков умер в Якутске в 1670/71 г.
Барнешлев (Барнсли) Андрей Афанасьевич	22 авг. 1675-11 апр. 1678	Умер на обратном пути из Якутска на реке Кеть в 1678/79 г.
Бибилов Фома Иванович, д. Гробов М.	1678-март 1680	Бибилов умер в Якутске, "доскаживал" его сын Иван
ст. Приклонский Иван Васильевич	22 сент. 1680-май 1684	
генерал Кровков Матвей Осипович, ст. Кровков Александр (сын М.О.)	16 мая 1684-июль 1687	Наказ от янв. 1683 г.
ст. Зиновьев Петр Петрович	1687-1691/92	Умер в Сибири на обратном пути в 1691/92 г.
ст. кн. Гагарин Иван Михайлович	1691/92-1694	
ст. Арсеньев Михаил Афанасьевич, Арсеньев Андрей (сын М.Ф.)	1694-1697	
ст. Траунихт Дорофей Афанасьевич, д. Романов Максим	1697-1704	Романов уехал из Якутска в 1703 г.

Введение

- ¹ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т.1. Стб. 1103–1106, 1139–1140.
- ² Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С.435.
- ³ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII в. Казань, 1982. С.5, 52.
- ⁴ Андреевский И.А. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864. С.38; Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. С.52–53.
- ⁵ Андреевский И.А. О наместниках... С.38.
- ⁶ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С.243.
- ⁷ Там же. С.239–249.
- ⁸ Древние государственные грамоты, наказные памяти и челобитные, собранные в Пермской губернии. СПб., 1821. С.30; АИ. СПб., 1841. Т.2. С.130, 164.
- ⁹ ПСРЛ. СПб., 1904. Т.13, половина 1. С.268–269.
- ¹⁰ Кобрин В.Б. Власть и соборность в средневековой России (XV – XVI вв.). М., 1985. С.213.
- ¹¹ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969.
- ¹² Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. С.38. Летописный текст указывает, что денежное жалование дворянам выдавалось раз в 3–4 года. Здесь отчетливо видна его роль как компенсации за утрату возможности побывать раз в несколько лет на кормлении. С.Герберштейн отметил, что после окончания срока кормления служилому человеку "цельх и: есть лет приходится служить даром" (Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С.73). Видно, 3–4 года в середине XVI в. считались средним сроком, по прошествии которого представители верхушки дворянства (под дворянством я понимаю здесь, как выразился В.Б.Кобрин, "совокупный класс феодалов") могли претендовать на очередное кормление.
- ¹³ Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С.172.
- ¹⁴ Павлов А.П. Государев двор... С.240–241.
- ¹⁵ Богусловский М.М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1912. Т.2. С.265–267.
- ¹⁶ Я осознаю, что данное утверждение, если поместить его в более широкий контекст развития сословного представительства в начале XVII в., содержит в себе определенное противоречие. Оценивая последствия Смуты, В.Д.Назаров пишет: "Никогда раньше и никогда позднее, вплоть до 1861 г., Россия не знала такого всплеска в деятельности институтов представительства от сословных групп", в том числе на местном (областном и городском) уровне. Но после избрания на престол Михаила Романова активное участие Земских соборов в правительственной политике входит в необъясненное пока противоречие с повсеместным утверждением воеводской власти в местном управлении. В.Д.Назаров очень верно уловил суть проблемы: "Пока еще во многом загадка, почему сословия на местах решили, что участие в подобных органах (местных сословно-представительных учреждениях, возникших в годы Гражданской войны и иностранной интервенции – Е.В.) есть новая, для них обременительная служба, а не удовлетворение своих групповых и корпоративных интересов" (История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 1996. С.494).
- ¹⁷ Для исследователей историко-этнографических сюжетов, где рассматривается управление сибирскими народами, главной, естественно, является эта сфера деятельно-

сти русской администрации. Любое "управление" имеет две стороны – содержательную и организационную. Утверждая, что воеводская администрация не представляла собой колониального аппарата власти, я имел ввиду прежде всего организационную сторону. Но и с точки зрения содержания правительственной политики XVII в. по отношению к сибирским аборигенам нет оснований говорить о "колониальном управлении" (См., напр.: Главацкая Е.М. Власть и "сибирские иноземцы" в XVII в. // Сургут, Сибирь, Россия: Международная науч.-практ. конференция, посвященная 400-летию Сургута: Тез. докл. (22–25 марта 1994). С.44–47). Если не ставить, конечно, знак равенства между "ясачной" и "колониальной" политикой. В "Словаре иностранных слов" (М., 1988. С.242) для слова "колония" указано 8 значений, производный же от него термин "колониальный" связан только с одним (колония – "страна или территория, лишенная самостоятельности, находящаяся под властью иностранного государства"). Однако в общепотребительной и общественно-политической (да во многом и научной) лексике слово "колониальный" утрачивает нейтральный и приобретает хорошо известный негативный смысл, является синонимом "колониализма" и "колониальной политики" (а их смысловое содержание однозначно). Мне кажется, об этом не должны забывать историки, пишущие о "колониальном управлении" сибирскими народами. Так, в последнее время среди работ историко-этнографического характера все большее признание получает концепция трех периодов в дореволюционной истории российского управления сибирскими аборигенами (сошло на историкографический раздел монографии А.Ю.Конева, который в целом поддерживает эту периодизацию: Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVII – начало XX вв.). М., 1995. С.25–26, 29–32). Согласно этим взглядам, период "прямого колониального управления" (XVII – 20-е гг. XVIII в.) сменяется периодом "косвенного управления" (XVIII – XIX вв.). Под колониально-административной системой можно понимать такую систему органов управления, которая осуществляет дискриминационную политику в отношении автохтонного населения, сознательно утверждая приоритет выходцев из метрополии в любой из сфер жизнедеятельности человека. Надо ли понимать, что "прямое колониальное управление" XVII в. было основано на политике дискриминации? Если да, то это неверно, если нет – то слово "колониальный" здесь лишнее. Кстати, это слово исчезает из определения 2-го периода – "косвенного управления". Значит ли это, что управление сибирскими "инородцами" в XVIII – XIX вв. утратило свой "колониальный" характер? В паре однопорядковых лексических единиц "прямой – косвенный" термин "колониальный" опять-таки лишний.

¹⁸ Чичерин Б.Н. Воспоминания // Русские мемуары. 1826–1856. М., 1990. С.272.

¹⁹ Градовский А.Д. Собрание соч. СПб., 1899. Т.2. С.381–472.

²⁰ Чичерин Б.Н. Областные учреждения России... С.578–579.

²¹ Градовский А.Д. Собрание соч. Т.2. С.427.

²² Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн.2. С.257–262.

²³ См., например: Леонтьев А.К. Государственный строй // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч.1. С.318–322; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С.384–394.

²⁴ Колесникова Е.А. Местные органы власти в России после Смуты (1613–1645 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. К сожалению, современная традиция написания авторефератов такова, что по их содержанию практически невозможно адекватно оценить сам текст диссертации.

²⁵ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

²⁶ Леонтьева Г.А. Организация приказного делопроизводства в Сибири и профессиональная подготовка сибирских подъячих в XVII в. // Развитие культуры сибирской деревни в XVII – начале XX вв. Новосибирск, 1986. С.3–19.

²⁷ Копылов А.Н. Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI – XVII вв. // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. Наук. 1965. Вып.3. № 9. С.80–88; История Сибири. Л., 1968. Т.2. С.124–138.

²⁸ Покровский Н.Н. Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

²⁹ Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С.74–109, 163–185.

Глава I

¹ АИ. СПб., 1842. Т.5. С.285–286. В своей недавно опубликованной монографии М.О.Акишин сомневается в действительном существовании Верхотурского разряда (Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С.74). При этом автор ссылается на аналогичное сомнение, высказанное в моей статье 1988 г. Я сожалею, что мое первоначальное неверное мнение получило отражение в данной книге, но вместе с тем хочу заметить, что в более поздней публикации я не сомневался в недолгом существовании Верхотурского разряда и привел доказательство этому (Вершинин Е.В. Воеводская власть и урало-сибирское население в XVII в. // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1991. С.32–33).

² ПСРЛ. М., 1987. Т.36. Ч.1. С.286.

³ АИ. СПб., 1841. Т.3. С.236–237.

⁴ См., например: ДАИ. СПб., 1846. Т.1. С.183.

⁵ РГАДА. Ф.214. Кн.11. Л.33.

⁶ ПСРЛ. Т.36. Ч.1. С.140.

⁷ Там же. С.142.

⁸ Оглоблин Н.Н. "Женский вопрос" в Сибири в XVII веке // Исторический вестник. 1890. №7. С.203.

⁹ На происхождение термина "письменный голова" указывает, как мне кажется, следующий пример. В 1619 г. воевода Пронска выслал против появившихся вблизи города татар "рязанскую сотню", назначил ее головой А.Левашева "и список ему писанный даи" (т.е. роспись служилых людей, над которыми Левашев временно принимал командование). (См.: Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С.192–193). Таким образом, письменный голова – от "списка" служилых людей, а не от "письменного отчета".

¹⁰ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII в. Казань, 1982. С.128.

¹¹ РГАДА. Ф.214. Стб.318. Л.148–149.

¹² Зимин А.А. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI в. // Изв. М., 1974. Т.94. С.271–290.

¹³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т.3. С.150.

¹⁴ Зимин А.А. Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в. // Исторический архив. 1960. №3. С.148.

¹⁵ Алексеев М.Н. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск. 1941. С.263.

¹⁶ Коренский В.И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII

в. М., 1986. С.231–265; Платонов С.Ф. Московское правительство при первых Романовых // Платонов С.Ф. Сочинения. СПб., 1912. Т.1. С.385–386.

¹⁷ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С.109.

¹⁸ Список воевод, приведенный в конце нашей работы, позволяет уточнить их количественный состав в соответствии с их чиновным ранжированием. Так, в указанной монографии В.А.Александрова и Н.Н.Покровского число воевод-стольников за весь XVII в. определяется в 119 чел. (С.108), тогда как их было не менее 150 чел. Стоит отметить, что число стольников, отправляемых на воеводства в Сибирь, резко возрастает в последней четверти XVII в. Объясняется это тем, что со времени царствования Федора Алексеевича количество стольников увеличивается в несколько раз, а их состав "демократизируется". Если в 1671 г. их было 419, то в 1682 г. – 1307, а в 1686 г. – 1938 чел. См.: Айрапетян И.Ю. Стольники как одна из категорий феодальной аристократии в 80-х годах XVII в. По материалам боярских списков // Вестн. МГУ. Серия 8. История. 1980. № 6. С.69–70, 80.

¹⁹ РГАДА. Ф.214. Стб.89. Л.74–75.

²⁰ Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С.213–214.

²¹ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. С.112.

²² РГАДА. Ф.214. Стб.318. Л.254.

²³ Там же. Стб.275. Л.319.

²⁴ Там же. Стб.481. Л.108–109.

²⁵ Там же. Л.5–14.

²⁶ Там же. Л.143–147; Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С.84. Интересно было бы установить, в каких родственных отношениях находились обрусевшие шляхтичи Лисовские и пан Александр Лисовский, печально известный на Руси в годы Смуты.

²⁷ Приведенные сведения о Степане Самойловиче Лисовском требуют некоторых пояснений. Его роль в красноярских событиях подробно выяснена С.В.Бахрушиным (Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1959. Т.IV. С.187–190). То, что Бахрушин один раз называет его Степаном Степановичем, является, безусловно, ошибкой. Моя интерпретация фактов сибирской службы С.С.Лисовского основана на преследуемой филологической цели публикации, где без комментариев приведены 27 частных писем Лисовскому от 21 корреспондента (Грамотки XVII – начала XVIII века. М., 1969. С.157–171). В восьми случаях письма адресованы Степану Григорьевичу, в остальных – Степану Самойловичу. Это создает впечатление, что грамотки адресованы двум Лисовским, одновременно служившим в Сибири. Однако анализ содержания грамоток убеждает меня в том, что Степан Григорьевич и Степан Самойлович – одно и то же лицо. В частности, и "тот", и "другой" связаны с красноярскими событиями, у "обоих" жена – Праксovia Максимовна и т.д. Человек в России XVII в. мог иметь три имени: мирское, крестное и молитвенное (последнее держалось в тайне). Например, назначивший Лисовского в Красноярск думный дьяк и сыщик Д.Л.Полынский назывался мирским именем (Данила), в то время как его крестное имя было Иван. Можно предположить, что Самойло Лисовский (тот, что попал в русский плен в 1654 г.) получил при православном крещении имя Григорий, в связи с чем его сын Степан мог носить разные отчества – "польское" (мирское) и "русское" (крестное).

²⁸ Грамотки XVII – начала XVIII века. С.159.

²⁹ Существует версия, приводимая врачом царя Алексея Михайловича англичанином С.Коллинсом, о причинах ссылки Вилима в Сибирь. Виновником ссылки был будто бы боярин Б.И.Морозов, заподозривший любовные отношения между Вилимом Барнсли и своей женой Анной Милославской (См.: Иловайский Д.И. История Рос-

сий. М., 1905. Т.5. С.570). Сообщению Колпинса вряд ли стоит доверять: он находился в России в 1659–1667 гг., а Барнешлева сослал в Енисейск достоверно в 1646 г. К тому же Морозов женился на А.И.Милославской в январе 1648 г.

³⁰ РГАДА. Ф.214. Стб.481. Л.23, 24, 33, 38.

³¹ Васильевский Р.С., Резун Д.Я. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С.162.

³² Леонтьева Г.А. Организация приказного делопроизводства в Сибири и профессиональная подготовка сибирских подьячих в XVII в. // Развитие культуры сибирской деревни в XVII – начале XX вв. Новосибирск, 1986. С.3–19; Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России... С.71–75 и др.

³³ РГАДА. Ф.214. Стб.611. Л.4.

³⁴ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России... С.24.

³⁵ РГАДА. Ф.214. Стб.14. Л.43–46; Стб.46. Л.167, 224.

³⁶ Там же. Стб.566. Л.110–111.

³⁷ Мыллер Г.Ф. История Сибири. М.: Л., 1941. Т.2. С.514–515. В 1654 г. непосредственно в Сибирский приказ обратился енисейский сын боярский Ф.Усов. Он просил назначить его приказчиком верхнеенисейских пашенных крестьян, у которых он уже занимал эту должность в 1648 – 1650 гг. (Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965. С.103). Вмешательство Москвы в воеводские назначения приказчиков приводило порой к плачевным для местного населения результатам. Так, братский и балаганский приказчик сын боярский Иван Похабов (1650-е гг.), отличавшийся патологической жестокостью и безмерной жадностью, был отставлен енисейским воеводой от должности и наказан: бит батогами с .апрещением впредь назначаться в "дальние отъезжие службы". Однако брат И.Похабова Григорий, служивший в Москве подьячим, выхлопотал ему оправдательную грамоту, отменявшую распоряжение воеводы. В результате воевода М.Г.Ртищев в 1657 г. снова отправил Похабова в Братский острог, где он продолжал управлять, следуя принципу "после де меня хоть трава не расти" (выражение самого И.Похабова). См.: Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937. С.100–101.

³⁸ Оглоблин Н.Н. Бытовые черты XVII века // Русская старина. 1892. Т.76. С.165–168. В 1637–1638 гг. служилые люди томского гарнизона выступили против воеводской власти, добиваясь через челобитные смещения Ромодановского и Бунакова. Длительным конфликтом с томичами и объясняется, безусловно, желание воевод скорей уехать из беспокойного города. В исторической литературе высказано мнение, что казачий круг "отказал" Ромодановскому от воеводства в апреле 1638 г., а воеводская власть была восстановлена только в 1640 г., когда в Томск приехал кн. С.В.Клубков-Мосальский (Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. С.247–248). Опубликованные еще Н.Н.Оглоблиным, но не попавшие в поле зрения современных исследователей сведения позволяют уточнить эту картину. Томичам не удалось добиться от Москвы досрочного смещения воевод (косвенно об этом свидетельствует и отсутствие "сыска" – расследования о деятельности Ромодановского и Бунакова). Другой вопрос, насколько реально была власть Ромодановского в условиях, когда служилые люди фактически отказывались ей подчиняться. Неизвестно, насколько успокоила жителей Томска передача дел прибывшим в 1639 г. воеводе И.С.Кобыльскому и дьяку Д.Жеребилову. Неприятности томского воеводства для Ромодановского и его товарищей не закончились и в Москве. В сентябре 1641 г. Сибирский приказ велел высказать с каждого по 326 руб. за неправильное верстанье в служилые люди во время пребывания в Томске.

³⁹ РГАДА. Ф.214. Стб.788. Л.134–135.

⁴⁰ Андриевич В.К. История Сибири: В 2 ч. СПб., 1889. Ч.2. С.6–7.

⁴¹ РГАДА. Ф.214. Стб.18. Л.1–6.

⁴² Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. С.114.

⁴³ ПСРЛ. Т.36. Ч.1. С.297.

⁴⁴ Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. С.298.

⁴⁵ Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. С.105–106.

⁴⁶ Богословский М.М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1912. Т.2. С.283; ДАИ. СПб., 1862. Т.8. № 24; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. С.125.

⁴⁷ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. С.124–125.

⁴⁸ Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII вв. М., 1956. С.233–234.

⁴⁹ Языков С.А. "Выборы" посадских общин Сибири XVII – начала XVIII в. как исторический источник // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С.175–176.

⁵⁰ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т.III. С.214–215.

⁵¹ Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII вв. М., 1982. Ч.1. С.56.

⁵² РГАДА. Ф.214. Стб.89. Л.67–68, 86.

⁵³ Там же. Стб.457. Л.656–658.

⁵⁴ В XVI в., например, "пробывание в городских приказчиках... по наследству было явлением довольно распространенным" (Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.: Л., 1957. С.185.).

⁵⁵ ПСРЛ. Т.36. Ч.1. С.279.

⁵⁶ РГАДА. Ф.214. Стб.611. Л.159–161.

⁵⁷ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. С.322.

⁵⁸ Александров В.А. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. // ИЗ. 1957. Т.59. С.255–309.

⁵⁹ См., например: Кивельсон В. Не поедешь... Родственные связи и покровительство в провинциальной и московской политике XVII века // Родина. 1994. № 11. С.56–59. Даже целый арсенал "современной" научной терминологии, который использует автор статьи при анализе непотизма, ничего не добавляет к простому и понятному смыслу этого явления.

В последнее время выяснением родственных отношений между сибирскими воеводами одних фамилий занимается К.В.Петров. Сделав упрек автору настоящей работы в том, что тот не пошел далее констатации частого присутствия на сибирских воеводствах дворян, принадлежавших к одним фамилиям, К.В.Петров попытался "определить критерии, которыми руководствовались в Сибирском приказе при назначении воевод" и ответить на вопрос "почему конкретный феодал из всех представителей данной фамилии при прочих равных возможностях получил назначение на воеводскую должность". Самым ценным в работах К.В.Петрова, требующих специальных генеалогических изысканий, представляется установление конкретных степеней родства между воеводами-однофамильцами. Им сделан вывод, что сибирские воеводы, принадлежавшие к одному родственному клану, являлись родственниками не далее 6-го колена. (Петров К.В. К изучению воеводской системы управления. О критериях при назначении на воеводские посты (на материалах Сибири XVII века) // Проблемы истории местного управления Сибири XVII – XX веков: Регион. научн. конф. 5–6 декабря 1996 г. Тез. докл. Новосибирск, 1996. С.3–5). Последнему обстоятельству К.В.Петров и придает значение решающего критерия при определении на воеводскую должность. Однако остается совершенно неясной сама "механика" связи между "6-коленным" родством дворян и выбором, который делали приказные дельцы Разрядного и Сибирского приказов. В.Н.Татищев, родившийся в 1686 г.,

вспоминал, например, что в XVII в. в Разряде и Казанском дворце существовали дифференцированные "оклады" – взятки за назначение в тот или иной город; кто платил, тот и получал место воеводы (Чичерин Б.Н. Областные учреждения России... С.85).

⁶⁰ Полевой Б.П. Новое о Василии Тыркове, основателе Томска // Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск, 1981. С.59.

⁶¹ РГАДА. Ф.214. Кн.1328. Л.41.

⁶² Там же. Стб.1181. Л.43.

⁶³ Там же. Кн.1328. Л.41.

⁶⁴ Бахрушин С.В. Научные труды. Т.IV. С.159.

⁶⁵ РГАДА. Ф.214. Стб.481. Л.108.

⁶⁶ Там же. Л.34.

⁶⁷ Там же. Л.144–147.

⁶⁸ Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий. Новосибирск, 1993. С.189–196.

⁶⁹ Там же. С.19.

⁷⁰ РГАДА. Ф.214. Стб.562. Л.52, 111.

⁷¹ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С.229–231.

⁷² Соловьев С.М. Сочинения. М., 1990. Кн.V. С.18–19. Однако настаивать на версии о происхождении сибирских Шульгиных от дьяка Н.Шульгина было бы рискованно. Противники этого задиристого клана, наверное, не упустили бы возможности обвинить Шульгиных в том, что они "роду изменичья", как это делалось (причем совершенно бесосновательно) в отношении томских Качановых. В 1659 г. Я.Г.Шульгин "з женою и з детьми за ево многие ссоры" был сослан из Тобольска в Якутск, где они провели около 10 лет (Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. С.103–106).

⁷³ Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С.80–81.

⁷⁴ РГАДА. Ф.214. Стб.474. Л.129–130.

⁷⁵ Там же. Л.31–32.

⁷⁶ Котошихин Г. О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI–XVII веков. М., 1984. С.250.

⁷⁷ Сухотин Л.М. Четвертчики Смутного времени (1604–1617) // ЧОИДР. М., 1912. Кн.2. С.7, 12.

⁷⁸ Там же. С.300–303.

⁷⁹ Верхотурские грамоты... М., 1982. Ч.2. С.222–223.

⁸⁰ АИ. СПб., 1841. Т.2. С.407.

⁸¹ РГАДА. Ф.214. Стб.33. Л.4; Стб.481. Л.84, 117об.

⁸² АИ. Т.3. С.310–312.

⁸³ РГАДА. Ф.214. Стб.46. Л.167–177, 224, 231.

⁸⁴ Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983. С.163.

⁸⁵ РГАДА. Ф.214. Стб.33. Л.1, 6.

⁸⁶ Соборное Уложение 1649 года. Л., 1987. С.46–47. Мне представляется неверной трактовка данной статьи Уложения (гл.Х, ст.149), предложенная А.Г.Маньковым. Согласно ему, речь в статье идет (в частности) об отсрочке судебных разбирательств по жалобам населения на сибирских воевод до окончания службы последних, причем под челобитными понимаются местные сибирские жители. Таким образом, интерпретация А.Г.Манькова напрямую связывает искивые челобитные с насилиями и злоупотреблениями воевод во время пребывания в должности, отчего меняется весь смысл статьи (Маньков А.Г. Уложение 1649 г. – кодекс феодального права России. Л., 1990).

1980. С.178). Между тем, статья говорит о боярах, окольничих, стольниках и дворянах московских (т.е. лицах, несших службу преимущественно при Государевом дворе), которые в момент подачи на них жалобы оказались на воеводстве в Сибири, Астрахани или "Терках". Содержание предполагаемых челобитных "о управе в обидных делах", как мне кажется, никак не связано со службой ответчиков в Сибири: это гражданские иски и мелкие дела уголовного характера (причем в географическом смысле "русского", а не "сибирского" происхождения), виновниками которых являлись или сам отсутствующий дворянин, или его "люди" (приказчики, крестьяне, холопы). Данная статья всего лишь фиксирует в законодательном порядке льготу по отсрочке суда для высших слоев столичного дворянства, перечисляя среди условий льготы, помимо воеводства на окраинах государства, службу полковую и посольскую, а также экстраординарные поездки "для какова государева скорого дела". Для правительства было бы недопустимой роскошью санкционировать судебные разбирательства между сибиряками и их бывшими правителями в московских судах (а в статье недвусмысленно говорится о суде именно "на Москве"). Историкам-сибироведам хорошо известно, что в случае дошедших до Москвы жалоб на воеводу не челобитники и свидетели вызывались в Москву, а воевода задерживался в Сибири, пока проводилось следствие (обычно новой воеводской администрацией, специальным правительственным "сыщиком" или воеводами соседних сибирских городов). Должностным же злоупотреблениям воеводской администрации (без географической конкретизации) посвящена следующая статья (гл.Х, ст.150), устанавливающая материальную ответственность за них в пользу потерпевших и государства. О порядке судопроизводства по жалобам населения на воевод статья молчит. Как и многое другое, не нашедшее отражения в Уложении, этот важный вопрос решался в сфере административной приказной практики.

⁸⁷ Котошихин Г. О Московском государстве... С.204.

⁸⁸ РГАДА. Ф.214. Стб.457. Л.633–634.

⁸⁹ Там же. Л.630; Стб.481. Л.108.

⁹⁰ Бахрушин С.В. Научные труды. Т.IV. С.162. См. также: Верхотурские грамоты... Ч.1. № 70–73, 77, 78.

⁹¹ Бахрушин С.В. Научные труды. Т.IV. С.163; РГАДА. Ф.214. Стб.457. Л.630.

⁹² РГАДА. Ф.214. Стб.33. Л.13.

⁹³ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1988. Т.II. С.342.

⁹⁴ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России... С.145–146.

⁹⁵ РГАДА. Ф.214. Стб.33. Л.1–17; Стб.43. Л.6, 15.

⁹⁶ Платонов С.Ф. Как возникли Чети? (К вопросу о происхождении московских приказов-четвертей) // Платонов С.Ф. Сочинения. Т.1. С.139–140.

⁹⁷ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. М., 1986. С.38.

⁹⁸ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С.413–419.

⁹⁹ Сторожев В.Н. К вопросу о "четвертчиках" // Журнал Министерства народного просвещения. 1982. № 1. С.205–206.

¹⁰⁰ Там же. С.207.

¹⁰¹ Сухотин Л.М. Четвертчики Смутного времени... С.XII–XIII.

¹⁰² Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России... С.142.

¹⁰³ Там же. С.145.

¹⁰⁴ Богословский М.М. Земское самоуправление... Т.2. С.283. См. также: Чичерин Б.Н. Областные учреждения России... С.84; Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.)

- М., 1964. С.213-214; Чистякова Е.В. Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж. 1975. С.42.
- ¹⁰² СГГД. М., 1822. Т.III. С. 387, 391, 395.
- ¹⁰⁶ Котошихин Г. О Московском государстве... С.194.
- ¹⁰⁷ ПСЗ-1. Т.III. С.203.
- ¹⁰⁸ Законодательные акты Русского государства... С.102. М.А.Мацук приводит ряд правительственных указов за 20-90-е годы XVII в., запрещавших воеводам Вятки и отдельных городов Поморья собирать кормы с населения. Однако я не согласен с мнением исследователя, что в первой половине столетия правительство одобряло "практику содержания воевод за счет уездного посадско-крестьянского мира" и развернуло целенаправленную борьбу с кормленческой традицией лишь с 70-х гг. XVII в. (См.: Мацук М.А. Некоторые аспекты политики правительства по повышению тягоспособности черносошных крестьян Поморья и Приуралья в XVII в. // Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма. Екатеринбург, 1992. С.20-24). Запрет на "кормление" воеводской администрации декларировался по крайней мере с царствования Михаила Федоровича, а последующие многочисленные указы свидетельствуют только о постоянстве правительственной линии в этом вопросе и малоэффективности такого способа борьбы с воеводскими злоупотреблениями.
- ¹⁰⁹ Чичерин Б.Н. Областные учреждения России... С.300.
- ¹¹⁰ Богословский М.М. Земское самоуправление... Т.2. С.285.
- ¹¹¹ Эммауский А.В. Исторический очерк Вятского края XVII - XVIII веков. Киров, 1956. С.92-95; Удмурты в XV-XVII веках: Документы по истории Удмуртии XV-XVII веков. Ижевск, 1958. С.384, 386; Чистякова Е.В. Городские восстания... С.181-182.
- ¹¹² РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Стб.61. Л.133.
- ¹¹³ Там же. Ф.214. Кн.2. Л.109-110.
- ¹¹⁴ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т.III. Ч.2. С.61.
- ¹¹⁵ РГАДА. Ф.214. Стб.457. Л.671.
- ¹¹⁶ Там же. Кн.1328. Л.1-2.
- ¹¹⁷ Там же. Стб.579. Л.34-36.
- ¹¹⁸ Бахрушин С.В. Научные труды. Т.IV. С.171.
- ¹¹⁹ Градовский А.Д. Собр. соч. СПб., 1899. Т.2. С.469.
- ¹²⁰ Чичерин Б.Н. Областные учреждения России... С.383; ПСЗ-1. Т.III. С.346.
- ¹²¹ РГАДА. Ф.214. Стб.1029. Л.1-2. Матвей Осипович Кровков (прозвище Карман), родившийся около 1620 г., был племянником неизвестного в русской истории муромского сына боярского Ивана Сумина Кровкова, который в 1607 г., при осаде Василием Шуйским Тулы, предложил царю план затопления города.
- ¹²² Известен и такой факт: в 1651 г. у якутского воеводы Д.А.Францбекова было конфисковано имущество, деньги и долговые расписки на сумму 12 742 руб. После челобитной Францбекова в Сибирский приказ он получил обратно часть мехов на 2000 руб. (Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991. С.94).
- ¹²³ РГАДА. Ф.214. Кн.1328. Л.34.
- ¹²⁴ Чичерин Б.Н. Областные учреждения России... С.298.
- ¹²⁵ РГАДА. Ф.214. Кн.1328. Л.35.
- ¹²⁶ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России... С.143.
- ¹²⁷ РГАДА. Ф.214. Кн.1328. Л.35-36.
- ¹²⁸ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т.III. Ч.1. С.253.
- ¹²⁹ РГАДА. Ф.214. Стб.318. Л.148.
- ¹³⁰ Там же. Стб.33. Л.260.
- ¹³¹ Корещкий В.И. История русского летописания... С.243.
- ¹³² Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т.1. С.929-930.

¹³³ Там же. С.947.

¹³⁴ РГАДА. Ф.214. Стб.112. Л.102-104.

¹³⁵ Бахрушин С.В. Научные труды. Т.IV. С.156.

¹³⁶ Там же. С.157.

¹³⁷ РГАДА. Ф.214. Стб.40. Л.346.

¹³⁸ См. указы в Тобольск 1649 и 1686 гг. (РГАДА. Ф.214. Стб.318. Л.124; Стб.968. Л.202).

¹³⁹ Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С.72-73.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф.214. Стб.448. Л.217-231.

¹⁴¹ Оглобин Н.Н. Бытовые черты XVII века. С.175-177. См. также: Первое столетие сибирских городов. С.78-79. Известно, что в 1650 г. как о награде за сибирскую службу Поярков просил о переводе его из чина "жильца", в котором он находился уже 16 лет, в московские дворяне. В апреле 1650 г. "государь пожаловал, велел его написать для его службы по московскому списку" (Акты Московского государства, изданные Академией наук. СПб., 1894. Т.2. С.263-264). Есть сведения, что Василий Данилович Поярков еще раз служил в Сибири: в 1659 г. он был назначен головой 12-тих казаков в Тобольск вместо осланного в Якутск Я.Г.Шульгина (ПСРЛ. Т.36. Ч.1. С.161).

¹⁴² Бахрушин С.В. Научные труды. Т.III. Ч.1. С.294.

¹⁴³ РГАДА. Ф.214. Стб.1067. Л.109.

¹⁴⁴ Там же. Стб.66. Л.188.

¹⁴⁵ Там же. Л.255.

¹⁴⁶ Там же. Стб.40. Л.53-54. Здесь уместно вспомнить беспрецедентное даже по сибирским меркам своеволие первого якутского воеводы П.П.Головина, который долгое время держал в тюрьме своих товарищей стольника М.Б.Глебова и дьяка Е.В.Филатьева (См.: Якутия в XVII веке. Якутск, 1953. С.240-244).

¹⁴⁷ РГАДА. Ф.214. Стб.1067. Л.29-35.

¹⁴⁸ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. С.128.

¹⁴⁹ РГАДА. Ф.214. Стб.40. Л.351.

¹⁵⁰ Там же. Стб.66. Л.193, 195, 198.

Глава II

¹ Градовский А.Д. Собр. соч. СПб., 1899. Т.2. С.395.

² Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. С.260.

³ Андреевский И.А. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864. С.45.

⁴ Градовский А.Д. Собр. соч. Т.2. С.397.

⁵ Богословский М.М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1912. Т.2. С.270.

⁶ Якутия в XVII веке. Якутск, 1953. С.221.

⁷ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т.III. Ч.1. С.255-265; М., 1959. Т.IV. С.152-166.

⁸ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С.37, 50.

⁹ Якутия в XVII веке. С.221.

¹⁰ РГАДА. Ф.214. Кн.2. Л.76-203.

¹¹ Там же. Л.1-6, 39-46.

¹² Бахрушин С.В. Научные труды. Т.IV. С.164.

¹³ См. указы 1595 и 1597 гг. в Сургут и на Тару: РГАДА. Ф.214. Кн.1. Л.1-7, 34-45об.; кн.11. Л.20б.-7, 30-39.

¹⁴ См., например: АИ. СПб., 1841. Т.3. № 116, 134; АИ. СПб., 1842. Т.4. № 159; ДА. М. СПб., 1848. Т.3. № 26.

- ¹⁵ Скрынников Р.Г. Россия накануне "Смутного времени". М., 1985. С.145.
- ¹⁶ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века, М., 1972. С.351-352.
- ¹⁷ Бахрушин С.В. Научные труды. Т.IV. С.165.
- ¹⁸ Корецкий В.И. Из истории заселения Сибири накануне и во время "Смуты" (конец XVI – начало XVII в.) // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С.43.
- ¹⁹ Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С.116; РГАДА. Ф.214. Кн.2. Л.196–197.
- ²⁰ РГАДА. Ф.214. Кн.11. Л.34.
- ²¹ Там же. Кн.2. Л.1–38об.; 39–75об.
- ²² Там же. Л.34об.–38.
- ²³ Копылов А.Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в. // Русское государство в XVII в. М., 1961. С.332.
- ²⁴ Наказ 1628 г. в Тобольск: РГАДА. Ф.214. Стб.17. Л.31–122.
- ²⁵ Там же. Л.74–81; Стб.318. Л.211–219.
- ²⁶ Там же. Стб.318. Л.220–221.
- ²⁷ Рафиенко Л.С. Компетенция сибирского губернатора в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири. С.368.
- ²⁸ РГАДА. Ф.214. Стб.17. Л.45; Стб.318. Л.153–155.
- ²⁹ Копылов А.Н. Таможенная политика... С.335.
- ³⁰ ДАИ. Т.3. С.308–309.
- ³¹ РГАДА. Ф.214. Стб.936. Л.177. Впрочем, полной точности в этом вопросе нет. Специально исследовавший таможенную службу в Сибири О.Н.Вилков утверждает, что после 1625 г. тобольские воеводы выдавали наказные памяти таможенным головам, отправлявшимся в Енисейск, Мангазею, Сургут, Березов, Пелым, Туринск и на Обдорскую, Собскую, Киртаескую заставы (Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск, 1990. С.147). Скорее всего, наказы от тобольских воевод получали те таможенные головы, которые были избраны на эту должность из местного (сибирского) посадского населения.
- ³² РГАДА. Ф.214. Стб.457. Л.240 и след.
- ³³ См., напр.: Там же. Стб.318. Л.160–162; Стб.358. Л.33.
- ³⁴ Там же. Кн.11. Л.297об.–298.
- ³⁵ Там же. Стб.17. Л.65–71.; Стб.318. Л.194–205.
- ³⁶ Вилков О.Н. Тобольский посад XVII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII – XIX вв.). Новосибирск, 1968. С.41.
- ³⁷ РГАДА. Ф.214. Стб.33. Л.60–63; Стб. 318. Л.151–152.
- ³⁸ ДАИ. СПб., 1851. Т.4. С. 345–370; РГАДА. Ф.214. Стб.895. Л.1–76.
- ³⁹ Богословский М.М. Земское самоуправление... Т.2. С.271.
- ⁴⁰ ДАИ. Т.3. С.312.
- ⁴¹ РГАДА. Ф.214. Стб.969. Л.390.
- ⁴² Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь... С.141–165.
- ⁴³ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т.III. С.373
- ⁴⁴ ДАИ. Т.3. С.306.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф.214. Стб.354. Л.106–107; Стб.1086. Л.69–77.
- ⁴⁶ Там же. Стб.1192. Л.134–135.
- ⁴⁷ Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Л., 1936. С.78.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф.214. Стб.1108. Л.64.
- ⁴⁹ Там же. Л.32–72, 195–245, 110–154.
- ⁵⁰ Там же. Стб.30. Л.124–172, 563–593.

- ⁵¹ Там же. Стб.481. Л.89–98.
- ⁵² ПСЗ-1. Т.III. С.343–344, 350, 360–361.
- ⁵³ Там же. С.375–402, 532–551.
- ⁵⁴ Там же. С.235–254.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф.214. Стб.66. Л.301.
- ⁵⁶ Там же. Стб.936. Л.315–319.
- ⁵⁷ В 1680 г. пушнина (с учетом всех дополнительных прибылей) давала не менее 10% государственного бюджета. В 1640–50-х гг. ее доля была раза в два больше. См.: Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск, 1972. С.104.
- ⁵⁸ ПСЗ-1. Т.III. С.204.
- ⁵⁹ Александров В.А., Покровский Н.Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в. // История СССР. 1986. № 1. С.68.
- ⁶⁰ Бахрушин С.В. Научные труды. Т.III. Ч.1. С.265–296.
- ⁶¹ ПСЗ-1. Т.III. С.550.
- ⁶² РГАДА. Ф.214. Стб.457. Л.138.
- ⁶³ Там же. Л.138–141.
- ⁶⁴ Дополнения к Дворцовым разрядам // ЧОИДР. М., 1882. Кн.1.
- ⁶⁵ РГАДА. Ф.214. Стб.457. Л.141–142.
- ⁶⁶ Боярская книга 1627 г. М., 1986. С.20; Дополнения к Дворцовым разрядам. С.425–426.
- ⁶⁷ Сухотин Л.М. Четвергички Смутного времени (1604–1617) // ЧОИДР. М., 1912. Кн.2. С.22.
- ⁶⁸ РГАДА. Ф.214. Стб.457. Л.30–55.
- ⁶⁹ Боярская книга 1627 г. С.64.
- ⁷⁰ РГАДА. Ф.214. Стб.457. Л.189.
- ⁷¹ Там же. Л.466.
- ⁷² Там же. Л.189.
- ⁷³ Там же. Л.171.
- ⁷⁴ Боярская книга 1627 г. С.94.
- ⁷⁵ РГАДА. Ф.214. Стб.457. Л.97–129, 183.
- ⁷⁶ Там же. Л.148.
- ⁷⁷ Боярская книга 1627 г. С.89–90.
- ⁷⁸ В 1624 г. в Березове числилось около 300 служилых людей (Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С.29).
- ⁷⁹ РГАДА. Ф.214. Стб.457. Л.207.
- ⁸⁰ Там же. Л.204.
- ⁸¹ Резун Д.Я. Русские в Среднем Причутье в XVII – XIX вв. Новосибирск, 1984. С.42–77.
- ⁸² РГАДА. Ф.214. Стб.66. Л.239.
- ⁸³ Там же. Стб.457. Л.339.
- ⁸⁴ Сухотин Л.М. Четвергички Смутного времени. С.321.
- ⁸⁵ РГАДА. Ф.214. Стб.457. Л.342.
- ⁸⁶ Там же. Л.558–560, 571.
- ⁸⁷ Дело о награждении Акинфова за "прибыли" см.: РГАДА. Ф.214. Стб.457. Л.630–643, 765.
- ⁸⁸ История Сибири. Л., 1968. Т.2. С.132.
- ⁸⁹ РГАДА. Ф.214. Стб.457. Л.529–551.
- ⁹⁰ ДАИ. Т.4. С.117–119.
- ⁹¹ Сухотин Л.М. Четвергички Смутного времени. С.311; Боярская книга 1627 г. С.31.
- ⁹² См.: Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т.1.

- ⁹³ РГАДА. Ф. 214. Стб. 66. Л. 8, 13, 75–77, 188–199, 227, 229, 238–244, 255, 271–276.
- ⁹⁴ Чистикова Е. В. Томское восстание 1648 г. // Русское население Поморья и Сибири. С. 32–93; Покровский Н. Н. Томск 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989.
- ⁹⁵ Покровский Н. Н. Томск 1648–1649 гг. С. 366–367.
- ⁹⁶ РГАДА. Ф. 214. Стб. 457. Л. 695–697.
- ⁹⁷ Чистикова Е. В. Томское восстание 1648 г. С. 73.
- ⁹⁸ РГАДА. Ф. 214. Стб. 457. Л. 711.
- ⁹⁹ Там же. Стб. 66. Л. 191.
- ¹⁰⁰ Там же. Стб. 457. Л. 698.
- ¹⁰¹ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 63.
- ¹⁰² По данным Н. Н. Покровского кн. Щербатый увеличил десятину с 1800 до 3600 кв. саженей (Покровский Н. Н. Томск 1648–1649 гг. С. 152).
- ¹⁰³ РГАДА. Ф. 214. Стб. 457. Л. 698, 702.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 758.
- ¹⁰⁵ ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. Ч. 1. С. 158.
- ¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 214. Стб. 457. Л. 670–671.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 679, 683.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 484. Подробней о конфликте А. С. Нарбекова с нарымским гарнизоном см.: Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 250–251; Вершинин Е. В. Воеводская власть и урало-сибирское население в XVII в. // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1991. С. 22–25.
- ¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 214. Стб. 457. Л. 465–466.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 488, 489.
- ¹¹¹ Там же. Л. 518, 524.
- ¹¹² Там же. Л. 393.
- ¹¹³ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. IV. С. 83–84.
- ¹¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Стб. 457. Л. 391–393, 419.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 603–605, 616, 629.
- ¹¹⁶ Там же. Стб. 579. Л. 49.
- ¹¹⁷ Там же. Стб. 1029. Л. 2.
- ¹¹⁸ Там же. Стб. 772. Л. 46–49, 131.
- ¹¹⁹ Там же. Стб. 457. Л. 378, 385.
- ¹²⁰ Там же. Л. 578–580, 600–601.
- ¹²¹ Там же. Стб. 1029. Л. 1–2; Сифронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1978. С. 178–179.
- ¹²² РГАДА. Ф. 214. Стб. 457. Л. 769–770.
- ¹²³ Пензин Э. А., Шашков А. Т. “Дело монаха Феодосия” (материалы к биографии сибирского администратора Ф. Р. Качанова) // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 113–133.
- ¹²⁴ РГАДА. Ф. 214. Стб. 354. Л. 171–173.
- ¹²⁵ Градовский А. Д. Собр. соч. Т. 2. С. 400.
- ¹²⁶ После Смуты в центральных уездах России заметна тенденция к взаимозаменяемости воевод и губных старост. Высшую местную власть в отдельных небольших городах представляет то воевода, то губной староста, причем на назначение или утверждение тех или иных лиц на эти должности существенное влияние оказывают челобитные самого населения (Примеры этого см.: Соловьев С. М. Сочинения. М., 1990. Кн. V. С. 274–276). В 1653 г. назначенный воруз Б. Бельский по прибытии на место столкнулся с саботажем своих властных полномочий. Губной староста

Д. Бражников (из местных детей боярских) отказался сдать ему город и, поддержанный посадским миром Рузы, запретил жителям общаться с воеводой. Бельский был вынужден остановиться на посадском дворе, так как ружане “не расчистили” к его приезду воеводские хоромы, а земской староста “по велью” Бражникова со скрывтой усмешкой преподнес воеводе “везжий корм”: “на два гроша калачей и на шесть денег осеприны”. Бельский сообщал в Москву, что ружане намереваются бить челом государю, “чтобы воеводе у них не быть”, и, в свою очередь, просил об отставке губного старосты и передаче всех губных дел ему. В Москве дело решилось в пользу воеводы: “Государь пожаловал, велел ему быть одному и ведать все дела и губные, а мужикам быть в наказаньи” (Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2. С. 354–355).

- ¹²⁷ Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. С. 150, 213.
- ¹²⁸ Покровский Н. Н. Сибирское дело о десятильниках // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 151.
- ¹²⁹ Тобольский архиерейский дом... С. 197.
- ¹³⁰ Там же. С. 24. Цитирование относится к “Предисловию”, которое написано Н. Н. Покровским и Е. К. Ромодановской.
- ¹³¹ Там же. С. 93.
- ¹³² В современной историографии этой темы трудно что-либо назвать, кроме статьи Н. Н. Покровского, где на материалах расследования вопиющих злоупотреблений туринских и тюменских десятильников (1690-е гг.) решается ряд важных вопросов о взаимоотношениях церкви и государства накануне Петровских преобразований. См.: Покровский Н. Н. Сибирское дело о десятильниках. С. 146–189.
- ¹³³ Из контекста источника ясно, что С. Филиппов удерживал у себя М. Павлову против ее желания, опираясь, видимо, на какой-то подложный актывый документ. В. И. Даль приводит одно из утраченных к XIX в. значений слова “нарядный”: “Нарядные купчие, духовные; это не ложные или поддельные (как полагали), а писанные, будто бы, по наряду, приказу, порученью, а потому нередко и подложные” (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1996. Т. II. С. 465). Обращение Павловой в духовный суд обусловлено, очевидно, наличием “блудного греха” в отношениях между ней и стрельцом. О распространенной в Сибири практике закабаления женщин и почти неприкрытой торговли ими Киприан писал в Москву: виновные в духовных делах “свободные вольные вдовы и девицы к себе на двор емлют сильно для блудного дела и крепости на них емлют заочно нарядные, и у мужей и у многих работных жен отнимают себе на воровство...” (Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 294).
- ¹³⁴ Тобольский архиерейский дом... С. 196–197.
- ¹³⁵ РГАДА. Ф. 214. Стб. 16. Л. 37–39, 45.
- ¹³⁶ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1864. Т. 2. С. 641–643.
- ¹³⁷ ДАИ. СПб., 1869. Т. 11. С. 37–40.
- ¹³⁸ Покровский Н. Н. Сибирское дело о десятильниках. С. 167. В одном ряду с этой характеристикой стоят и поступки служителя Софийского дома дьяка Ивана Струны, который в 1654 г. после отъезда архиепископа Симеона в Москву остался одним из управителей делами епархии. В духовных делах И. Струна “правых винил, а виновных оправдывал для своей бездельной корысти”. В частности, он оправдал человека, обвиняемого в изнасиловании собственной дочери, взяв с него, по словам протопопа Аввакума, полтину (Житие протопопа Аввакума. М., 1960. С. 68, 362).
- ¹³⁹ ДАИ. СПб., 1857. Т. 6. С. 2–3.
- ¹⁴⁰ Как считают современные комментаторы Соборного Уложения, гривенная по-

шлина с рубля шла в пользу государевой казны, "пересуд" – в пользу судьи, а "правый десяток" – сторожа (Соборное Уложение 1649 г. Л., 1987. С. 198). В Уложении "с суда пересуд" составляет 6 алтын 4 деньги, "правый десяток" – 4 дьяги (всего 22 коп.). В наказах сибирским воеводам (например, 1683 г. в Якутск) "пересуд" – 2 гривны, "правый десяток" – 4 деньги (всего 22 коп.). В наказной памяти Лабутину указана сумма этих двух пошлин (7 алтын и 2 деньги, т.е. 22 коп.), которые всегда упоминались вместе.

Вообще, взимание таких пошлин как "с суда пересуд" и "правый десяток" относилось к судебной традиции, восходящей по крайней мере к ст. 64 Судебника 1497 г. (Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2. С. 62, 94–95). Представляется, что к XVII в. эти пошлины, сохранив названия, утратили свой первоначальный смысл, зафиксированный Судебниками 1497 и 1550 гг. Рассмотрение судебных дел XVII в. показывает, что пересуд и правый десяток взимались при любом первичном обращении в суд, а не только при пересмотре дела (См: Первое столетие сибирских городов. Новосибирск, 1996. С. 100–102). Вызывает сомнение вышеприведенная точка зрения о том, что пересуд и правый десяток взимались в пользу судей и сторожей, поскольку в финансовой документации воеводских изб они, наряду с гривенной пошлиной, числились среди других приходных статей местного бюджета.

¹⁴¹ ДАИ. Т. 6. С. 46–50.

¹⁴² Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. С. 141.

¹⁴³ ДАИ. Т. 6. С. 86–87.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 1111, Оп. 1. Стб. 61. Л. 125. Соборное Уложение предусматривало наказание за бесчестье, в том числе и "непригожим" словом, нанесенное конкретному лицу (гл. X, ст. 27–99). О "матерной" брани как отдельном виде нанесения бесчестья Уложение ничего не говорит, но нет сомнений, что она входила в состав "непригожих" слов. Особенно ее наличие можно подозревать в ст. 99 – об оскорблении словом женщины.

¹⁴⁵ Шашков А. Т. Брань, борода и немецкое платье (По материалам урало-сибирских "видений" XVII – XVIII вв.) // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры Уральского государственного университета. 1995–1996. Екатеринбург, 1997. С. 31.

¹⁴⁶ Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б. А. Избр. тр. М., 1994. Т. 2. Язык и культура. С. 58–60.

¹⁴⁷ Ромодановская Е. К. Сибирские повести об иконах (XVII – начало XVIII вв.) // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII – XIX вв.). Новосибирск, 1968. С. 87.

¹⁴⁸ Главыцкая Е. М. Дела и люди земли Уральской. XVII в. // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. С. 49.

¹⁴⁹ Градовский А. Д. Сочинения. Т. 2. С. 452.

¹⁵⁰ Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. М., 1986. С. 214; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995. С. 599.

¹⁵¹ Законодательные акты Русского государства... Тексты. №№ 80, 88, 203, 248, 254, 268, 286.

¹⁵² Памятники русского права. М., 1963. Вып. 7. С. 396, 421.

¹⁵³ Там же. С. 365–366, 383.

¹⁵⁴ Градовский А. Д. Сочинения. Т. 2. С. 432; Богословский М. М. Земское самоуправление... Т. 2. С. 204.

¹⁵⁵ Котошихин Г. О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI–XVII веков. М., 1984. С. 274–275.

¹⁵⁶ Законодательные акты Русского государства... Тексты. № 254, 268.

¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 214. Кн. 2. Л. 9об.–10 (из наказа 1601 г. тобольским воеводам).

¹⁵⁸ Колониальная политика Московского государства в Якутии... С. 81–86.

¹⁵⁹ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России... С. 156–157.

¹⁶⁰ Леонтьева Г. А. Организация приказного делопроизводства в Сибири и профессиональная подготовка сибирских подьячих в XVII в. // Развитие культуры сибирской деревни в XVII – начале XX в. Новосибирск, 1986. С. 13–14.

¹⁶¹ СТГД. Т. III. С. 455–456. Как известно, во 2-й половине XVII в. появились отдельные сборники "новоуказных статей", дополнявших и изменявших нормы Соборного Уложения в разных отраслях права. Нет сведений, насколько обязательна была их рассылка по местным приказным избам, но есть примеры их наличия там. В 1692 г. в близком к Сибири Кунгуре воевода самостоятельно вынес приговор убийце и его укрывателю, основываясь на выписках из Уложения и из "новых статей" (Кунгурские акты XVII века. СПб., 1888. С. 189–202). В конце XVII в. илимский воевода Ф. Р. Качанов доносил в Сибирский приказ, что "вершил" 5 уголовных дел "по Уложению и по статьям" (Шерстобоев В. Н. Илимский пашня. Иркутск, 1949. Т. 1. С. 468).

¹⁶² В одном из сохранившихся списков указной книги Разбойного приказа 1616/17 г. есть помета: "У Соли Вычегодския в съезжей избе правил сесь список с подлинною статейною книгою Потапко Аверкиев" (Законодательные акты Русского государства... Тексты. С. 85). В той же Соли Вычегодской в 1636 г. произошло выступление жителей против воеводы. Добиваясь от воеводы казни восьми находившихся в местной тюрьме разбойников, выборные мирские власти потребовали показать им "статейные книги о разбойных делах", хранившиеся в съезжей избе (Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975. С. 182).

¹⁶³ ДАИ. СПб., 1872. Т. 12. С. 316–317.

¹⁶⁴ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 97–98.

¹⁶⁵ Люцидарская А. А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. Новосибирск, 1992. С. 42–43; Якутия в XVII веке. С. 243.

¹⁶⁶ Соборное Уложение 1649 года. С. 380.

¹⁶⁷ Колониальная политика Московского государства в Якутии... С. 65–66.

¹⁶⁸ Первое столетие сибирских городов. С. 68, 72; Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 97.

¹⁶⁹ Первое столетие сибирских городов. С. 46.

¹⁷⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 421–422.

¹⁷¹ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. С. 123.

¹⁷² Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 430–432.

¹⁷³ РГАДА. Ф. 214. Стб. 448. Л. 229.

¹⁷⁴ Как мне кажется, с чисто юридической точки зрения под "русским" населением XVII в. можно понимать всех православных христиан, каково бы ни было их этническое происхождение. Принятие православия, приобщая новокрещеных к свету истинной веры, заодно придавало им статус полноправного "русского гражданства". Одно из следствий этого – обязательное применение к представителям коренных народов Сибири, обратившимся в православие, норм русского законодательства, при широком допущении норм обычного права среди основной массы некрещеного аборигенного населения.

¹⁷⁵ Покровский Н. Н. Сибирские материалы XVII – XVIII вв. по "слову и делу государеву" как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 24–61; Голикова Н. Б. Организация политического сыска в России XVI – XVII вв. // Государственные учреждения России XVI – XVIII вв. М., 1991. С. 13–15.

¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 61. Л. 91, 92, 116–118, 122.

¹⁷⁷ Сафронов Ф. Г. Ссылка в Восточную Сибирь в XVII веке. Якутск, 1967. С. 88, 90.

- ¹⁷⁶ Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. М., 1964. С.104.
- ¹⁷⁷ ДАИ. Т.11. С.123–125.
- ¹⁷⁸ Сафронов Ф.Г. Ссылка в Восточную Сибирь... С.65.
- ¹⁷⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т.1. С.348.
- ¹⁸⁰ Тобольский архиерейский дом... С.183.
- ¹⁸¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. С.458–459.
- ¹⁸² Акишин М.О. Новые документы об отношении аборигенов Севера Зауралья к русским властям. XVII – XVIII в. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1994. № 1. С.127–128; Смирнов И.И. Восстание Болотникова. 1606–1607 гг. М., 1951. С.558.
- ¹⁸³ Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII вв. М., 1982. Вып.1. С.145–147.
- ¹⁸⁴ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. С.237–240.
- ¹⁸⁵ РГАДА. Ф.214. Стб.12. Л.18–22.
- ¹⁸⁶ Якутия в XVII веке. С.297.
- ¹⁸⁷ Акишин М.О. Новые документы... С.126–127.
- ¹⁸⁸ РГАДА. Ф.214. Стб.958. Л.6, 7, 18, 19.
- ¹⁸⁹ Колониальная политика Московского государства в Якутии... С.245–246.
- ¹⁹⁰ ПСЗ-1. Т.III. С.213–215.
- ¹⁹¹ Первое столетие сибирских городов. С.64. Суммы судебных пошлин, по сравнению с другими доходами казны, вообще выглядят скромно. Например, муромский воевода сообщал в Москву, что за 1633/34 г. судебных пошлин собрано на 6 руб. 40 коп., "потому что в Муроме судные дела живут небольшие" (Акты Московского государства. Т.2. С.20).
- ¹⁹² Первое столетие сибирских городов. С.100–102. Не совсем понятно, почему Д.Я.Резун в предисловии к данной публикации доходы от судебных пошлин отнес к "виду таможенных сборов" (Там же. С.23). Приходная книга Илимского острога, отправляемая для проверки и утверждения в Якутск, зафиксировала вообще все казенные доходы за сентябрь 1648 – март 1649 г., включая таможенные, судные и прочие сборы.
- Используя список судных дел Илимского острога, считаю нужным сделать следующую оговорку. До прибытия в сентябре 1649 г. первого воеводы Т.В.Шушерина Илимском управлял якутский сын боярский И.Пильников (Пилинков). Однако характер дел и суммы исков показывают, что судебные полномочия приказчика Илимского острога в данное время не отличались от аналогичных функций воевод уездных центров.
- ¹⁹³ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сб. документов. М., 1952. С.105–106.
- ¹⁹⁴ Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. С.109.
- ¹⁹⁵ Обращение в суд по поводу даже словесного оскорбления не рассматривалось потерпевшей стороной как дело заведомо безрезультатное. Так, в 1686 г. в кунгурскую съезжую избу подала жалобу стрелецкая жена Офимьица: на день Параскевы Пятницы в доме у стрельца Щеткина, где, видимо, проходило празднование, ее оскорбил крестьянин Г.Семенов. Соблюдая табуированность на употребление матерной брани в официальном делопроизводстве, подьячий передал суть оскорбления следующим образом: Семенов "меня, сироту вашу, безчестил тайной свой уд в рот сулил и ис порток тряс". Офимьица просила рассмотреть дело и ссылалась на свидетелей. По Соборному Уложению (гл.Х, ст.99) денежное удовлетворение бесчестия женщины составляло двойной оклад ее мужа; учитывая средние размеры стрелецкого жалования, Семенов мог быть приговорен к штрафу в 8–10 руб. Неудивительно, что дело закончилось подачей мировой челобитной, пошлину с которой заплатил невоздержанный на язык крестьянин (Кунгурские акты XVII века. С.113–114).
- ¹⁹⁶ Соборное Уложение не выделяет изнасилование как самостоятельный вид преступления. Мера наказания за изнасилование зависела, очевидно, от социального статуса потерпевшей. Если ст.16 главы XXII предусматривает смертную казнь за "учиненное дурно" над "госпожой" (причем здесь имеется в виду не обязательно изнасилование), то наказание за данное преступление, совершенное в отношении представительниц низших сословий, вообще не определяется. Практика показывает, что обычно высшей мерой наказания для насильников была торговая казнь – публичное битие кнутом. Так, в 1684 г. "учинено наказание Петру Васильеву сыну Кыкину: бит кнутом перед Стрелецким приказом за то, что он девуку растлил" (Желябужский И.А. Записки // Россия при царице Софье и Петре I. М., 1990. С.207).
- ¹⁹⁷ РГАДА. Ф.1111. Оп.2. Стб.347. Л.147–159.
- ¹⁹⁸ Там же. Оп.1. Стб.61. Л.38–47.
- ¹⁹⁹ Там же. Ф.214. Стб.1402. Л.90.
- ²⁰⁰ Современные комментаторы Соборного Уложения пишут, что "на практике женоубийцам полагалось наказание в зависимости от мотивов и обстоятельств преступления, но никогда не каралось смертной казнью" (Соборное Уложение 1649 года. С.388). Можно согласиться с первой частью этого утверждения и заметить, что иногда смертная казнь к женоубийцам все-таки применялась (См.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VII. М., 1991. С.127).
- ²⁰¹ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т.1. С.468.
- ²⁰² Там же.
- ²⁰³ ДАИ. Т.11. № 11. С.30–31.
- ²⁰⁴ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т.1. С.469.
- ²⁰⁵ РГАДА. Ф.1111. Оп.2. Стб.279. Л.39–59.
- ²⁰⁶ Первое столетие сибирских городов. С.95–98.
- ²⁰⁷ Шашков А.Т. Якутское дело XVII в. о колдуне Иване Жеглове // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С.83–88.
- ²⁰⁸ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т.1. С.468.
- ²⁰⁹ ДАИ. Т.8. С.214–217; Шашков А.Т. Старообрядцы – узники сургутской тюрьмы (последняя четверть XVII в.) // Сургут, Сибирь, Россия: Международная науч.-практ. конференция, посвященная 400-летию Сургута: Тез. докл. (22–25 марта 1994). С.228–231.
- ²¹⁰ Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Улан-Удэ, 1960. С.426. Впрочем, этот случай можно считать нетипичным. В 1684 г. перед тобольской администрацией была поставлена задача срочно набрать и отправить в Даурию отряд из 600 служивых людей, куда, видимо, и был зачислен преступник Г.Безрукий (См.: Леонтьева Г.А. Волнения служивых людей в Восточной Сибири в 80-х годах XVII в. // Русское население Поморья и Сибири. С.94–95).
- ²¹¹ Сборник документов по истории Бурятии. С.417–420.
- ²¹² Там же. С.421–422.
- ²¹³ Якутия в XVII веке. С.223.
- ²¹⁴ Колониальная политика Московского государства в Якутии... С.201–208.
- ²¹⁵ Там же. С.61.
- ²¹⁶ Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С.185.
- ²¹⁷ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч.2. С.150.
- ²¹⁸ Степанов Н.Н. Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири. С.120–123.
- ²¹⁹ Акишин М.О. Полпийское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С.77–78.

Заключение

¹ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

² В.А.Александров и Н.Н.Покровский пишут: "Можно полагать, что в основе отказов воеводам лежит традиционная для казачьего круга норма выбора начальственных лиц, начиная с атаманов..." (с.237). Хотелось бы обратить внимание на одно любопытное терминологическое совпадение в источниках XVII в. Занимать должность воеводы - значит, "сидеть на воеводстве", а сибиряки отказывают "от воеводства", "от съезжей избы, от государевых дел". В грамотах 1610 г., которые рассылались из Москвы по городам с извещением о свержении Василия Шуйского и текстом крестоцеловальной записи присяги московским боярам, в частности, говорилось: "А бывшему государю царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русии отказать, и на государеве дворе не быти, и вперед на государстве не сидети" (АИ. СПб., 1841. Т.2. С.349).

³ Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С.82.

⁴ Альшин Д.Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С.234.

⁵ Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С.7, 283, 385-386.

⁶ Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С.7.

⁷ Никитин Н.И. О традициях казачьего и общинного самоуправления в России XVII в. // Изв. СО РАН. Серия "История, филология и философия". 1992. Вып.3. С.6. Показателен и вывод А.Л.Станиславского, который рассмотрел попытку сложения сословия вольного казачества в центральных районах страны в годы Смуты: "...вольное" казачество Дона, Волги, Яика и Терека по своему социальному развитию было много архаичнее общественного устройства Русского государства того же времени" (Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. М., 1990. С.244).

⁸ Никитин Н.И. О традициях казачьего и общинного самоуправления... С.5, 7. См. также: Он же. О происхождении, структуре и социальной природе сообщества русских казаков XVI - середины XVII века // История СССР. 1986. № 4. С.167-177.

⁹ Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. С.309-310, 241.

¹⁰ Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Л., 1936. С.40.

¹¹ Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. С.6-9.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ	- Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
ДАИ	- Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией
ИЗ	- ж. Исторические записки
МГУ	- Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ПСЗ - 1	- Полное собрание законов Российской империи (Собрание 1-е)
ПСРЛ	- Полное собрание русских летописей
РГАДА	- Российский государственный архив древних актов (Москва)
СГГД	- Собрание государственных грамот и договоров, хранящиеся в Государственной коллегии иностранных дел
ЧОИДР	- Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

Евгений Владимирович Вершинин

**Воеводское управление в
Сибири
(XVII век)**

Редактор Т.С.Вершинина

Компьютерный набор, верстка Т.С.Вершинина

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 040791 от 29.01.97

Подписано в печать 12.07.98.   Формат 60x84 1/16.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Бумага для множительных аппаратов.
Уч.-изд.л.11,1.   Усл.печ.л.10,3.   Тираж 500 экз.
Муниципальный учебно-методический центр "Развивающее обучение".
Екатеринбург, ул. А. Валека, 8а.

Отпечатано в типографии НИИ "Автоматика". Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка,